

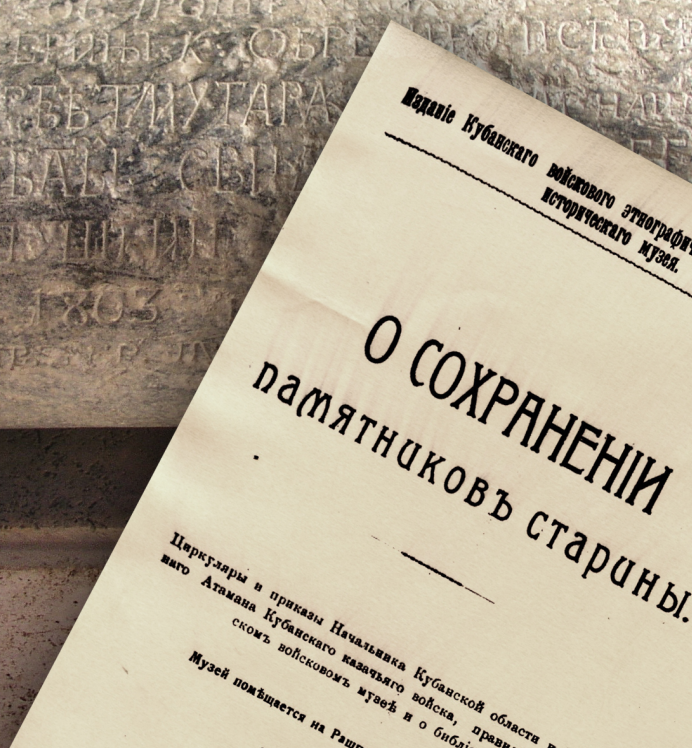
О. Н. Маркова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ НЕДВИЖИМОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

НА КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЕ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

МОСКВА
2024

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЁВА
(Институт Наследия)
ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

О. Н. Маркова

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ
НЕДВИЖИМОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НА КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЕ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI вв.**

Монография

Москва
2024

УДК (725.94+347.787):351.853(470.620)”179/201”

ББК 79.0

М26

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Научный редактор:

Бондарь Виталий Вячеславович, кандидат исторических наук,
руководитель отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Рецензенты:

Аполлонов Иван Александрович, доктор философских наук,
профессор кафедры истории, философии и психологии
Кубанского государственного технологического университета;

Крюкова Анна Владимировна, кандидат исторических наук,
научный сотрудник научно-методического отдела Краснодарского
историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына

Маркова О. Н.

М26

Исторический опыт сохранения недвижимого культурного наследия на Кубани и Черноморье в конце XVIII — начале XXI вв. [Электронное сетевое издание] / О. Н. Маркова; науч. ред. В. В. Бондарь; Южный филиал Института Наследия. — Москва : Институт Наследия, 2024. — 162 с. — ISBN 978-5-86443-464-2.

В монографии представлен ретроспективный анализ практик сохранения недвижимого культурного наследия Кубани и Черноморья (в границах современного Краснодарского края) с момента вхождения региона в состав Российского государства в конце XVIII века до первых десятилетий XXI века. Выделены основные акторы памятникоохранной деятельности: государственные структуры, научное и профессиональное сообщества и широкая общественность; показано основополагающее значение их системного взаимодействия при ведущей роли научного знания в достижении целей сохранения недвижимого культурного наследия.

Материалы исследования могут быть использованы в рамках мероприятий по реализации государственной культурной политики; в повседневной деятельности органов государственной и муниципальной власти, в частности, уполномоченных в сфере сохранения объектов культурного наследия органов; в преподавании курсов музееведения и охраны памятников, отечественной истории, регионоведения, культурологии; в программах повышения квалификации; в научно-просветительской (в том числе экскурсионной) деятельности.

**УДК (725.94+347.787):351.853(470.620)”179/201”
ББК 79.0**

ISBN 978-5-86443-464-2

© Маркова О. Н., 2024

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1	
Дореволюционный опыт сохранения памятников старины на Кубани и Черноморье	
1.1. У истоков памятникоохранной деятельности в период вхождения Кубани и Черноморья в состав Российской империи	18
1.2. Роль общественных и научных институций в сохранении памятников старины	34
1.3. Центральные и местные органы власти как акторы охраны памятников	47
ГЛАВА 2	
Советская государственная система охраны и практики сохранения памятников истории и культуры на территории Краснодарского края	
2.1. Становление и развитие государственной системы охраны памятников, 1920–1970-е гг.	63
2.2. Общественная и научная памятникоохранная деятельность, 1920–1970-е гг.	87
2.3. Трансформации системы охраны памятников истории и культуры, 1980–1990-е гг.	99
ГЛАВА 3	
Содержание и характер деятельности по сохранению объектов культурного наследия на территории Краснодарского края в постсоветский период	
3.1. Деятельность Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, 1993–2008 гг.	108
3.2. Опыт программной деятельности органов государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края, 1990–2010-е гг.	118
Заключение	135
Источники и литература	139
Список сокращений	160

ВВЕДЕНИЕ

Культурное наследие имеет непреходящее значение в жизни общества и государства. Сохранение культурного и исторического наследия отнесено к стратегическим национальным приоритетам¹.

Само понятие «культурное наследие» имеет разные толкования. В российском законодательстве о культуре оно трактуется широко как «материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех её народов, их вклада в мировую цивилизацию»², то есть включает его материальную (движимую и недвижимую) и нематериальную составляющие.

В настоящем исследовании понятие недвижимого культурного наследия тождественно современному правовому определению «объекты культурного наследия (памятники истории и культуры)», закреплённому в Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Становление этих понятий происходило постепенно. В первой половине XVIII века, с расширением границ Российской империи и началом системного изучения вновь обрётённых российских земель, в литературе появилось обобщающее понятие «древности» для археологических находок — движимых и недвижимых. В начале XIX века понятия «древности», «памятник», «памятник древности» стали использоваться в официальных документах, помимо памятников археологии, применительно к античной и средневековой архитектуре, памятным местам, монументам, надписям. Во второй половине XIX века в научную сферу и область права было введено новое понятие — «памятник старины». Развитие понятийного аппарата продолжилось в советское

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>. — С. 8 (дата обращения: 10.12.2020).

² Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1) (ред. от 10.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.12.2023 г.). — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102018866> (дата обращения: 22.01.2024).

время, закрепив за недвижимой частью культурного наследия определение «памятники истории и культуры» в законе СССР 1976 года об охране и использовании памятников истории и культуры и аналогичном российском республиканском законе 1978 года. В 2002 г. было введено правовое понятие «объекты культурного наследия» равнозначное «памятникам истории и культуры».

Основами государственной культурной политики установлен приоритет общественного права на сохранение недвижимого культурного наследия перед частными имущественными интересами как физических, так и юридических лиц³. Под сохранением недвижимого культурного наследия понимаются «меры, направленные на обеспечение физической сохранности и сохранение историко-культурной ценности объектов культурного наследия»⁴, их «вовлечение в культурный и научный оборот»⁵.

При этом современный мир стремительно меняется. Ускоряются процессы глобализации, разрывающей исторические связи и стирающей традиционные человеческие ценности. Нарастает агрессия цифрового мира, превращающего понятную и надёжную физическую реальность в непредсказуемую, «размытую» и неустойчивую виртуальную.

В этих условиях актуализируется проблема поиска, применения и развития оптимальных, стратегически осмысленных государственных и общественных практик по сохранению историко-культурного наследия, выбора в этой сфере по-настоящему действенных механизмов. Всё это немислимо без формирования качественной научной платформы, а значит, анализа соответствующего исторического опыта как в масштабах страны, так и отдельных её субъектов.

Показателен в этом отношении опыт Краснодарского края — исторических Кубани и Черноморья, на территории которого по состоянию

³ Основы государственной культурной политики, утв. Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412250002> (дата обращения: 21.01.2024).

⁴ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076756> (дата обращения: 15.12.2023).

⁵ Основы государственной культурной политики, утв. Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 // Официальный интернет-портал правовой информации [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412250002> (дата обращения: 21.01.2024).

на конец 2023 г., не считая выявленных, насчитывалось почти 9 тысяч поставленных под государственную охрану и зарегистрированных в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) всех исторических эпох⁶.

Для использования обоснованно эффективных инструментов в современной практике сохранения памятников истории и культуры и при определении её перспектив представляется важным изучить существующий опыт системно, на максимально длительном временном отрезке, включавшем разные по своему характеру исторические этапы. Объектом исследования при этом выступает собственно недвижимое культурное наследие края, предметом — содержание и результаты действий по его сохранению в историческом развитии, в том числе: процесс собирания корпуса исторических объектов, получивших охранный статус; становление и развитие форм и методов, направленных на их сохранение; установление ведущих акторов, определявших эту сферу деятельности и влиявших на показатели её успешности.

Понятие «Кубань и Черноморье» (тождественное определение — «Северо-Западный Кавказ») в географических рамках исследования соотносится в дореволюционное время с территорией Кубанской области, в состав которой до 1896 г. входил Черноморский округ (затем получивший статус самостоятельной Черноморской губернии), в советский и постсоветский периоды — с территорией Краснодарского края.

В Кубанской области и выделенной из него Черноморской губернии, которая затрагивается в настоящем исследовании фрагментарно, принципы и формы сохранения памятников были общими. По своим размерам эти административно-территориальные образования превосходили современный Краснодарский край (образован в 1937 г.), внутри территории которого в статусе автономной области находилась Республика Адыгея (вышла из состава края в 1992 г.). Входивший в Кубанскую область Большой Карачай в советскую эпоху составил часть территории Карачаево-Черкесии.

Сужение применительно к советскому и постсоветскому периоду территориальных границ исследования в географическом смысле до

⁶ Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. — URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения: 06.11.2023).

Краснодарского края обосновано тем, что Республика Адыгея и Карачаево-Черкесская Республика являются отдельными субъектами с собственными сложившимися системами памятничкоохранения, которые являются темами специальных изысканий.

Нижняя хронологическая граница в настоящей работе обусловлена находкой Тмутараканского камня, давшей импульс к изучению памятников археологии на Таманском полуострове (Прикубанья) в конце XVIII века. Верхняя — очерчена последними в современной истории Краснодарского края масштабными программными мероприятиями, организованными региональным органом государственной охраны объектов культурного наследия в сотрудничестве с представителями профессионального и научного сообществ, — разработкой и утверждением проектов предметов охраны и границ территорий исторических поселений Краснодарского края в 2017–2019 годах.

До настоящего времени не было обобщающих научных работ, в которых деятельность по сохранению историко-культурного наследия края рассматривалась бы комплексно, в непрерывном развитии с момента присоединения Прикубанья к России до современности. Вместе с тем отдельные аспекты этой проблематики вошли в поле научного дискурса уже на рубеже XVIII–XIX веков с началом изучения древностей Тамани.

Первым научным исследованием, посвящённым таманским памятникам, стала работа И. А. Мусина-Пушкина о Тмутараканском камне, изданная в 1794 г.⁷ и послужившая толчком к началу изучению наследия новых российских земель. Собранные в процессе обследования Северного Причерноморья материалы с описаниями древностей изложили в своих трудах П. С. Паллас⁸, П. И. Кёппен, П. П. Свиньин и др.⁹ В 1823 г. в свет вышел первый программный документ по сохра-

⁷ *Мусин-Пушкин А. И.* Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения. — СПб., 1794.

⁸ *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. — М. : Наука, 1999; *Паллас П. С.* Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1883. — Том 13.

⁹ *Кёппен П. И.* Древности северного берега Понта. — М. : О-во истории и древностей российских, 1828; *Свиньин П. П.* Обозрение путешествия издателя «Отечественных записок по России в 1825 г., относительно археологии // Отечественные записки. — 1826. — Ч. 25. — Кн. 71.

нению памятников древности, автором которого был знаток археологии И. А. Стемповский¹⁰.

Первый опыт исторического обзора археологических исследований на Таманском полуострове в конце XVIII — первой половине XIX вв. был предпринят в основополагающих трудах К. К. Гёрга¹¹, до настоящего времени имеющие значение введения в археологию Таманского полуострова¹².

Среди материалов второй половины XIX — начала XX вв., относящихся к теме изучения и сохранения недвижимого культурного наследия Северо-Западного Кавказа, выделяются научные и научно-публицистические работы П. С. Уваровой¹³, А. Х. Стевена¹⁴, В. М. Сысоева¹⁵, Н. Л. Каменева¹⁶, Е. Д. Фелицына¹⁷, материалы натуральных исследо-

¹⁰ *Стемповский И. А.* Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. — Часть 29. — Кн. 81. — СПб., 1827.

¹¹ *Гёрг К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московского Археологического общества. — Т. II. — Вып. 3. — М., 1870; *Гёрг К. К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. — Москва : Моск. археол. о-во, 1876.

¹² *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII — начало XX вв.) // Боспорские исследования. — № 39. — 2019. — С. 354.

¹³ *Уварова П. С.* Кавказ: Путевые заметки : в 3 т. — М. : тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887–1904; *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. — Вып. 8. — 1900.

¹⁴ *Стевен А. Х.* Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии. Дело № 183. 1805 года // ИТУАК. — 1891. — № 13.

¹⁵ *Сысоев В. М.* Евгений Дмитриевич Фелицын // Материалы по археологии Кавказа (МАК). — М., 1904. — Вып. 9. — С. I–VII; *Сысоев В. М.* Краткий археологический очерк Кубанской области и Черноморской губернии // Кубанский сборник. — Т. IV. — Екатеринодар, 1898; *Сысоев В. М.* Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его // Известия ОЛИКО. — Вып. 1. — Екатеринодар, 1899.

¹⁶ *Каменев Н. Л.* Попытки археологических разведок в Кубанской области // Кубанские войсковые ведомости. — 1870. — № 47–48.

¹⁷ *Фелицын Е. Д.* Археологическая карта Кубанской области в 20-верстном масштабе. [Карты]. — М., 1882; *Фелицын Е. Д.* Западно-Кавказские дольмены // Материалы по археологии Кавказа (МАК). — М., 1904. — Вып. 9. — С. 1–86.

ваний Кавказского Причерноморья в опубликованных отчётах В. Сизова¹⁸.

Советскими учёными были продолжены исследования проблематики археологического наследия, истории его изучения и сохранения в дореволюционный период.

Общей истории развития системы охраны недвижимого наследия в дореволюционной России и в СССР (до 1970 г.) посвящены по-прежнему актуальные фундаментальные труды А. М. Разгона, Д. А. Равиковича, Ю. Н. Жукова¹⁹.

Результатом анализа накопленных к середине XX века знаний об античной истории Северного Причерноморья явилась основополагающая монография В. Ф. Гайдукевича об истории Боспорского царства²⁰.

Обширный фактический материал об античных государствах, существовавших на Юге России, в том числе «топографический обзор главных городищ и некрополей на Северном Понте» и «краткие сведения об истории раскопок главнейших археологических памятников», был представлен в работах В. Д. Блаватского²¹.

О меото-сарматских памятниках, проблемах их изучения и сохранения писал выдающийся кубанский археолог Н. В. Анфимов²².

¹⁸ Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. — М. : Типография А. И. Мамонтова и К°, 1889. — Вып. II. — С. 1–182.

¹⁹ Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // Труды Научно-исследовательского института музееведения. — Вып. 1 : История музейного дела в СССР : сб. статей. — М., 1957. — С. 73–128; Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. — Вып. 22. — М., 1970. — С. 3–127; Жуков Ю. Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры: 1917–1920 гг. — М. : Наука, 1989. — 304 с.

²⁰ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. — М. ; Л. : Изд-во и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1949 (Ленинград).

²¹ Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961; Блаватский В. Д. Античная археология и история. — М., 1985.

²² Анфимов Н. С. Курганы рассказывают... — Краснодар, 1972; Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. — Краснодар, 1987; Анфимов Н. В., Анфимов И. Н. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед. — Вып. 3. — Краснодар, 1992; и др.

Проблематикой дольменов Северо-Западного Кавказа занимался В. И. Марковин²³. Комплексный обзор культурных ландшафтов Крыма и Таманского полуострова и значительный массив введенных в научный оборот источников содержит издание А. А. Воронова и М. Б. Михайловой «Боспор Киммерийский»²⁴. Античной географии Чёрного моря и её изменениям в течение двух с половиной тысячелетий посвящена работа М. В. Агбунова, имеющая особую ценность в сохранении подводного археологического наследия²⁵.

Широкий круг вопросов — от научно-практических, касающихся результатов полевых исследований памятников археологии на территории Краснодарского края, до фундаментальных разработок по истории русской археологии и охране недвижимого культурного наследия — рассмотрен в трудах А. А. Формозова советского и постсоветского времени²⁶.

В 1990–2000-х гг. научный интерес к проблеме сохранения культурного наследия края, в том числе недвижимых памятников истории и культуры, к вопросам формирования общественного запроса на наследие, значительно возрос. В разной степени эта тематика освещалась в работах прежде всего учёных-археологов, продолживших традиции советской научной школы, в том числе: А. К. Коровиной, С. А. Плетневой, Е. М. Алексеевой, В. И. Марковина, И. С. Каменецкого и др.²⁷

²³ *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. — М. : Наука, 1978.

²⁴ *Воронов А. А., Михайлова М. Б.* Боспор Киммерийский. — М. : Искусство, 1983.

²⁵ *Агбунов М. В.* Античная лоция Черного моря. — М. : Наука, 1987.

²⁶ *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. — М. : Изд-во АН СССР, 1961; *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. — М. : Наука, 1965; *Формозов А. А.* К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX века // Советская археология. — 1975. — № 1. — С. 171–175; *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. — М. : Наука, 1986; *Формозов А. А.* Русское общество и охрана памятников культуры. — М. : Советская Россия, 1990; *Формозов А. А.* Археология и идеология (20–30-е годы) // Вопросы философии. — 1993. — № 2. — С. 70–82; и др.

²⁷ *Коровина А. К.* Гермонасса: античный город на Таманском полуострове. — Москва : ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2002; *Плетнева С. А.* Тамарха-Тмутаракань // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. — М., 2003. — С. 171–179; *Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. — М. : Эдиториал УРСС, 1997;

Наиболее полный ретроспективный обзор археологических исследований Таманского полуострова до начала второго десятилетия XXI века, основанный на анализе множества впервые вводимых в научный оборот источников, представлен в трудах Я. М. Паромова²⁸.

Фундаментальное исследование процессов формирования научного знания о памятниках античности Северного Причерноморья в XVIII–XIX вв. принадлежит И. В. Тункиной²⁹.

Каменецкий И. С. Из истории охраны памятников на Кубани // Археологический бюллетень. — 1992. — № 4 (12). — С. 2–5; *Каменецкий И. С.* Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. — Вып. II. — М. : Богородский печатник. 1998. — С. 127–146; *Дмитриев А. В., Малышев А. А., Шишлов А. В., Федоренко Н. В.* Исследования археологических объектов античной эпохи в окрестностях пос. Мысхако в 1992 г. // Боспорский сборник. — М., 1994. — Вып. 4. — С. 141–146; *Донцова А. А.* Государственная охрана памятников в 1920-е гг.: к истории изучения вопроса // Вестник Томского государственного университета : Культурология и искусствоведение. — 2017. — № 27. — С. 99–117.

²⁸ *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. — Часть I (конец XVIII — начало XX вв.) // Боспорские исследования. — 2019. — № 39. — С. 343–377; *Он же.* История археологических исследований на Таманском полуострове. — Часть 2 (1918–1991 гг.) // Боспорские исследования. — Вып. XL. — Керчь : Керченская городская типография, 2020. — С. 239–305; *Он же.* История археологических исследований на Таманском полуострове. — Часть 3 (1992–2012 гг.) // Боспорские исследования. — Вып. XLI. — Керчь : Керченская городская типография, 2020. — С. 231–334; *Он же.* История археологических исследований на Таманском полуострове (1792–2016 гг.). — М. : ИА РАН, 2023. — 336 с.; и др.

²⁹ *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб. : Наука, 2002; *Она же.* А. С. Уваров и древности юга России (конец 1840 — начало 1850-х гг.) // Охраняется государством : Четвертая российская научно-практическая конференция. — СПб., 1996. — *Часть I.* — С. 163–181; *Она же.* Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII — середина XIX в.) // Проблемы античной истории : Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова / Под редакцией д-ра ист. наук А. Ю. Дворниченко. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003; *Она же.* Археологические исследования А. Б. Ашика и Д. В. Карейши на Таманском полуострове в 1820–1840-х гг. // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. — Вып. 2. — Одесса : Изд. дом «Паллада», 2008. — С. 60–63; *Она же.* История изучения [античного насле-

Аналізу проблем, зв'язаних з виявленням, изученням, збереженням і використанням підводного культурного насліддя, присвячена робота А. В. Огорокова і Д. В. Бабєкіна³⁰.

Роль громадських ініціатив, громадських і наукових організацій — столичних і регіональних — в справі по охороні пам'яток на Кубані і Чорномор'є в ХІХ — першій третині ХХ вв. изучали Н. І. Кирей, Т. В. Ратушняк, С. Г. Бойчук, Т. І. Тугай, І. Н. Ільїна і др.³¹

дия Кубани] // Античное наследие Кубани. — М. : Наука, 2010. — Т. 1. — С. 10–128; *Она же*. Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера // Вестник древней истории. — 2013. — № 1 (284). — С. 197–214; и др.

³⁰ *Огороков А. В., Бабєкін Д. В.* Подводное культурное наследие: изучение, сохранение, музеефикация. — М. : Институт Наследия, 2017.

³¹ *Кирей Н. И.* ОЛИКО — центр исторического краеведения на Кубани в 1897–1932 гг. // Голос минувшего : Кубанский исторический журнал. — 1997. — № 4. — С. 42–43; *Кирей Н. И., Лушняк Г. И., Мошкович Г. Г., Тихомиров В. Р.* Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) и его историческое значение // Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 1989. — С. 132–150; *Ратушняк Т. В.* Кубанский областной статистический комитет: создание, основные направления и результаты деятельности // Кубанский сборник. — Т. 4 (25). — Краснодар : Книга, 2012. — С. 32–56; *Ратушняк Т. В.* Становление и развитие краеведения на Кубани в конце XVIII — первой трети ХХ вв. // Голос минувшего. — № 3–4. — 2007; *Ратушняк Т. В.* Общество любителей изучения Кубанской области (1897–1932 гг.) : К 120-летию первого краеведческого общества на Кубани // Голос минувшего. — № 1–2. — 2017. — С. 151–162; *Бойчук С. Г.* Общественно-просветительская деятельность Е. Д. Фелицына. — Краснодар : Традиция, 2010; *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н.* Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России : материалы Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. в 2 т. — Т. 2. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020; *Тугай Т. И.* Организация советского краеведения: дореволюционный опыт в реалиях 1920-х гг. // Российские регионы: взгляд в будущее. — 2020. — Т. 7. — № 3. — С. 12–34; *Ільїна І. Н.* Общественные организации России в 1920-е гг. / Рос. акад. наук ; Ин-т рос. истории. — М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000; *Тихонов И. Л.* Императорская Археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. — 2009. — № 4; *Серых Д. В.* Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине ХІХ — начале ХХ в. — Казань : Отечество, 2014.

Деятельность по охране культурного наследия в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны, массовой интеллектуальной миграции на Кубань, а также музейные и монументальные проекты тех лет рассмотрены А. Н. Еремеевой и А. В. Крюковым³².

Большой вклад в создание общетеоретической базы по проблемам культурного наследия и его сохранения внесли Ю. А. Веденин, М. Я. Кулешова, М. А. Полякова, М. Е. Каулен, А. С. Щенков³³.

Различные стороны в сфере современных практик сохранения недвижимого наследия — отдельных памятников, историко-градостроительной среды и культурных ландшафтов Краснодарского края и Республики Адыгея — рассмотрены в работах В. В. Бондаря³⁴.

³² *Еремеева А. Н.* «Между прошлым и будущим» (Художественная жизнь Кубани в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920 гг.). — СПб. : Нестор, 1996; *Она же.* Культурная жизнь Кубани в XX веке. — Краснодар : Платонов И., 2013; *Она же.* Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета : Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. — 2021. — Т. 26. — № 2. — С. 171–183; *Еремеева А. Н., Крюков А. В.* Сохранение и трансляция культурного наследия в условиях революции и Гражданской войны (по материалам Юга России) // Вопросы культурологии. — 2015. — № 7. — С. 6–11.

³³ Культурный ландшафт как объект наследия / Отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М. : Ин-т Наследия ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2004; *Каулен М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. — М. : Этерна, 2012; *Полякова М. А.* Охрана культурного наследия России : учеб. пособие для вузов. — М. : Дрофа, 2005. — 271 с.; *Она же.* Культурное наследие России. История охраны и современное состояние : учеб. пособие для вузов. — М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2015. — 387 с.; *Щенков А. С.* Реконструкция исторических городов : учебное пособие в 2 частях. — М. : Памятники исторической мысли, 2013; и др.

³⁴ *Бондарь В. В.* Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. — М. : Институт Наследия, 2023. — 202 с.; *Он же.* Город Екатеринодар в пространстве и времени: опыты исторической урбанистики : монографический сб. — Краснодар : Платонов И., 2006; *Он же.* Екатеринодарский Семипрестольный собор Святой Екатерины — памятник архитектуры византийского стиля // Наследие веков. — 2015. — № 3. — С. 131–136. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Bondar.pdf (дата обращения: 26.03.2024); *Он же.* Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроитель-

Сведения об истории создания и деятельности специально уполномоченного Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края в 1990-е — начале 2000-х годов содержатся в публикациях А. Ф. Ачкасовой³⁵, В. А. Гариной³⁶.

Результаты исследования особенностей государственной охраны объектов культурного наследия, созданных для увековечения событий военной истории, а также принадлежащих к произведениям монументального искусства, выполненного на материалах ведомственного архива управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края, представлены в статье А. В. Гончарова и А. В. Крюкова³⁷.

Отдельные аспекты, связанные с изучением опыта сохранения недвижимого культурного наследия в общероссийском контексте, рассмотрены в диссертациях юридического, исторического, культурологического профилей³⁸. В этом ряду широтой охвата материала

ного наследия // *Academia. Архитектура и строительство*. — № 3. — 2016. — С. 99–105. — URL: http://www.raasn.ru/public/academia_2016_3.pdf (в соавторстве с Ю. В. Рысиным) (дата обращения: 26.03.2024); и др.

³⁵ *Ачкасова А. Ф.* Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // *Голос минувшего: Кубанский исторический журнал*. — № 2. — 1997. — С. 13–17; *Ачкасова А. Ф.* Веление времени // *Наследие народов Российской Федерации*. — 2003. — № 2. — С. 33–39.

³⁶ *Гарина В. А.* Кто остановит «черных археологов»? // *Наследие народов Российской Федерации*. — 2003. — № 2. — С. 40–43.

³⁷ *Гончаров А. В.* «Победителям и побежденным»: эпоха гражданского противостояния на Кубани и Черноморье в объектах культурного наследия // *Наследие веков*. — 2018. — № 2. — С. 41–47; *Гончаров А. В., Крюков А. В.* Воинские монументы как объекты культурного наследия: особенности государственной охраны (на примере Краснодарского края) // *Наследие веков*. — 2020. — № 3. — С. 73–82.

³⁸ *Шадже А. М.* Охрана памятников истории и культуры на Северном Кавказе: первая половина 20-х гг. XX в.; дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. — Майкоп, 1992; *Шуленова Э. А.* Музеефикация памятников как механизм использования культурного наследия в регионе: автореферат дисс. ... доктора культурологии: 24.00.02, 24.00.03 / Рос. ин-т культурологии. — Москва, 1998; *Киндзерская М. А.* Музейное дело и сохранение историко-культурных памятников России: начало XX в. — конец 1930-х гг.: автореферат дисс. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. — Краснодар, 2005; *Шалюгин М. С.* Государственно-

и масштабностью выводов выделяется диссертационное исследование А. В. Работкевича, посвящённое проблеме формирования в России дореволюционной государственной политики в области охраны памятников истории и культуры³⁹.

Источниковую базу исследования составил широкий круг материалов. Корпус неопубликованных источников включает впервые задействованные и введённые в научный оборот документы и материалы советского и постсоветского периодов из архива Управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края, а также личных архивов автора и бывшего сотрудника Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, заслуженного работника культуры РСФСР В. А. Гариной; ряд документов из фондов Государственного архива Краснодарского края (в том числе: фонда 249 — Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска), Р-158 — Кубано-Черноморский областной революционный комитет, Р-365 — Кубано-Черноморский областной отдел народного образования Исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов, Р-1496 — Главное управление архитектуры и градостроительства Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов, Р-1748 — Краснодарский краевой Совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и других). Среди использованных в работе опубликован-

правовая охрана историко-культурного наследия в дореволюционной России : дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. — Нижний Новгород, 2005; *Хотина Ю. В.* Формирование историко-культурного наследия Кубани в конце XVIII — начале XX вв. : автореферат дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2006; *Власникова М. А.* Сохранение памятников христианской культовой архитектуры европейской части Российской Федерации во второй половине XX — начале XXI века : автореферат дисс. ... кандидата культурологии: 24.00.03. — Санкт-Петербург, 2021. — 28 с.; *Донцова А. А.* Государственная охрана памятников культуры в Томске в 1920-е гг. : дисс. ... кандидата исторических наук: 24.00. — Томск, 2017. — 163 с.; и др.

³⁹ *Работкевич А. В.* Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII — начале XX века : автореферат дисс. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. — Москва, 1999.

ных источников — дневники и путевые заметки путешественников XVIII–XIX вв., нормативно-правовая документация (законы и сборники законов, постановлений, распоряжений), уставы организаций, печатные издания научных обществ, материалы периодической печати и др.

Различные эпизоды по проблеме исследования нашли отражение в опубликованных ранее работах автора, в том числе выполненных в соавторстве⁴⁰.

В настоящей монографии представлена общая реконструкция содержания и особенностей деятельности по сохранению недвижимого культурного наследия Кубани и Черноморья в период XVIII — начала XXI вв., то есть на протяжении всей истории края в составе Российского государства. Введённые в поле научного дискурса новые источники и материалы, отдельные содержательные аспекты работы, обладающие проблемно-постановочным характером, позволяют наметить темы и перспективы дальнейших научных изысканий.

Материалы монографии могут быть использованы в рамках мероприятий по реализации государственной культурной политики; в повседневной деятельности органов государственной и муниципальной власти, в частности, уполномоченных в сфере сохранения объектов культурного наследия органов; в преподавании курсов музееведения и охраны памятников, отечественной истории, регионоведения, куль-

⁴⁰ *Бондарь В. В., Маркова О. Н., Устаева Э. Р.* Археологический комплекс «Гермонасса-Тмутаракань»: исторический очерк и генеральный план развития территории. По материалам научного проектирования 2007–2009 гг. — Краснодар : Платонов И., 2010; *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* Краснодарский гиперболоид инженера Шухова : Очерк истории памятника инженерного искусства — водонапорной башни системы академика В. Г. Шухова в г. Краснодаре. — Краснодар, 2014; *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа). — М. : Институт Наследия, 2020; *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* К проблеме официального статуса исторических поселений и культурных ландшафтов // Культурное наследие России. — 2020. — № 3. — С. 14–19; *Маркова О. Н.* К истории Екатерининской церкви в Краснодаре // Кубанский сборник : сб. науч. ст. — Краснодар : Книга, 2012. — Т. IV. — С. 341–35; *Она же.* Опыт типологического анализа исторической застройки города Краснодара // Последние веков. — 2019. — № 1. — С. 112–126. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Markova.pdf (дата обращения: 26.03.2024); и др.

турологии; в программах повышения квалификации; в научно-просветительской (в том числе экскурсионной) деятельности.

Автор выражает благодарность Виталию Вячеславовичу Бондарю за всяческую поддержку и консультации, оказанные в процессе работы, Валерии Алексеевне Гараниной и Алексею Владимировичу Гончарову за предоставленные для исследования материалы.

Глава 1

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ НА КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЕ

1.1. У истоков памятникоохранной деятельности в период вхождения Кубани и Черноморья в состав Российской империи

Начало деятельности по изучению и сохранению историко-культурного наследия Кубани и Черноморья относится к периоду вхождения этих территорий в состав Российской империи, длившегося с конца XVIII до середины XIX вв. Первыми формами такой деятельности стали выявление и письменная фиксация (описание) «древностей» — имеющих историческую ценность материальных остатков прошлого. Большею частью это не было результатом целенаправленных действий, но являлось частью общего потока накопления знаний в процессе военно-стратегического и административно-хозяйственного освоения, а также интеграции новых земель в общероссийское политико-экономическое и социокультурное пространства. В свою очередь, ускорившееся на рубеже XVIII—XIX вв. развитие наук, в том числе истории и археологии, обуславливало постоянно растущий интерес учёных к изучению вновь обретенных территорий, насыщенных следами древних культур, среди которых особое значение для российских «всех просвещенных обществ, воспитанных на искусстве и литературе классицизма»⁴¹, имели артефакты античного времени, которыми изобилует, в частности, Таманский полуостров.

Первенство в выявлении «древностей», в силу исторических обстоятельств, принадлежало военным. Обнаружение памятников изначально носило случайный характер — в ходе военных экспедиций, при строительстве крепостей и новых поселений.

Сведения о крупных объектах, которые могли служить ориентирами — древних курганах и заметных постройках, в том числе руинированных, — военными фиксировались на топографических картах и в рапортах с описаниями местности. Сравнивая уровень развития

⁴¹ *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. — М. : Наука, 1986. — С. 37.

картографии конца XVIII века, известный современный археолог, исследователь таманской археологии Я. М. Паромов оценил российские топографические карты того времени как имевших «высокую насыщенность <...> археологической информацией»⁴². В качестве примера им были приведены шесть карт Таманского полуострова, датированные 1786—1794 гг., из фондов Российского государственного военно-исторического архива, в том числе пять рукописных и одна гравированная. На каждой из них «показано от 70 до 122 курганов и от 3 до 6 крепостей-батареек античного и средневекового времени, а также остатки от 43 до 47 поселений турецко-татарского периода; на трёх картах обозначен Киммерийский вал, изображённый всеми четырьмя участками»⁴³. По сведениям Я. М. Паромова, «археологическая нагрузка на “снятых по инструменту” картах екатерининского времени составляла от 103 до 144 памятников в расчете на 1000 кв. км. Эти показатели следует признать высокими, при этом особенно важно, что практически все указанные на картах остатки древностей уверенно отождествляются с известными сегодня памятниками археологии»⁴⁴.

В рапорты, помимо картографических данных, включались записи об остатках античных и средневековых построек и ценных предметах, найденных во время возведения крепостных сооружений, — для них требовалось большое количество строительных материалов, а «самым простым способом их добычи оказалась ломка камня из многочисленных руин древних построек»⁴⁵.

Некоторые из находок сыграли определяющую роль в изучении русской истории и в деле сохранения историко-культурного наследия. Именно таким знаковым событием стало открытие Тмутараканского камня. В 1792 г. при сооружении Фанагорийской крепости (на восточной окраине современной станицы Тамань), материал для которой добывался из архитектурных остатков древнего городища (ныне это объект культурного наследия федерального значения «Археологический комплекс Гермонасса-Тмутаракань»), командиром егерско-

⁴² *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII — начало XX вв.) // Боспорские исследования. — № 39. — 2019. — С. 344.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Тункина И. В.* Античное наследие Кубани. История изучения // Античное наследие Кубани : в 3 т. — Т. 1. — М. : Наука, 2010. — С. 23.

го батальона премьер-майором Х. К. Розенбергом был обнаружен и передан вице-адмиралу П. В. Пустошкину уникальный камень с надписью на славянском языке. находка была исследована графом А. И. Мусиным-Пушкиным. По надписи на камне был засвидетельствован факт измерения расстояния между Тмутараканью и Корчевом (Керчью) в «десять тысяч и четыре тысячи сажень»⁴⁶, благодаря чему удалось установить местонахождение древнерусского Тмутараканского княжества. В 1794 г. А. И. Мусин-Пушкин ввёл результаты изысканий в публичное и научное поле, издав труд «Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения»⁴⁷. Эта публикация послужила импульсом для начала широких археологических исследований на территории городища и всего Таманского полуострова.

Кроме того, с Тмутараканским камнем связана показательная для того места и времени история придания археологической находке значения памятника (монумента), а по сути, первого на Кубани опыта музеификации — метода, который ныне признан одним из наиболее действенных способов сохранения и презентации недвижимых объектов наследия.

Изначально камень был использован нашедшими его солдатами для обычных хозяйственных нужд, в данном случае — «у входа в казарму в качестве порога»⁴⁸, но с распространением слухов о его уникальности был отправлен в Севастополь адмиралу Н. С. Мордвинову. Позже по личному указанию Екатерины II «вернуть камень в Тамань, поставив его на видном месте в городе», памятник был возвращён и установлен «на берегу у древнего колодца»⁴⁹.

Письмом от 13 сентября 1793 г. № 810 в адрес войскового судьи Черноморского казачьего войска А. А. Головатого вице-губернатор Таврической области К. И. Габлиц распорядился «во исполнение Высочайшего Ея Императорского Величества повеления» возвести ограждение «известного камня, найденного на острове Фанагории и взятого было господином бригадиром Пустошкиным, <...> а для построения

⁴⁶ Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения. — СПб., 1794.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Воронов А. А., Михайлов М. Б. Боспор Киммерийский. — М. : Искусство, 1983. — С. 163.

⁴⁹ Там же.

того ограждения отрядить из войска Черноморскаго потребное число рабочих людей, а также и для хранения камня караульных»⁵⁰.

Несколько позже А. А. Головатый, осмотрев месторасположение памятника и обратив внимание на его труднодоступность, обратился с рапортом к таврическому губернатору С. С. Жегулину с предложением переместить камень в более удобное для его демонстрации место, аргументируя это следующим образом: «... монумент поставлен от Тамани без малого на версту близ разрушенного фонтана, а к тому между частыми песчаными курганами и на самом низменном месте, так что... редко кто и любопытствовать к нему приходит, а по сим обстоятельствам сузужа способность перенести оный монумент к нововыстроенной в Тамани в прекрасном саду каменной церкви и при оной выстроить тот монумент не таковым планом, каков ныне есть тесен, внутри темно, но так, чтобы оный камень лежал на середине оного монумента на четырех каменных столбах, как бы на эшафоте с порядочно крышею откровенно, дабы вся надпись деяний князя Глеба без трудности любопытствующим видна была, при этом же для его и ради церкви единоместный караул существовать может»⁵¹.

В 1803 г. во время посещения Тамани архитектор академик Н. А. Львов собрал найденные здесь художественные архитектурные элементы и составил в приделе церкви «памятник, означающий прехождение острова Тамана под владение разных народов», средоточием которого стал Тмутараканский камень. Архитектор «вместо постамента поставил две генуэзские капители. Сверху их прикрывал <...> Тмутараканский камень, еще выше — камень античной Греции, а наверху каменное изваяние воина. На отломке старой колонны была высечена надпись, объясняющая значение камня»⁵². В таком виде Тмутараканский камень простоял до 1834 г., после чего был перевезён в Керченский музей, а в 1851 г. поступил в Эрмитаж.

За случайными открытиями последовал целенаправленный поиск исторических ценностей, начались раскопки курганов и городищ. В этот процесс, помимо военных, включились профессиональные

⁵⁰ *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. — Т. 2. — СПб. : Тип. штаба отд. корпуса жандармов, 1896. — С. 422.

⁵¹ *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов... Т. IV. — СПб. : Тип. штаба отд. корпуса жандармов, 1898. — С. 25.

⁵² *Глумов А. Н.* Н. А. Львов. — М., 1980. — С. 179.

учёные, посланные на юг Императорской Академией наук, и свободные искатели, побуждаемые личными, не всегда бескорыстными интересами. Большинство раскопок, осуществлявшихся в Причерноморье на рубеже XVIII–XIX вв., имели «антикварные цели». При этом документировалась лишь малая часть полевых работ. Поэтому особое значение для изучения, позже — и для сохранения исторического и культурного наследия, обрели рапорты, сообщения и доклады о находках, которые направляли в государственные структуры и научные сообщества «увлеченные античностью военные»⁵³, а также описания памятников и мест их расположения, оставленные в путевых дневниках и официальных отчётах путешественниками и учёными. Нередко подобного рода письменные свидетельства становились единственным источником информации о пострадавших или полностью утраченных в результате грабительских раскопок памятниках археологии.

Среди таких памятников — курган в окрестностях Тамани, у современного посёлка Сенной, в 1790-х гг. вскрытый военным генерал-инженером Ван дер Вейде (варианты написания: Фан дер Вейде или Вандервейде). Это были «первые по времени раскопки в курганах Таманского полуострова вскоре после присоединения его к России»⁵⁴. Носили они «характер отыскивания зарытых в земле сокровищ»⁵⁵.

Одним из главных источников информации об этих раскопках стали записи английского путешественника Э. Д. Кларка (1769–1822), посетившего Тамань в 1800 г. и лично встречавшимся с Ван дер Вейде. Эти записи были изложены им в первом томе шеститомного труда «Путешествия по различным странам Европы, Азии и Африки» («Travels in various countries of Europe, Asia and Africa»⁵⁶), неоднократно издававшимся в период 1810–1823 гг. Стоит отметить, что упоминание этой работы Кларка, хотя и подвергшейся критике, или цитирование фрагментов в части, посвящённой землям казаков-черноморцев, в том числе Та-

⁵³ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб. : Наука, 2002. — С. 318.

⁵⁴ Гёриц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. — М. : Моск. археол. о-во, 1876. — С. 5.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa: 6 vols. — Cambridge, 1810–1823.

мани, встречается практически во всех исследованиях, посвящённых археологической истории полуострова.

Кларк отмечал, что раскопчные работы солдаты начали «очень невежественно, с вершины, и долгое время трудились безрезультатно»⁵⁷. Лишь изменив направление поиска и срыв большой пласт земли, они обнаружили «вход со сводом самой прекрасной кладки»⁵⁸. Британец составил описание памятника, безошибочно отнесённого им к работе греческих мастеров. Он зафиксировал, что камера погребального сооружения состояла из блоков совершенной формы, сложенных насухо, а крыша представляла собой аккуратный свод из чистейшего белого мрамора. За первой камерой находилась вторая, более просторная, вход в которую был оформлен двумя пилястрами, расширяющимися к основанию. При этом Кларк подчеркнул грабительский характер раскопок, из-за чего невозможно было полноценно установить ни изначальный вид камер, ни состав их содержимого: солдаты, проводившие раскопки, «похищали все, что считали ценным и уничтожали или прятали вещи, не заслуживающие их внимания»⁵⁹. Среди разрушенных предметов Кларк упоминал, в частности, греческие чернолаковые вазы, из которых лишь несколько удалось спасти и отправить в Москву.

О быстрой, с которой шло разграбление курганов, свидетельствовали и другие визитёры Тамани. Так, П. С. Паллас (1741–1811), немецкий учёный на русской службе и путешественник, исследовавший полуостров в 1793–1794 гг., описывая ландшафт местности с расположенными на ней курганами, отмечал, что в «разрытом» Ван дер Вейде памятнике на тот момент уже отсутствовали какие-либо «замечательности», а наличие имевшихся там ранее драгоценностей подтверждалось лишь «найденным там массивным золотым кольцом, с изображением грубо сделанной змеиной головы», которое он видел у «инженера Фан-дер-Вейде»⁶⁰.

По свидетельству Кларка, эта находка представляла собой золотой браслет в виде изогнутого по эллипсу тела двухголовой змеи, который

⁵⁷ *Clarke E. D. Travels... Part the First: Russia Tartary and Turkey.* — Philadelphia, 1811. — P. 321.

⁵⁸ Там же. P. 322.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // Записки Одесского общества истории и древностей.* — Том 13. — Одесса, 1883. — С. 73.

Ван дер Вейде отправил в Петербург. В 1800 г. генерал А. И. Корсаков (известный коллекционер, почётный член Академии художеств) преподнёс браслет императору Павлу I, после чего изделие было помещено на хранение в одну из витрин эрмитажного кабинета. Пояснение к экспонату гласило, что браслет был найден «в царствование императрицы Екатерины генералом Фан-дер-Вейде на острове Тамань, в кургане близ станицы Сенной, находящейся на месте древнего города Фанагории»⁶¹.

В начале XIX века, с распространением информации о таманских сокровищах, грабительские раскопки, производившиеся военными, стали ещё интенсивнее и масштабнее. Основной интерес для копателей представляли скрытые в культурном слое художественно исполненные предметы утвари и изделия из драгоценных металлов (украшения, монеты и др.). Сведения о выявленных «древностях», изложенные в рапортах, должны были передаваться вышестоящему руководству, которое принимало решение об их дальнейшей судьбе.

Так, в 1817–1818 гг. близ Тамани были произведены грубые разрытия курганов, руководил которыми инженерный начальник Фанагорийской крепости полковник Я. В. Парокья. В ходе раскопок было обнаружено множество уникальных предметов, самые ценные из которых были переданы в Императорскую Публичную библиотеку, а затем перемещены в Эрмитаж. Показательно, что составленные при этом списки поступивших на хранение находок содержали не только их описания и рисунки, искусно выполненные академиком живописи Ф. Г. Солнцевым, но и сведения о погребениях, из которых они были изъяты⁶².

Однако поступающих на хранение вещей из раскопок в то время было немного: большая их часть оказалась утрачена, а сами погребальные сооружения серьёзно повреждены. В частности, П. П. Свиньин (1787–1839) — издатель литературного журнала «Отечественные записки», посетивший Юг России в 1825 г., писал по этому поводу: «Близ нынешней Фанагорийской крепости... показывали мне впадину, составлявшую место древнего склепа, открытого полковником Парокием, <...> близ черепа найден был золотой венец, на боку меч, украшенный драгоценными камнями и множество разного рода золотых вещей. Внутренность же склепа была расписана разными красками *alfresco*. Майор Горчаков в недавние времена также открыл здесь недалеко

⁶¹ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб.: Наука, 2002. — С. 564.

⁶² Там же. С. 572–573.

склеп, коего стены были подделаны под мрамор, но внутри одного ничего не нашлось. Слышно, что лет 15, бывший в то время комендант открыл множество драгоценностей в одной ближайшей могиле. К сожалению, не только вещи сии неизвестны ученому свету, но и самые склепы разрушены»⁶³.

Надо сказать, что нередко археологические памятники несли утраты не только из-за поиска и добычи драгоценностей, но и по причине небрежного изъятия из них привлекательных в художественном плане архитектурных фрагментов, скульптуры для пополнения лапидарных коллекций любителей древностей. Хотя в условиях, когда камень из античных руин использовался как строительный материал, а мрамор пережигался на известь, собиране и коллекционирование таких находок часто действительно служили практическим и понятным способом их сохранения.

Очевидно поэтому, когда тот же Кларк писал о приобретении при содействии генерала Ван дер Вейде предметов античности с городища, откуда брался мрамор для устройства Фанагорийской крепости, он искренне считал это спасением их от гибели. Впоследствии свои приобретения Кларк вывез в Европу, несколько таманских мраморных изваяний античного времени им были переданы в публичную библиотеку Кембриджского университета. Сам Ван дер Вейде перенёс к своему дому обнаруженные на городище две львиные скульптуры в натуральную величину, ещё две такие же фигуры были доставлены на хранение во двор Таманской Покровской церкви⁶⁴.

Одним из способов спасения древностей на тот момент считалось и их «вписание» в качестве декора в стены новых зданий и сооружений. Как отмечала известный исследователь истории русской археологии И. В. Тункина, в конце XVIII века, когда «на землях, недавно включенных в состав Российской империи, еще не существовало ни одного музея древностей, частные коллекции <...> только формировались <...>, заделка в стены новых построек античных надписей, рельефов и архитектурных деталей считалась надежным средством их сохранности для будущих поколений»⁶⁵. Отчасти уже упоминавшаяся история устрой-

⁶³ Свиный П. П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г., относительно археологии // Отечественные записки. — 1826. — Ч. 25. — Кн. 71. — С. 453–454.

⁶⁴ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб. : Наука, 2002. — С. 563.

⁶⁵ Там же. С. 560.

ства постамента из элементов античной архитектуры и скульптуры для Тмутараканского камня может служить тому примером.

Тем не менее ни нахождение в церковной ограде или частном собрании, ни повторное хозяйственное использование «древностей» не являлось гарантией их сохранности (неизвестна, в частности, судьба постамента для Тмутараканского камня, после того как последний был вывезен из Тамани). В этом отношении примечательны архивные документы из дела войскового атамана Черноморского казачьего войска Н. С. Завадовского «О пересылке в Кубанский музей остатков древних памятников, хранившихся при церкви в Тамани и о допущении к раскопкам в Черномории курганов для разыскивания в них древностей», датированного 1831 годом. Согласно «Описи хранящихся при Таманской Свято-Покровской церкви памятников, найденных в Тмутараканской области, 1803 [в тексте описки, следует читать “1830”. — *О. М.*] года августа 21 дня», в числе таковых значились «две капители коринфские», «бюст военного», несколько различного вида «обломков» мраморных колонн, «шесть мраморных белых плит паросского мрамора», «елинский надгробный памятник с надписью», «большая мраморная плита надгробная с елино-греческою надписью, найденная 1830 года марта 15 дня» и ещё ряд находок. При этом на листе, где обычно ставится резолюция, была сделана надпись довольно красноречивого содержания: «А две статуи куда подевались? и камень св. Бориса и Глеба?»⁶⁶. Неясно, «потерялись» ли указанные находки в период между их обнаружением и составлением описи или просто не были учтены, но документ вполне может служить иллюстрацией возросшего в первые десятилетия XIX века внимания местных властей к необходимости записи сведений о древностях, к тщательности их учёта, хотя добывались такие предметы по-прежнему грабительским образом.

Некоторые археологические памятники, особенно крупные и многослойные, подвергались хищническим раскопкам без записей и описей в течение десятилетий. Чтобы сведения о таком объекте появились в общественном и научном информационном поле, зачастую требовалось какое-либо неординарное связанное с ним событие: например, находка уникального предмета.

Показательна в этом смысле история открытия знаменитого Пулинцовского клада. В 1824 г. казаком А. И. Тараненко с помощниками с целью поиска сокровищ стали проводиться вскрытия развалин быв-

⁶⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1156. Л. 2.

шей турецкой крепости в Тамани, располагавшейся на древнем городище⁶⁷. Как отмечал историк и археолог середины XIX века К. К. Гёрг (1820—1883), «огромная насыпь, на которой она некогда была воздвигнута», была «не натуральная возвышенность, а составлена из золы, обломков, черепиц и кусков глиняных сосудов: очевидно, что она была построена на развалинах античных построек»⁶⁸. То есть, ожидания найти какие-либо ценности в древних развалинах были вполне оправданны. В процессе раскопок были обнаружены античного времени керамика (в том числе, возможно, амфора — «большой глиняный кувшин с двумя ушками»⁶⁹), три надгробных камня с рельефами, статуя и, самое главное, подземный ход, от которого «шли кверху отдушники, сияющие внутри, как будто бы обитые блестящим металлоломом»⁷⁰. Однако работы по ряду причин были приостановлены.

В 1837 г. командующий войсками на Кавказской линии и в Черноморье генерал-лейтенант А. А. Вельяминов, имевший полномочия контролировать ведение раскопок в землях Черноморского казачьего войска, выдал есаулу Е. Пулинцову разрешение на возобновление работ. В 1845 г. искателями был найден клад золотых монет, доверху наполнявших «средней величины аттическую вазу с рисунками». Большая их часть была расхищена землекопами уже во время обнаружения. Сохранилось 17 золотых монет Пантикапея (IV в. до н. э.) и 4 кизикинских электровых статера (VI—IV вв. до н. э.), которые были переданы Е. Пулинцовым наместнику Кавказа графу М. С. Воронцову. Позже раскопки были продолжены, оборвавшись лишь со смертью есаула в начале 1847 г. На тот момент площадь разрытого участка составила около 194 м²: 17,06 м длины, 11,37 м ширины, 20,6 м глубины⁷¹.

⁶⁷ Таманское городище — место расположения античного города Гермонасса, древнерусской Тмутаракани; является частью объекта культурного наследия федерального значения «Археологический комплекс Гермонасса-Тмутаракань».

⁶⁸ Гёрг К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. — М.: Моск. археол. о-во, 1876. — С. 31.

⁶⁹ Там же. С. 32.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Гёрг К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московской археологической комиссии. — Т. II. — Вып. 3. — М., 1870. — С. 50.

Учитывая длительность и грабительскую направленность раскопок, можно полагать, что разрушения археологического объекта были колоссальны. В большинстве своём утрачены были и найденные при раскопках предметы. Но «золотой блеск» Пулинцовского клада придал ему широкую славу и вслед за этим привлёк внимание исследователей к обстоятельствам его открытия. Причём интерес вызвал не только клад и древнее городище, на месте которого он был открыт, но и процесс раскопок, их побудительные мотивы, исполнители, полномочные лица, судьба обнаруженных артефактов и т. д. Занимавшийся историей клада К. К. Гёrc по этому поводу заметил: «исследования эти важны для археологического изучения местности»⁷², и подчеркнул, что в своих изысканиях он опирался на свидетельства очевидцев и официальные документы.

Большой пласт разноплановых письменных данных об историко-культурном ландшафте Северо-Западного Кавказа конца XVIII — начала XIX вв. оставили путешественники — русские и иностранные, некоторые из которых находились на службе Российской империи. Среди них — писатель П. И. Сумароков (в 1799 и 1802 гг.), архитектор Н. А. Львов-Никольский (в 1803 г.), польский и российский исследователь и писатель Я. И. Потоцкий (в 1793 и 1797–1798 гг.), английская путешественница М. Гатри (в 1795–1797 гг.), уже упоминавшийся британец Э. Кларк (в 1800 г.), французский аристократ и нидерландский королевский консул Тебу (Тэтбу, Тэбу) де Мариньи (в 1818 гг.), швейцарский учёный Ф. Дюбуа де Монпере (в 1832–1834 и 1837–1839 гг.), немецкий путешественник Мориц Вагнер (в 1840-х гг.) и другие. В большинстве своём оставленные ими описания памятников и их окружения являются первичными.

В 1802 г. в Лондоне был издан травелог «Путешествие, выполненное в 1795–1796 годы, через Таврию, или Крым... главную надзирательницей С.-Петербургского Императорского Института для воспитания благородных девиц»⁷³. Его автором была указана Мария Гатри (?–1800)⁷⁴, супруга находившегося на российской службе доктора медицины, исследователя русской культуры Мэттью Гатри (1743–1807), возможно, имевшего непосредственное отношение к составлению путевых

⁷² Гёrc К. К. Археологическая топография Таманского полуострова... С. 31.

⁷³ Татаринцева Р. И. Из истории британско-русских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // Материалы археологии, истории и этнографии Таврии. — Вып. X. — Симферополь, 2003. — С. 595.

⁷⁴ Встречается и иное написание фамилии — Гутри.

заметок о Юге России. По мнению И. В. Тункиной, в травелогe наибольшую ценность для изучения наследия представляли «приложения издателя — обширные комментарии об эпиграфических, нумизматических и археологических памятниках Причерноморья античной эпохи»⁷⁵. При этом большей частью комментарии были основаны «на материалах, собранных и переданных в Академию наук ученым-естествоиспытателем бароном Ф. Маршалом фон Биберштейном»⁷⁶, посетившим эти земли ранее.

В «Путешествии» М. Гатри сообщалось о существовавших в середине 1790-х гг. в Тамани «обширных развалинах греческого и турецко-татарского городов»⁷⁷, о найденных в них мраморных колоннах и «великолепной работы колоссальных рельефах» с изображением львов (один из которых ныне хранится в Таманском музее), приводились сведения о строительстве Фанагорийской крепости. Были также опубликованы уникальные, «сопровожденные авторскими комментариями рисунки половецких “каменных баб” и так называемого “кубанского лугамора” — найденной близ Екатеринодара колонны из белого мрамора, покрытого сарматскими знаками»⁷⁸.

Множество ценных свидетельств о материальных остатках древнего прошлого Кубани и Черноморья оставил в своих трудах Жак-Виктор-Эдуар Тебу де Мариньи (1793—1852) — французский аристократ, генеральный консул Королевства Нидерландов в портах Чёрного и Азовского морей, член Одесского общества истории и древностей. В своём травелогe «Путешествие в Черкессию» (или «Путешествие по Черкессии») он описал увиденные им в начале XIX века памятники Западно-Кавказского Причерноморья, в том числе остатки христианской культуры: большой каменный крест с навершием в форме трилистника и объекты бронзового века — дольмены в долине р. Пшада⁷⁹.

⁷⁵ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб.: Наука, 2002. — С. 50–52.

⁷⁶ Архив УГООКНАКК: *Паромов Я. М.* Археологический комплекс Гермо-насса-Тмутаракань: городище, курганный некрополь, грунтовые могильники. Паспорт памятника (рукопись). — М., 2002. — С. 10.

⁷⁷ Гёргс К. К. Археологическая топография... С. 237.

⁷⁸ Тункина И. В. Русская наука... С. 52.

⁷⁹ *Тэбю де Мариньи.* Путешествие по Черкессии // Историко-этнографическое издание. Серия «КЛИО» («Кавказский литературно-исторический «Олимп»). Раздел «История». — Вып. 8. — Т. 1. — Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. — С. 49, 68–69.

Следует отметить, что кавказские дольмены фиксировались и ранее. В 1794 г., в местечке Чокрак-Кой, что близ станицы Фонталовской (на Таманском полуострове), такого рода мегалиты обнаружил и привёл их краткое описание немецкий учёный П. С. Паллас. Спустя время, в ходе самостоятельной экспедиции по Югу России, совершённой в 1830-е гг., эти же дольмены исследовал учёный и путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере (1798–1850). Он выявил ещё одну группу закубанских мегалитов у «форты св. Николая по р. Атакум»⁸⁰: по разным версиям это могло быть близ станицы Абинской⁸¹ или рядом со станицей Шапсугской⁸². Воспоминания об этих и других своих открытиях он описал в «Путешествии вокруг Кавказа, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым»⁸³. Эта работа была снабжена «атласом из 200 таблиц с картами, видами ландшафтов, архитектурными планами и рисунками древностей, выполненными на самом высоком уровне». При этом, как отмечал Я. М. Паромов, «достоинства атласа в картографической части были обеспечены предоставленными ученому новейшими российскими картами»⁸⁴.

Дюбуа де Монпере посетил Тамань дважды, и в последний свой визит он уже не нашел следов существовавших здесь городов и крепостей — материальные остатки прошлого на осваиваемых территориях стремительно разрушались. Тем большую ценность представляли собой письменные свидетельства о них, оставленные путешественниками, учёными и военными — российскими и иностранными, в том числе представлявшими интересы противостоявших России держав.

Что касается последних, то собранные ими материалы были нередко единственными источниками информации о землях Левобережья Кубани и Кавказского Причерноморья в период до российской колонизации. Таковы, в частности, воспоминания о Черкесии в 1837–1839 гг.,

⁸⁰ *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. — М.: Наука, 1978. — С. 4.

⁸¹ *Уварова П. С.* Кавказские путевые записки. — Ч. 1. — М., 1887. — С. 76.

⁸² *Сысоев В. М.* Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году. — МАК, IX. — М., 1904. — С. 126.

⁸³ *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Пер. с франц. Н. А. Данкевич-Пушиной. — Сухуми : Абгиз, 1937.

⁸⁴ *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII — начало XX вв.). — С. 343–377.

изложенные посетившем те места британским военным разведчиком Джеймсом Беллом в «Дневнике пребывания в Черкессии в течение 1837, 1838, 1839 гг.» («*Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839*»), изданном в Лондоне в 1840 г.⁸⁵ В дневнике были опубликованы рисунки Дж. Белла с кавказскими ландшафтами, частью которых были древние мегалиты, античные и средневековые сооружения, горские традиционные поселения и святыни, а также русские фортификационные сооружения, обретшие значение памятников столетие спустя.

Вслед за военными и свободными путешественниками, по мере расширения границ империи, поиском и изучением древностей занялись представители академической науки. В исследованиях материальных следов прошлого ими стал применяться уже опробованный во время «ученых путешествий» подход, который в современной науке называется комплексным историко-географическим или экосистемным. При таком подходе история существования памятника рассматривалась в контексте его территориальных (пространственных), хронологических, этнографических характеристик. Это позволило «детально описать и графически зафиксировать руины античных оборонительных сооружений, городов, поселений, некрополей, которые еще не были раскопаны»⁸⁶.

Одним из первых на новые российские земли обратил внимание академик П. С. Паллас (1741—1811). В 1793—1794 гг. по личной инициативе и на собственные средства он осуществил путешествие по Югу России, во время которого провёл обследование Таманского полуострова. В опубликованных позже результатах наблюдений он охарактеризовал общую картину города Тамани в его связи с природным ландшафтом и примерно определил размеры поселения: «Старая Тамань или Тмутаракань была обширным городом; развалины и укрепления его тянутся на 2 ½ версты в окружности от одного берега до другого и в длину вдоль бухты Таманского залива на одну версту с половиной»⁸⁷. Паллас указал, что Тамань находится «под горами развалин», среди которых «много

⁸⁵ *Bell J. S. Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838, and 1839. Vol. 1—2. — London : E. Moxon, 1840. — 456 p.*

⁸⁶ *Тункина И. В. История изучения [античного наследия Кубани] // Античное наследие Кубани. — М. : Наука, 2010. — Т. 1. — С. 23—24.*

⁸⁷ *Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. — 1883. — Т. 13. — Отд. 1. — С. 63.*

каменной с надписями и мраморных скульптурных изображений, и вероятно ещё много подобных вещей скрыто под землею», а «между прочими остатками древней скульптуры» он отметил «бюст человеческой фигуры, в драпировке, и в вооружении... несколько каменных барельефов и одну особенную трех-угольную [так в тексте. — *Авт.*] капитель из белого мрамора»⁸⁸.

В 1790–1800-х гг. территорию Черноморского казачьего войска неоднократно посещал современник П. С. Палласа — ботаник, немец на русской службе барон Ф. К. Маршал фон Биберштейн (1768–1826), исследовавший археологические памятники. Во время поездки 1796 года он выполнил копирование надписей с таманских античных надгробий, сделал рисунки средневековых надгробий, составил перечни с указанием о местах находок. По опубликованным позже перечням «многие антики и надписи были вывезены в Петербург, Москву и другие города»⁸⁹. Далее Биберштейн провёл анализ топографии земель Европейского и Азиатского Боспора в сравнении со сведениями античного историка Страбона, локализовал ряд античных городов, в том числе Горгиппию (Анапа), средневековую Таматарху (Тамань)⁹⁰, составил одну из первых археологических карт Таманского полуострова. При этом «наибольшее внимание Биберштейна привлекали городища (“насыпные холмы”) и погребальные сооружения (“холмы с урнами”, слово “курган” автору незнакомо) <...> — “все восходящие к глубокой древности”, которые легче обнаружить на азиатской стороне пролива [Керченского. — *Прим. авт.*], чем на европейской»⁹¹.

Рукопись Биберштейна на немецком языке, переданная в Императорскую Академию наук, не была издана, но тем не менее активно использовалась впоследствии при изучении российского Черноморья. Значение его карты, запечатлевшей археологическую картину Таманского полуострова в конце XVIII века, со временем ещё более возросло, поскольку памятники в процессе освоения территорий быстро разрушались, теряя видимые признаки.

⁸⁸ Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. — 1883. — Т. 13. — Отд. 1. — С. 64.

⁸⁹ Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб.: Наука, 2002. — С. 564–565.

⁹⁰ Таманское городище ошибочно было им локализовано на месте крепости Фанагория.

⁹¹ Тункина И. В. Русская наука... С. 564–565.

В 1804 г. в Тамань впервые прибыл историк и археолог, хранитель Эрмитажа, академик Е. Е. Кёлер (1765—1838). С его именем связано открытие и исследование памятника царице Комосарии (IV в. до н. э.) — дочери боспорского царя и наместника Синдики Горгиппа и супруги боспорского царя Перисада I. Памятник составляли «две статуи и принадлежащий им пьедестал из песчаника», на котором находилась посвяtitельная надпись «могущественным божествам Санергу и Астаре»⁹².

Вместе с материалами о памятнике Комосарии Кёлер опубликовал несколько древних надписей, увиденных им на плитах в таманской церкви. Во время второй поездки по Югу России, в 1821 г., он дополнил и уточнил собранные материалы. В дневнике путешествия он записал, как «священник показывал... вплетенный в его Евангелие список всех мраморных памятников (включая колонны, полуколонны, капители и др.), принадлежащих местной церкви, поскольку они были доставлены и переданы ей генералом... Львовым-Никольским. Византийскую надпись, которая находится над надписью [князя] Глеба, он подарил тогда же и вместе с другими обломками велел установить в церкви. Только надпись Комосарии и обе стелы стали собственностью церкви позже, так как они были обнаружены лишь в 1803 году. Если бы не весьма похвальная предусмотрительность г-на Никольского, почти все названные памятники погибли бы»⁹³. Чтобы не пострадали мраморные изделия, всё ещё оставшиеся вне церкви, по требованию Кёлера они также были перенесены на хранение в церковный двор. В тот же визит на Тамань, помимо изучения эпиграфических находок, он собрал и внёс в свой дневник свидетельства очевидцев открытия в 1818 г. остатков храма Артемиды Агротеры при строительстве церкви Бориса и Глеба в станции Ахтанизовской.

Одновременно с храмом Артемиды близ Ахтанизовской были обнаружены три античных камня. Один из них, с большой посвяtitельной надписью, позже получил известность как «надпись Ксеноклида». Первым, кто провёл исследование этого памятника и внёс сведения о нём в научный оборот, был академик Императорской Академии наук П. И. Кёппен (1793—1864). О находке учёный узнал во время своей

⁹² *Гёри К. К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. — М.: Моск. археол. о-во, 1876. — С. 8.

⁹³ *Тункина И. В.* Русская наука... С. 570.

поездки на юг в 1819 г.⁹⁴ Он исследовал место и установил обстоятельства открытия памятника, зафиксировал его физические характеристики, определил время создания — IV в. до н. э., с точностью до размера скопировал и перевёл текст с древнегреческого на русский язык, который гласил: «Ксеноклид, сын Позиса, посвятил сей / храм Диане Агротере, при Перисаде, / сыне Левкона, Архонте Боспора и Феодосии, / Царе Синдов, Торетов и Дандариев», провёл содержательный анализ надписи⁹⁵. Изыскания Кёппена стали ещё одним вкладом в пополнение источниковой базы по истории Северо-Восточного Причерноморья и населяющих его народов, в очередной раз указали на исключительную ценность историко-культурного наследия этих земель.

Важно подчеркнуть, что исследования П. И. Кёппена и других учёных проводились в период включения новых территорий в состав империи, на фоне их активного хозяйственного освоения, сопровождавшегося стремительной утратой памятников древности — прежде всего объектов археологического наследия. И кроме того, это было время, когда памятникоохранная деятельность находилась в самом начале своего развития. В этих условиях выполнявшаяся на научных принципах письменная фиксация характеристик памятников, раскрытие заключённой в них ценности и распространение полученных знаний способствовали формированию основ для выработки в будущем системных подходов к сохранению и использованию культурного наследия.

1.2. Роль общественных и научных институций в сохранении памятников старины

С развитием уровня просвещения и гуманитарного знания в России возрос интерес образованной части общества к историко-культурному наследию. Уже к концу 1820-х гг. почти во всех крупных городах империи появились собиратели и коллекционеры древностей, первые объединения «антиквариетов»-любителей, первые частные и общественные археологические кружки и музеи. На Юге России в числе таких городов были Одесса и Керчь.

⁹⁴ Гёри К. К. Исторический обзор... С. 11.

⁹⁵ Кёппен П. И. Древности северного берега Понта. — М., 1828. — С. 80–83.

Музей древностей в Одессе был основан в 1825 г. по инициативе И. А. Стемпковского (1788–1832), отставного офицера, участника войны с Наполеоном; избранного в 1821 г. членом-корреспондентом Парижской Академии надписей и изящной словесности. В 1826 г. на основе коллекции антиков, собранной эмигрировавшим в Россию французским аристократом П. Дюбрюксом (1770–1835), обрётшим славу «зачинателя керченской полевой археологии»⁹⁶, был открыт Керченский музей, в собрание которого в первой половине XIX века поступала основная часть археологических предметов с территории Кубани. Директором обоих музеев был назначен офицер и учёный, генерал-лейтенант, известный топограф, член-корреспондент Берлинской Академии наук И. П. Бларамберг (1800–1878).

В 1823 г. И. А. Стемпковский представил на рассмотрение новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова документ под названием «Мысли относительно отыскания древностей в Новороссийском крае»⁹⁷. По сути, это была первая в России комплексная программа по планомерному изучению и сохранению недвижимого историко-культурного наследия Юга России, методическая основа которой сохранила свою актуальность до настоящего времени.

По этой программе процесс выявления памятников древности должен был включать: сбор содержащихся в исторических письменных источниках сведений о памятниках; составление «полного собрания всех палеографических, нумизматических и иного рода памятников, в сей стране найденных и уже опубликованных» и дополнение их описаний новыми сведениями; выявление материальных остатков прошлого с целью их передачи на хранение в музейные учреждения; проведение «изысканий в развалинах и гробницах» (то есть, раскопок) при «поддержании от совершенного разрушения остатков тех древних зданий, кои еще заметны» (в современном понимании — принятие мер по сохранению объектов наследия в виде их консервации или реставрации); составление «планов и профилей древних зданий, равно планов всех городов, коих следы еще видны»; составление археологических карт; локализацию древних поселений на основании письменных и вещественных источников.

⁹⁶ *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб. : Наука, 2002. — С. 325.

⁹⁷ *Стемпковский И. А.* Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. — Часть 29. — Кн. 81. — СПб., 1827. — С. 40–72.

Заниматься этой работой, по мнению И. А. Стемповского, должны были специально созданные для этого научные учреждения — археологические общества и музеи. При этом, если учреждение музеев он связывал с попечением государства «о сбережении остатков величия наших предшественников на берегах Эвксинского Понта», то общественные объединения видел независимыми от официальной власти: «...составление Общества, коего местное на разных пунктах содействие могло бы служить величайшим пособием Правительству, не может зависеть от сего последнего... Таковое Общество имело бы целью разыскивать, собирать и хранить, описывать и объяснять все памятники древности... разновременно найденные и впрямь находимые»⁹⁸.

Таким образом, в первой трети XIX века «от простого коллекционирования антиков и перекапывания культурного слоя археологической эмпирики перешли к раскопкам с научными целями»⁹⁹. Раскопки сопровождались составлением планов исследований и фиксации всех выявленных (физически или документально) памятников, ведением полевых дневников, детальным описанием артефактов, составлением обмеров и картографированием процесса изысканий. На карты наносились практически все поступающие сведения о памятниках. Отметки в картах часто были отправными точками, отталкиваясь от которых, осуществлялись поиски новых и исследовались выявленные объекты.

Так, в 1822 г. на дне моря у мыса Ахиллеон, что на расстоянии около одного километра от таманского берега («недалеко от восточного побережья косы Чушка (в то время — коса Северная), ближе к ее южному окончанию»¹⁰⁰) были замечены шесть мраморных колонн. Позже они получили название «колонны храма Ахилла» или, иначе, «колонны Дюбрюкса». На тот момент возможность поднять колонны не имелось. П. Дюбрюкс, к которому поступило сообщение о находке, зафиксировал место обнаружения на карте и выполнил первоначальную атрибуцию колонн, предположив, что они принадлежали храму Ахилла из упоминавшегося Страбоном античного поселения Ахиллей (позже эта версия была опровергнута).

⁹⁸ *Стемповский И. А.* Мысли относительно изыскания древностей... С. 49–51.

⁹⁹ *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб.: Наука, 2002. — С. 326.

¹⁰⁰ *Новиков П. В.* Колонны «храма Ахилла» // Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. — Краснодар, 2014. — Вып. IV. — С. 153.

Рис. 1. Колонны ранневизантийского периода («колонны Дюбрюкса») в атриуме Таманского археологического музея. Архитектор В. А. Гаврилов. Фото В. В. Бондаря, 2008 г.

Руководствуясь этими данными, повторёнными и на более поздних археологических картах (например, К. К. Гёрца, М. О. Поночевного), было проведено несколько морских экспедиций к месту «колонн Дюбрюкса», позволивших расширить список находившихся под водой памятников. Что касается колонн, то поднять их из моря, по мнению современного краснодарского историка П. В. Новикова, исследовавшего эту историю, удалось, предположительно, в 1824–1825 гг. казакам-черноморцам, после чего памятники были перенесены к Покровской церкви в Тамани. В 1908 г. одна из колонн поступила в Кубанский

войсковой музей Екатеринодара, четыре в 1980-е гг. вошли в состав экспозиции Таманского археологического музея и обломок ещё одной, вероятно, в 1890-е гг. был установлен в парке курортного места Горячий Ключ, получив позже известность как памятник бжедугскому князю (Адыгский столб)¹⁰¹.

Как видим, подходы к работе с памятниками древности И. А. Степковского давали хорошие результаты в том числе на перспективу. После его смерти первые археологические кружки по разным причинам распались. Но к тому моменту уже были определены направления и методы полевых и камеральных исследований и заложена основа для работы историко-археологических обществ на Юге России.

В 1839 г. при содействии князя М. С. Воронцова было основано Одесское общество истории и древностей (ООИД). Согласно уставу оно призвано было служить цели «распространения исторических и археологических сведений о Южной России», для достижения которой ставились задачи «собирать, описывать и хранить все остатки древности, открывающиеся в Южной России или имеющие к оной отношение», изучать письменные свидетельства о памятниках, вести работу по их выявлению, а также «издавать результаты своих занятий посредством печатания по всеобщее сведение»¹⁰². В 1844 г. общество издало свой первый сборник печатных трудов — «Записки Одесского общества истории и древностей» (ЗООИД). Всего до 1919 г. было выпущено 33 тома «Записок».

В 1846 г., при участии археолога и коллекционера графа А. С. Уварова (1824–1884), состоялось открытие Петербургского археолого-нумизматического общества (с 1849 г. — Императорское археологическое общество, с 1866 г. — Императорское Русское археологическое общество), а в 1864 г. по инициативе мецената графа С. Г. Строганова и А. С. Уварова было создано Московское археологическое общество (с 1881 г. — Императорское Московское археологическое общество). Эти объединения развились в крупные научные центры с собственными музеями и библиотеками. В обоих обществах были подготовлены оригинальные научные программы, организована издательская деятельность, благодаря которой результаты кабинетных исследований, отчёты экспедиций и прочие материалы, соответствующие целям обществ,

¹⁰¹ Новиков П. В. Колонны «храма Ахилла»... С. 563.

¹⁰² Устав Одесского общества истории и древностей: [утвержден 25 марта 1839 года]. — Одесса : Гор. тип., 1839. — С. 1–2.

становились доступными для широкого круга заинтересованных лиц, служили популяризации историко-культурного наследия, обретению им социокультурной значимости и были направлены на его сохранение.

Петербургское и Московское общества тесно взаимодействовали с Императорской Академией наук, Московским университетом, Академией художеств, государственными музеями, губернскими статистическими комитетами и т. д. Учёные, представлявшие официальную науку, одновременно могли являться членами различных общественных организаций. Например, К. К. Гёргс, будучи профессором Московского университета, являлся членом Санкт-Петербургского Императорского Русского археологического общества, Московского археологического общества, Одесского общества истории и древностей.

Тем временем завершилась Кавказская война (1864 г.), новые территории открылись для широких исследований. Поэтому вполне естественно, что Кубань и Черноморье, с их богатейшими культурными напластованиями, в том числе античными, оказались в зоне внимания всех ведущих научных центров страны.

Однако наибольшую активность здесь проявило вновь созданное Московское археологическое общество (МАО), которое в числе прочего подняло проблематику сохранения недвижимых памятников. Помимо самостоятельной научно-теоретической и экспедиционной деятельности, общество начало оказывать методическую поддержку на местах, вести просветительскую работу, издавать научные труды различной направленности. До 1889 г. оно выдавало разрешения на проведение археологических раскопок с обязательством предоставления отчётов о выполненных работах и т. д.

С 1869 г. по инициативе графа А. С. Уварова обществом стали созываться специальные археологические съезды — до 1911 года состоялось 15 таких мероприятий, в значительной мере оказавших влияние на становление российского законодательства в области охраны памятников. В 1878 г. было решено начать подготовку к организации «в Тифлисе V археологического съезда с преимущественно кавказской тематикой»¹⁰³. Этот съезд состоялся в 1881 г., положив начало комплексному научному изучению Северного Кавказа и Закавказья.

В 1888 г. стал издаваться специальный сборник трудов под названием «Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями

¹⁰³ *Бойчук С. Г.* Общественно-просветительская деятельность Е. Д. Фелицына. — Краснодар : Традиция, 2010. — С. 28.

Императорского Московского археологического общества...»¹⁰⁴. В редакторском вступлении к первому выпуску материалов П. С. Уварова (с 1885 по 1917 гг. — председатель МАО) подчеркнула: «... еще в прошлом [и] в начале нынешнего столетия Кавказский край был предметом исследований... Тем не менее, что касается историко-археологического, лингвистического и этнографического изучения, то все вышеупомянутые исследования были скорее разведками, намечавшими вопросы и задачи для дальнейших разысканий. Лишь с тех пор, как замирение Кавказа сделало его более доступным изучению, и когда за это изучение принялись местные деятели из русских или из поселившихся в крае иностранцев — стала возможна более обстоятельная и систематическая разработка научного материала, представляемого этим краем»¹⁰⁵.

Ближайший помощник, супруга и продолжатель дела основателя Московского археологического общества графиня П. С. Уварова (1840–1924), приступившая к археологическим исследованиям на Кавказе во время подготовки съезда в Тифлисе, провела в этом крае девять научных экспедиций, результаты которых были отражены в трудах «Кавказ. Путевые заметки» и «Могильники Северного Кавказа»¹⁰⁶. Эти материалы актуальны до настоящего времени и используются специалистами в качестве источников по истории и археологии региона.

Наряду с деятельностью представителей Московского и других обществ, во второй половине XIX века на Кубани и Черноморье появились собственные научные и общественные силы, занимавшиеся вопросами исторического и культурного наследия края. Благодаря частным инициативам были открыты новые направления в кубанской археологии, развёрнута широкая просветительская деятельность. Всё это постепенно возвращало интерес широкой общественности к истории края и памятникам старины, направляло к осознанию ценности и невосполнимости утрат наследия и тем самым побуждало к формированию государственных и общественных институтов его сбережения.

¹⁰⁴ Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского археологического общества, снаряженными на высочайше дарованные средства. — Вып. I. — М., 1888.

¹⁰⁵ Уварова П. С. От редакции // Материалы по археологии Кавказа... — М., 1888. — С. I–II.

¹⁰⁶ Уварова П. С. Кавказ: Путевые заметки : в 3 т. — М.: тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887–1904; Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского археологического общества. — Вып. 8. — М., 1900.

На Кубани первым местным средством просвещения стала газета «Кубанские войсковые ведомости» (с 1871 г. — «Кубанские ведомости», затем «Кубанские областные ведомости»), которая начала издаваться в войсковом городе Екатеринодаре — административном центре Кубанской области — в 1863 г. С 1866 г. в газете стали публиковаться статьи, посвящённые археологии¹⁰⁷. Их первым автором был полковник Н. Л. Каменев, начавший археологические исследования на территории левобережной Кубани «вслед за основанием в предгорной полосе цепи казачьих станиц»¹⁰⁸. Он собирал письменные источники и устные свидетельства о курганах и древних сооружениях, проводил археологические разведки¹⁰⁹, осуществлял раскопки курганов в долинах рек Псекупс, Белой, Афипис, Фарс и др., исследовал церковь византийского периода в Карачае и дольмены, составил «обзор известных тогда памятников» предгорных районов края и одним из первых попытался «создать хронологическую периодизацию курганов Закубанья и увязать выделенные типы с народами, известными по письменным источникам и преданиям»¹¹⁰.

Неизвестно, имел ли Н. Л. Каменев какую-либо связь с научными центрами, но опубликованные им материалы, зафиксировавшие археологическую картину Закубанья в 1860-х гг., были замечены профессиональными учёными и вошли в научное поле.

В ряду первых кубанских археологов был крупнейший исследователь Северо-Западного Кавказа Е. Д. Фелицын (1848—1903). Выходец из офицерской среды, он состоял на военной, а с 1879 г. на государственной службе. Сначала Е. Д. Фелицын был секретарём Кубанского областного статистического комитета, в 1888 г. занял должность правителя канцелярии начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, в 1892 г. получил пост председателя Археографической комиссии, в период с 1879 по 1892 гг. был редактором

¹⁰⁷ *Городецкий Б. М.* Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе // Известия ОЛИКО. — Екатеринодар, 1913. — С. 131.

¹⁰⁸ *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. — М.: Наука, 1985. — С. 3.

¹⁰⁹ *Каменев Н. Л.* Попытки археологических разведок в Кубанской области // Кубанские войсковые ведомости. — 1870. — № 47—48.

¹¹⁰ *Каменецкий И. С.* Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. II. — М.: Богородский печатник, 1998. — С. 136.

неофициального отдела газеты «Кубанские областные ведомости», где публиковались статьи научного и просветительского содержания.

Е. Д. Фелицын обрёл широкую известность как учёный и общественный деятель, был членом Московского археологического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Одесского общества истории и древностей, Кавказского отдела Русского географического общества, Русского археологического общества в Санкт-Петербурге, Общества любителей древней письменности.

Среди разнообразия интересов Е. Д. Фелицына особое место занимали история Кубанского казачьего войска и археология Кубанской области. Его работы в этих областях знания сохраняют актуальность до настоящего времени как ценнейшая источниковая и научно-методическая база.

В российском научном сообществе Е. Д. Фелицын впервые заявил о себе в 1878 г., когда по поручению начальника Кубанской области Н. Н. Кармалина принял участие в проходившей в Москве Антропологической выставке Императорского общества любителей естествознания. На выставке он представил коллекцию, посвящённую кавказским мегалитам, благодаря чему «имел случай познакомиться с Кубанскими древностями и обратил на них внимание всех выставленным для демонстраций дольменом»¹¹¹. Этот экспонат был уменьшенной копией памятника и служил иллюстрацией к докладу Е. Д. Фелицына «Дольмены — богатырские дома станицы Баговской Майкопского уезда». Коллекция и доклад в то время, когда информация о кавказских мегалитах была крайне скудной и практически недоступной для широкой общественности, вызвали резонанс среди участников выставки. По сути, Е. Д. Фелицын показал новое направление исследований в археологии. В этой связи А. С. Уваров, занимавшийся ранее крымскими гробницами, заметил, что «изучение кубанских дольменов дополнит картину происхождения дольменов вообще и позволит определить этническую принадлежность этих памятников в России и других странах Европы, Азии и Африки»¹¹².

Приступив к службе в статистическом комитете, Е. Д. Фелицын составил несколько специальных программ для изучения Кубанской области, в их числе «программу для описания курганов, дольменов и проч.

¹¹¹ *Бойчук С. Г.* Общественно-просветительская деятельность Е. Д. Фелицына. — Краснодар : Традиция, 2010. — С. 31.

¹¹² Там же.

памятников древности в каждой станице»¹¹³, по которой был собран богатый археологический материал. В то же время он лично занимался археологическими разведками и раскопками курганов, дольменов и городищ, поиском и учётом полонецких каменных изваяний.

На основе собранных материалов кубанский учёный составил подробную археологическую карту Кубанской области, на которой обозначил места расположения церквей и всех выявленных на тот момент археологических объектов — фортификационных и архитектурных, в том числе руинированных, сооружений, «каменных баб», дольменов и т. д. В 1882 г. первое издание карты в 20-вёрстном масштабе было опубликовано Московским археологическим обществом¹¹⁴. Кроме того, Е. Д. Фелицыным были составлены: «1) военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа с обозначением несуществующих ныне крепостей, укреплений, редутов, фельдшанцев, постов и главнейших кордонных линий, устроенных русскими войсками с 1778 по 1864 год; 2) карта (географическая) Кубанской области с обозначением землевладений в 20-верст. масшт.; 3) план г. Екатеринодара; 4) план г. Новороссийска»¹¹⁵.

В начале 1900-х гг. Е. Д. Фелицын завершил свой многолетний труд, посвящённый мегалитическим памятникам, и подготовил к публикации монографию «Западно-Кавказские дольмены», которая была напечатана в 1904 г., уже после смерти учёного, в «Материалах по археологии Кавказа»¹¹⁶.

Важной инициативой Е. Д. Фелицына стало периодическое издание областного статистического комитета «Кубанский сборник», ставшее «своеобразной научной энциклопедией края»¹¹⁷. В сборнике печатались посвящённые Кубани и Северному Кавказу материалы по разным отраслям знания, включая историю и археологию. Непосредственно под редакцией Е. Д. Фелицына вышли первые два тома сборника, а всего

¹¹³ Сысоев В. М. Евгений Дмитриевич Фелицын // Материалы по археологии Кавказа. — Вып. 9. — М., 1904. — С. III.

¹¹⁴ Там же. С. III.

¹¹⁵ Там же. С. V.

¹¹⁶ Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены // Материалы по археологии Кавказа (МАК). — М., 1904. — Вып. 9. — С. 1–86.

¹¹⁷ Ратушняк Т. В. Кубанский областной статистический комитет: создание, основные направления и результаты деятельности // Кубанский сборник. — Т. 4 (25). — Краснодар : Книга, 2012. — С. 38.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Составилъ

Е. Д. ФЕЛИЦЫНЪ

Членъ Сотрудникъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго,

И

Членъ Корреспондентъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго,

АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ

Составлена въ 1882 году

Масштабъ

въ Английскихъ дюймахъ 1 дюймъ = 2 1/2 миль

40 верстъ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- Города областные и губерскіе.
- Уездные города.
- Станицы, селенія и колоніи.
- Пасеки и сады.
- Луки и посевы чертески.
- Деревья, урочища и бывшія поселенія.
- Почты.
- Железнодорожныя станціи.
- Почтовые станціи.
- Телеграфныя станціи.
- Монастыри.

- Дороги: желѣзныя.
- почтовые.
- шоссевыя.
- просѣчныя.
- тропы.
- Болота.
- Рѣки.
- Границы.
- Горы.

- Курганы и намогильныя земляныя насыпи
- Укрѣпленія и городища.
- Земляныя и каменные вѣлы.
- Древне-христіанскія церкви.
(Порочеркнутыя крестообразно обозначаютъ надбѣжною оградой некогда существовавшія церкви).
- Магометанскія (Черкесскія) намогильныя здания (родъ часовенъ).
- Дольмены.
- Каменные гробницы.
- Погребальныя пещеры.
- Древне-христіанскіе намогильные кресты.
- Каменные башни.
- Развалины древнихъ колоній.
- Мѣстонахожденія каменныхъ бабъ.
- Мѣстонахожденія древнихъ каменныхъ статуѣ и барельефовъ.
- Мѣстонахожденія орудій каменнаго вѣка.
- Мѣстонахожденія орудій бронзоваго вѣка.
- Мѣстонахожденія костей мамонта (*Elephas primigenius*).
- Древнія поселенія и города Милетійскихъ грековъ (отъ IV вѣка до Рокъ Христ. до IV вѣка послѣ Рокъ Христ.)
- Могила родоначальника Кабардинскихъ князей Инала, господствовавшаго надъ Адыгскимъ народомъ (Черкессами).
- Костенныя пещеры, заключающія въ себѣ остатки человѣческихъ костей совмѣстно съ костями животныхъ.

Красныя надписи почтатными шпательами на матеріи обозначаютъ названія древнихъ орозовъ населенныхъ Кубанскую область и Черноморскій округъ до Рождества Христова.

На картѣ этой обозначено съ возможною точностію только приблизительное мѣсто ложеніе и бытіе. Тѣмъ образомъ, знавъ названіе, вы можете узнать существованіе изъ данной мѣстности кургановъ, не опредѣляя количества ихъ. Подробныя свѣдѣнія о курганахъ помѣщены въ статьѣ Кубанскіе курганы.

Археологическая карта Кубанской области / сост. Е. Д. Фелицынъ.
М.: Императорское Московское археологическое общество, 1882

с 1883 по 1916 г., когда был выпущен последний предреволюционный выпуск, в свет вышел 21 том.

В 1879 г. на основе личной коллекции Е. Д. Фелицын основал Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей при областном статистическом комитете (ныне Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына). И хотя самые ценные памятники древности в то время отправлялись в крупные музейные хранилища Санкт-Петербурга, Москвы, Керчи, Одессы или Тифлиса, собрание кубанского музея постоянно росло, пополняясь новыми экспонатами. Благодаря этому складывалась база для будущего изучения и сохранения памятников истории и культуры, а также для организации впоследствии научно-экспедиционной деятельности. Активное участие в этом процессе приняли многие члены Кубанского областного статистического комитета, среди которых были известные учёные В. А. Щербина, К. Т. Живило, В. М. Сысоев и другие¹¹⁸.

Следует отметить, что при всей многоаспектности научной деятельности членов статистического комитета, она имела определённые рамки, продиктованные статусом государственного учреждения. К концу XIX века в среде образованной кубанской общественности сформировалась осознанная «потребность широкого изучения области и объединения местных научных сил»¹¹⁹.

Инициатором создания научного общества краеведческой направленности выступил В. М. Сысоев (1864–1933), выпускник Московского университета, ученик академика В. Ф. Миллера — известного фольклориста, этнографа и археолога, член-корреспондент Московского Археологического общества, преподаватель классических древних языков, истории и географии в 1-й Екатеринодарской мужской гимназии, член Кубанского областного статистического комитета.

В течение 1890-х гг. В. М. Сысоев осуществил несколько археологических экспедиций. В частности, он провёл разведки в верховьях Кубани, в бассейнах рек Зеленчук и Теберда (1895 г.), одним из результатов которых стало детальное описание ранних памятников христианства

¹¹⁸ Ратушняк Т. В. Кубанский областной статистический комитет... С. 32–56.

¹¹⁹ Сысоев В. М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его // Известия ОЛИКО. — Вып. 1. — Екатеринодар, 1899. — С. 1–6.

в крае — Зеленчукского и Сентинского храмов; произвёл раскопки Курджипского кургана (1896 г.), кургана близ аула Габукай (1897 г.). В 1898 г. в «Кубанском сборнике» вышла обзорная работа В. М. Сысоева под названием «Краткий археологический очерк Кубанской области и Черноморской губернии», в которой автор привёл «обзор древностей и истории Кубанской области»¹²⁰, разбив их на хронологические периоды.

В апреле 1896 г. в «Кубанских областных ведомостях» В. М. Сысоев опубликовал статью «Об обществе изучения Кубанской области», где обозначил необходимость создания, цели и задачи такого общества. Как он позже отмечал, «потребность широкого изучения области и объединения научных сил созревала уже давно» и «она в известной степени удовлетворялась деятельностью областного статистического комитета», но при этом имела определённые ограничения «вследствие обычных условий организации комитета, как официального учреждения, удовлетворяющего прежде всего текущим государственным нуждам»¹²¹.

Вскоре В. М. Сысоев собрал группу по организации общества. В неё вошли представители местной интеллигенции С. И. Борчевский, А. Д. Бигдай, А. Н. Дьячков-Тарасов и др. На заседаниях группы «было подготовлено решение о названии общества («Общество любителей изучения Кубанской области» — ОЛИКО), выработаны проект устава, примерная программа деятельности, объяснительная записка, а также текст прошения на имя наказного атамана и начальника Кубанской области»¹²².

Прошение подписали 57 человек, среди которых был известный археолог, профессор Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовский. Устав ОЛИКО был утверждён 16 октября 1896 г., а 21 декабря 1897 г. состоялось первое заседание его учредителей, открытое начальником Кубанской области, наказным атаманом Кубанского казачьего войска Я. Д. Маламой¹²³.

В соответствии с уставом целью Общества было «изучение, исследование и описание Кубанской области во всех научных отноше-

¹²⁰ Сысоев В. М. Краткий археологический очерк Кубанской области и Черноморской губернии // Кубанский сборник. — Т. IV. — Екатеринодар, 1898. — С. 1–14.

¹²¹ Там же. С. 1.

¹²² Кирей Н. И. ОЛИКО — центр исторического краеведения на Кубани в 1897–1932 гг. // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. — № 4. — Краснодар: Кубанский государственный университет, 1997. — С. 42.

¹²³ Сысоев В. М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО... С. 2.

ниях»¹²⁴. Члены Общества намеревались прежде всего «составить каталог и обзор всех тех трудов, сочинений и статей, которые касаются Кубанской области»¹²⁵; через широкую информационную работу привлекать в состав Общества как можно больше представителей местной, в том числе станичной интеллигенции; обеспечить поступление денежных средств (за счёт членских взносов, публичных лекций и т. д.), необходимых для издательской деятельности и создания своего рода поощрительного фонда для вознаграждения, в случае необходимости, лиц, помогающих деятельности общества. Ставились и такие задачи, как организация и проведение научных экспедиций; ознакомление широкой общественности с результатами исследований через собственное печатное издание — им стали «Известия ОЛИКО»; взаимодействие с другими российскими и зарубежными научными обществами и учреждениями.

ОЛИКО просуществовало до 1932 г., при этом в течение времени направленность его интересов была различной¹²⁶. Проблематика истории края и расположенных на его территории памятников древности активно присутствовала в деятельности Общества лишь в первое десятилетие его работы. Из 46 докладов, заслушанных на собраниях ОЛИКО с 1897 по 1907 г., тридцать относились к истории, археологии и этнографии Кубанской области¹²⁷. Затем внимание членов Общества переключилось на вопросы экономического и социального развития области и культурной жизни в целом.

Наверное, самой крупной научно-практической работой ОЛИКО, связанной с наследием, стала организованная в 1898 г. экспедиция в Карачай. В ней приняли участие С. И. Борчевский, А. Н. Дьячков-Тарасов и В. М. Сысоев, который в рамках экспедиции провёл археологические раскопки близ Сентинского храма. Отчёт о раскопках был опубликован в первом выпуске «Известий ОЛИКО»¹²⁸.

¹²⁴ Устав ОЛИКО // Известия ОЛИКО. — Вып. I. — Екатеринодар, 1899. — С. 163.

¹²⁵ Сысоев В. М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его // Известия ОЛИКО. — Вып. 1. — Екатеринодар, 1899. — С. 3.

¹²⁶ Кирей Н. И. ОЛИКО... С. 42–43.

¹²⁷ Ратушняк Т. В. Общество любителей изучения Кубанской области (1897–1932 гг.): к 120-летию первого краеведческого общества на Кубани // Голос минувшего. — № 1–2. — 2017. — С. 151–162.

¹²⁸ Сысоев В. М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО... С. 1.

Однако главное значение Общества заключалось в его широкой просветительской деятельности, в распространении среди населения научной и краеведческой информации, в том числе материалов, связанных с памятникоохранным движением, развивавшимся в российском научном сообществе в XIX — начале XX века.

Оценивая в целом научные и общественные инициативы и практики в области изучения, сохранения и популяризации памятников истории и культуры того времени, видно, как шаг за шагом они раскрывали, делали понятной ценность и полезность наследия для народа и государства, тем самым побуждали власть к включению в эти процессы и их регулированию.

1.3. Центральные и местные органы власти как акторы охраны памятников

Государственное участие в деле изучения и охраны памятников древности на первом этапе вхождения Крыма и Правобережной Кубани в состав империи заключалось в обеспечении мер по выявлению, собиранию и хранению ценных предметов. В предпочтении были изделия из драгоценных металлов и произведения античного искусства — их, как правило, доставляли в столицы. Древние монументы, камни с надписями и другие предметы должны были направляться на хранение в определённые для этих целей учреждения: например, в 1806 г. это был Харьковский университет¹²⁹, позже ими стали музеи — Одесский, Керченский, Тифлисский и другие.

В предписании Херсонского военного губернатора А. Э. Ришелье Таврическому гражданскому губернатору Д. Б. Мертваго от 6 июня 1805 г. приводилось высочайшее соизволение «никому из частных путешественников, Новороссийские губернии посещающих, не ...собирать могущих находиться там древних редкостей, разумея сие впрочем только о местах, казне принадлежащих»¹³⁰. В отношении земель негосударственных право разрешения на поиск и изъятие обнаруженных

¹²⁹ *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб. : Наука, 2002. — С. 614.

¹³⁰ *Стевен А. Х.* Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии. Дело № 183. 1805 года // ИТУАК. — 1891. — № 13. — С. 35.

памятников предоставлялось их владельцам. Это напрямую относилось к Тамани как части Правобережной Кубани — её земли находились во владении Черноморского казачьего войска.

Вместе с появлением и развитием общественных научных центров по изучению памятников прошлого активизировалась и государственная деятельность в этом направлении. Указом от 4 июля 1822 г. «О сохранении памятников древности в Крыму» впервые устанавливались правила финансирования ремонта и реставрации памятников архитектуры (к таковым были отнесены постройки греческого и генуэзского периодов) за счёт казённых средств¹³¹. Ведение таких работ поручалось Министерству внутренних дел (осуществляло надзор за памятниками с 1802 г.¹³²), Министерству духовных дел и народного просвещения, Императорской Академии наук и Академии художеств¹³³.

В 1826 г. Министерством внутренних дел согласно «высочайшему соизволению» был издан циркуляр в адрес гражданских губернаторов «О доставлении сведений об остатках древних зданий и о воспреещении разрушать оные», которым предписывалось «собрать немедленно следующие сведения по всем губерниям: 1) в каких городах есть остатки древних замков и крепостей или других зданий древности и 2) в каком положении они находятся», накладывался «строжайший» запрет на разрушение «таковых зданий», за что возлагалась ответственность на «начальников городов и местных полиций»¹³⁴. Позже, «Высочайше утвержденным наказом гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г., подтверждалась обязанность губернских начальников иметь «попечение и о сбережении по возможности от разрушения всех остатков старых замков, крепостей и других памятников древности», а «о всех находимых вновь древностях» немедленно сообщать «Министерству

¹³¹ Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России (XVIII — первая половина XIX вв.) // Очерки истории музейного дела в СССР. — 1971. — Вып. 7. — С. 292–365.

¹³² Шалюгин М. С. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия в дореволюционной России : дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. — Нижний Новгород, 2005. — С. 26.

¹³³ Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — С. 41.

¹³⁴ ПСЗРИ. Собр. 2-е. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1830. — Т. 1. № 794. — С. 1373–1374.

Внутренних Дел с надлежащую точностию и подробностию»¹³⁵. Однако «степень ответственности должностных лиц за нарушение законов об охране памятников старины»¹³⁶ законодательными актами не была установлена.

Специального нормативного документа, регулирующего вопросы памятников в земле Черноморского казачьего войска, не существовало. Исходя из структуры управления и особенностей владения этой территорией, право принимать решения в отношении древностей принадлежало наказному атаману войска. Так, с 1831 по 1835 г. была предпринята попытка «на основании Высочайшего разрешения» передать хранящиеся в Таманской церкви мраморные колонны («колонны Дюбрюкса») Керченскому музею¹³⁷. Однако казачьи власти воспрепятствовали этому, и колонны остались в Тамани. В музей Керчи была вывезена лишь часть архитектурных фрагментов из античных руин¹³⁸.

С 1830-х гг. в Северном Причерноморье начались массовые раскопки древних некрополей, вызванные сенсационными находками при открытии царского кургана Куль-Оба под Керчью. Немалую активность в масштабной добыче древностей проявила и центральная власть, решившая взять этот процесс под свой контроль. При этом её главная цель была исключительно «антикварной»: «пополнение Эрмитажа произведениями античного искусства большой художественной и материальной ценности»¹³⁹. Раскопки финансировались из казны.

Приоритетным направлением для поисков ценностей оставался Крым, затем Тамань. В 1833 г. государственный чиновник, директор Керченского музея А. Д. Ашик обратился к наказному атаману Н. С. Завадовскому с просьбой о допуске к раскопкам в земле войска — на Таманском полуострове. Разрешение атаманом было выдано, однако при соблюдении определённых условий: наблюдения за их ходом

¹³⁵ ПСЗРИ. Собр. 2-е. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1838. — Т. 12. — С. 385–386.

¹³⁶ *Шаманов А. В., Зырянова С. Ю.* Охрана культурного наследия... С. 43.

¹³⁷ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1156. Л. 1–32.

¹³⁸ *Тункина И. В.* Археологические исследования А. Б. Ашика и Д. В. Карейши на Таманском полуострове в 1820–1840-х гг. // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. — Вып. 2. — Одесса : Изд. дом «Паллада», 2008. — С. 60–63.

¹³⁹ *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — СПб. : Наука, 2002. — С. 327.

«со стороны заседателя таманского начальства, который обязан всему найденному в курганах непременно доставлять ко мне описи», заверенные обеими сторонами, а в случае открытия «денег, слитков золота или серебра и других драгоценностей... в большом весе, таковые, не отдавая тем чиновникам, представлять в начальство и тотчас доносить мне и Войсковой канцелярии»¹⁴⁰.

В 1838 г. чиновник Министерства внутренних дел Д. В. Карейша информировал императорский двор о том, что начальство черноморского казачества «препятствует проведению раскопок «стеснительными условиями» на основе дарованных войску привилегий о владении «ископаемыми в его землях богатствами». Император Николай I, преступив действовавшие права Черноморского казачества, выдал личное разрешение на раскопки «с тем, что впоследствии будет сделано войску следуемое по оценке вознаграждение»¹⁴¹.

С 1836 г. на Таманском полуострове стали проводиться финансируемые государством официальные раскопки. До 1847 г. их осуществляли А. Б. Ашик (в 1836, 1840 и 1846 гг.) и Д. В. Карейша (в 1839, 1841–1843, 1845–1847 гг.). Эти раскопки, которыми «руководила одна жажда к золотым вещам»¹⁴², носили характер кладоискательства и имели разрушительные последствия. Работы чиновниками велись неравномерно и одновременно в разных местах. В случае отсутствия быстрого результата или недополучения финансов вскрытые курганы оставлялись недообследованными, что приводило к их тотальному разграблению и разрушению остатков культурного слоя. По современным расчётам, «раскопками керченских археологов было затронуто не менее 160 курганов»¹⁴³.

Ситуация усугублялась и практически полным отсутствием научной отчётной документации: журналы раскопок не велись, почти не уделялось внимание составлению планов памятников и т. д. О ходе раскопок Ашик и Карейша докладывали в рапортах, которые направлялись

¹⁴⁰ *Тункина И. В.* Археологические исследования А. Б. Ашика... С. 60.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² *Гёриц К. К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. — М. : Моск. археол. о-во, 1876. — С. 14.

¹⁴³ *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII — начало XX вв.) // Боспорские исследования. — № 39. — 2019. — С. 350.

в адрес керчь-еникальского градоначальника и затем в Петербург. В них содержались большей частью сведения «о сотнях вырытых кубов земли, <...> запись вещей по рубрикам: золото, серебро, медь, железо...»¹⁴⁴. Приложением к рапортам служили рисунки собственно находок, самые ценные из которых немедленно отправлялись в Эрмитаж, в итоге значительно обогатив его собрание.

С начала 1850-х гг. благодаря влиянию министра внутренних дел (впоследствии министра уделов) графа Л. А. Перовского характер официальных раскопок на Тамани изменился: «научные цели, методика исследований и их фиксации стали приобретать главное значение, раскопки были обеспечены финансированием...»¹⁴⁵. По поручению министра Перовского с 1851 по 1855 г. исследованием археологических объектов занимался К. Р. Бегичев (в 1852–1853 гг. директор Керченского музея). Эти работы были прерваны событиями Крымской войны 1855 г.

Качественно новый этап в государственной охране недвижимых памятников древности начался с утверждения в 1859 г. Императорской Археологической комиссии — созданного по инициативе графа С. Г. Строганова «специального органа в структуре центральной исполнительной власти, призванного осуществлять контроль за археологическими раскопками и охраной древних зданий на научной основе»¹⁴⁶.

Комиссия была отнесена к структуре Министерства Императорского двора, её целями были: «розыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на прострaнстве, занимаемом ныне Россиею»; сбор сведений «о находящихся в государстве как народных, так и других памятниках древности»; «ученую разработку и оценку открываемых древностей»¹⁴⁷. Она получила право проведения археологических раскопок за счёт казённых средств, контроля «за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности, о которых ее извещают местные начальства, а если не представляется затруднений, то

¹⁴⁴ Паромов Я. М. История археологических исследований... С. 348.

¹⁴⁵ Там же. С. 350.

¹⁴⁶ Работкевич А. В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII — начале XX века : автореферат дисс. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. — Москва, 1999.

¹⁴⁷ ПСЗРИ. Собр. 2-е. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1861. — Т. 34. № 34109. — С. 70.

и пересылают и самые находимые древности на ее рассмотрение» и за крупными земляными работами в местах потенциального обнаружения древностей. С 1889 г. Комиссия обрела «исключительное право производства и разрешения раскопок с археологической целью на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных»¹⁴⁸.

С. Г. Строганов, «воспитанный на традициях античного искусства, полагал главной целью Археологической комиссии поиск его ярких произведений», поэтому изначально и на продолжительное время «в поисках погребений скифских царей, описанных Геродотом»¹⁴⁹, основными районами для её исследовательской деятельности стали степи Нижнего Подонья и территория бывшего Боспорского царства — Крым и Таманский полуостров.

К раскопкам на Тамани Археологическая комиссия приступила в первый же год своего существования. Их производство было поручено К. К. Гёргу — доценту, преподавателю кафедры археологии и истории искусств Московского университета. Собранные им сведения о производившихся ранее раскопках и результаты собственных исследований легли в основу трудов «Археологическая топография Таманского полуострова»¹⁵⁰ и «Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII в. до 1859 г.»¹⁵¹, которые «вот уже более ста лет исполняют в литературе роль введения в археологию Таманского полуострова»¹⁵².

Продолжившиеся через четыре года после К. К. Гёрга исследования памятников Таманского полуострова осуществлялись исключительно членами Императорской Археологической комиссии вплоть до 1918 г. Выбивались из этого правила лишь незаконные грабительские

¹⁴⁸ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Том II (3). Араго — Аутка. — СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1890. — С. 235.

¹⁴⁹ Тихонов И. Л. Императорская Археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. — № 4. — 2009. — С. 7.

¹⁵⁰ Гёрг К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Древности. Труды Московской археологической комиссии. — Т. II. — Вып. 3. — М., 1870.

¹⁵¹ Гёрг К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. — М. : Моск. археол. о-во, 1876.

¹⁵² Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть I (конец XVIII — начало XX вв.) // Боспорские исследования. — № 39. — 2019. — С. 354.

раскопки. На остальной территории Кубани и Черноморья во второй половине XIX века к археологическим исследованиям подключились представители археологических обществ и местной интеллигенции.

С реформированием системы государственного управления в 1860-х гг. стали оформляться новые принципы регулирования деятельности, связанной с историко-культурным наследием, которые должны были привести к её централизации. В провинциях со стороны государства надзорными функциями в этой сфере были наделены губернские и областные статистические комитеты. В 1863 г. Министерство внутренних дел издало циркуляр в адрес Центрального статистического комитета «О доставлении сведений о памятниках древностей российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся» от 27 апреля 1863 года. Одновременно Археологическая комиссия стала направлять в губернские статистические комитеты ежегодные отчёты и периодические издания археологических обществ. Таким образом, выстраивалась взаимная коммуникация между центром и провинциями империи.

Следует отметить, что в 1860 г. земли Черноморского казачьего войска вошли в состав образованной Кубанской области (включала территорию современного Краснодарского края, Республики Адыгея и, частично, Карачаево-Черкесской Республики). В 1869 г. в ней было введено гражданское управление, а «казачество переведено в общий строй государственной жизни»¹⁵³.

В Кубанской области на момент издания министерского указа не было статистического комитета, подготовкой отчётов о состоянии дел на территории области занималась статистическая часть при Кубанском войсковом правлении, ограничившаяся «немногочисленными данными, доставляемыми местными полицейскими управлениями и другими учреждениями»¹⁵⁴.

В 1878 г. о создании Кубанского областного статистического комитета заявил начальник области и наказной атаман Кубанского казачьего войска Н. Н. Кармалин. В 1879 г. учреждение (секретарём которого, как упоминалось ранее, был назначен Е. Д. Фелицын) на-

¹⁵³ Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани. — Краснодар, 1989. — С. 28.

¹⁵⁴ Ратушняк Т. В. Кубанский областной статистический комитет: создание, основные направления и результаты деятельности / Т. В. Ратушняк // Кубанский сборник. — Краснодар : Книга, 2012. — Т. 4 (25). — С. 34.

чало свою деятельность, одним из неофициальных направлений которой стало исследование, сбережение и популяризация памятников старины.

В практике областного руководства стали применяться российские законы, предусматривавшие поощрение за передачу ценных предметов древности государству. Показателен в этом отношении текст приказа по Кубанскому казачьему войску от 18 мая 1865 г. № 47, изданного начальником области и наказным атаманом Ф. Н. Сумароковым-Эльстоном по случаю передачи отставным казаком Кольцовым в войсковой штаб случайно найденных его сыном «двух кусков обработанного золота, из коих один изображает змея, а другой в простом пруте, всего весом 78 золотников»¹⁵⁵.

В приказе сообщалось, что находка была направлена начальнику Главного штаба Кавказской армии, и приводилось законное основание отправки в виде ссылки на приложение (примечание 2) к статье 539 тома X части 1-й Свода гражданских законов (1857 г.), которая касалась найденных древних памятников.

Далее в документе описывался процесс передачи находки в уполномоченный орган: золотые изделия были перенаправлены в «Главное управление Наместника Кавказа», где «специально знакомый с археологией Генерал-Майор Бартоломей¹⁵⁶» определил их как ожерелья тавроскифских царей времён Боспорского царства. Стоимость самого драгоценного металла была установлена ювелирами в 323 рубля 12 копеек. В качестве поощрения нашедшему их казаку великим князем, Наместником Кавказа, приказано было выдать полную стоимость металлического лома и 25 рублей сверху, что составило 348 рублей 12 копеек.

В этой связи Сумароковым-Эльстоном было предписано прочесть приказ «на полных станичных сборах и в строевых частях», который завершался обращением: «Приглашаю местное начальство обратить внимание всего населения на древние и дорогие редкости, скрытые в земле Кубанской. Всякая представленная начальству находка, составляющая редкость, будет, как и теперь, достойно вознаграждаться»¹⁵⁷. К этому времени уже действовало положение, разработанное в 1862 г. Архе-

¹⁵⁵ Приказ по Кубанскому казачьему войску. Мая 18-го дня 1865 года № 47-й // Кубанские областные ведомости. — 1865. — № 21. — 29 мая.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

ологической комиссией, «О вознаграждении находчика клада и всех древностей до 1700 года»¹⁵⁸.

В 1867 г. распоряжением войскового начальства было предписано «принять к сведению и исполнению по войску» циркулярное предписание Министерства внутренних дел от 4 ноября 1866 г. «О недозволении раскопки курганов и городищ»¹⁵⁹, а вслед за этим наказной атаман Кубанского казачьего войска приказал «объявить всем жителям на полных станичных сборах, чтобы они... при самом появлении признаков, напоминающих о древностях, тотчас заявляли о них ближайшим местным властям, а сим последним, по осмотре заявлений, удостоверившись, что открытый предмет действительно может быть интересен, приставили караул для сделания распоряжения о поручении дальнейшего исследования лицам, знакомыми с приемами подобного дела. При этом объяснить жителям, что они за открытие древностей, кроме оценки по стоимости найденной вещи, будут получать еще особое сверх того вознаграждение»¹⁶⁰.

Материальное поощрение населения имело некоторые положительные результаты: сообщения о крупных вознаграждениях за переданные властям ценные находки регулярно появлялись как в официальной, так и в неофициальной частях областной газеты. Но гораздо чаще фиксировались факты разграбления памятников¹⁶¹.

В этих обстоятельствах при Кубанском областном правлении Е. Д. Фелицыным была разработана программа по сбережению исторического наследия. Она включала: своевременное информирование войска и населения о распоряжениях центральной власти, касающихся охраны древностей; фиксацию и разбор случаев несанкционированных раскопок и причинения вреда памятникам; поддержку местных учёных в проведении исследований и издании печатных трудов, организации выставок, формировании коллекции музея и т. д.

¹⁵⁸ *Шаманов А. В., Зырянова С. Ю.* Охрана культурного наследия в Российской империи. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — С. 55.

¹⁵⁹ Распоряжение войскового начальства // Кубанские областные ведомости. — 1867. — № 22. — 10 июня.

¹⁶⁰ Копия с циркулярного предписания Наказного Атамана Кубанского казачьего войска. От 15 декабря 1867 года. № 4047 // Кубанские областные ведомости. — 1867. — № 50. — 23 декабря.

¹⁶¹ *Каменецкий И. С.* Из истории охраны памятников на Кубани // Археологический бюллетень. — № 4 (12). — 1992. — С. 2–5.

В 1883 г., после получения циркуляра Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе о мерах по сохранению памятников, вышло предписание начальника Кубанской области С. А. Шереметева «Станичным, сельским, аульным, слободским и колонийским правлениям Кубанской области», подготовленное Е. Д. Фелицыным.

Станичнымъ, сельскимъ, поселковымъ, аульнымъ, слободскимъ и колонийскимъ правлениямъ Кубанской области.

На территории внутренней иль области почти повсюду существует множество разнообразных памятников древности, забота о сохранении которых, на основании 181 статьи XII тома уст. строения, изд. 1857 года, возлагается на податочные и сельские власти. Къ числу памятниковъ древности, находящихся въ пределахъ внутренней иль края, относятся: курганы, древнія крѣпости или городки, земляные и каменные валы и окопы, погребальныя пещеры, каменные статуи, изображающія человѣскія фигуры и наветины въ народѣ подъ именемъ каменныхъ бабъ, древнегреческія христіанскія церкви и иконостасныя часовни, надгробныя каменные кресты и плиты съ письмами, каменные башни, развалины древнихъ колоній, плитою каменныя сооружеія, называемыя богатырскими домами (дольменами), древнія котлы, кладбища и многія другія вещественныя памятники старины. Не смотря на существованіе вышеуказаннаго закона, воспрепятствующаго разрушенію какихъ бы то ни было памятниковъ древности, и не смотря на неоднократныя циркулярныя распоряженія оныхъ предметниковъ, оказывается, что во внутренней иль области и въ настоящее время производится безъ всякаго разрѣшенія начальства масса раскопокъ болѣею частью съ спекулятивною цѣлью, что курганы и другія земляныя сооружеія подъ различными предлогами разрушаются и сглаживаются съ лица земли, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ, что статуи и другія каменные памятники, имѣющіе столь важное значеніе въ археологической наукѣ, или уносятся съ мѣстъ первоначальнаго ихъ нахожденія и употребляются подъ постройку домовъ или же просто разбираются на куски и уничтожаются. Известно также, что въ Кубанскую область ежегодно пріѣзжаютъ раннии лица изъ Россіи, а также иностранцы и евреи производить здѣсь раскопки и, пользуясь неопытностью мѣстныхъ обывателей, скупаютъ у нихъ за безцѣнокъ множество замѣчательныхъ предметовъ древности и мерѣдо увозятъ ихъ съ собою за границу.

Въ огражденіе на будущее время научныхъ интересовъ государства, особливою повсемѣстнымъ сохраненіемъ вещественныхъ памятниковъ древности въ пределахъ Россіи, и вслѣдствіе циркуляра Его Сіятельства Главнаго начальствующаго гражданской частью на Кавказѣ отъ ²⁴/₂₈ Іюля сего года за № 62, а также на основаніи 181 ст. XII т. уст. строен. изд. 1857 года, предписываю къ точному и неуклонному исполненію слѣдующее:

1) Станичнымъ, сельскимъ, аульнымъ, поселковымъ, слободскимъ и колонийскимъ правлениямъ въплнелся въ непремѣнную обязанность принимать все зависящія отъ нихъ мѣры въ огражденіи отъ самовольныхъ раскопокъ, разрушенія и расхищенія памятниковъ древности, находящихся въ районѣ подвѣдомственныхъ имъ земель.

Рис. 2 (1). Предписание начальника Кубанской области С. А. Шереметева об охране памятников древности. 1883 г.¹⁶²

¹⁶² ГАКК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 184. Л. 9.

2) Безъ особаго письменнаго разрѣшенія областного начальства къ производству какихъ бы то ни было раскопокъ никто допускать не долженъ. Члены Императорской Археологической Комисіи: и члены другихъ ученыхъ обществъ, командируемые во вѣренную мнѣ область специально для археологическихъ изысканій, будутъ снабжены отъ меня особыми свидѣтельствами на право раскопокъ.

3) Для присутствованія при раскопкахъ, производимыхъ съ вѣдоха и разрѣшенія областного начальства, должны быть назначены отъ египетическихъ и равныхъ съ ними правленій особия доверенныя лица, которыя обязаны безотлучно находиться при раскопкахъ до совершеннаго окончанія ихъ.

4) Лица, производящія раскопки, прилагаются доставлять въ мѣстныхъ правленій (станичныхъ, сельскихъ, аульскихъ и т. п.) копія журналовъ своихъ раскопокъ съ подробною описью найденныхъ ими вещей. Журналы эти съ описями немедленно должны быть представляемы ко мнѣ съ обозначеніемъ званія, имени и фамиліи доверенныхъ отъ общества, присутствовавшихъ при раскопкахъ.

5) Старыя монеты и вообще всякаго рода древнія вещи, случайно находимыя мѣстными жителями при распахиваніи земли, конаніи колодезевъ, погребовъ и при постройкѣ зданій, обязательно должны быть поручаемы въ мѣстныхъ правленій (станичныхъ, сельскихъ, аульскихъ и т. п.) подъ росписки и затѣмъ вещи эти надлежитъ представлять ко мнѣ для дальнѣйшаго отправленія ихъ, на основаніи приложенія въ 536 ст. X т. I част. свода зак. гражд. изд. 1857 года, въ Императорскую Археологическую Комисію. По опредѣленіи научнаго значенія и по оцѣнкѣ Императорскою Археологическою Комисіею случайныхъ находокъ древностей находчикамъ будетъ выдаваемо соотвѣтствующее денежное вознагражденіе.

6) Утаивающіе находки и тайно производящіе раскопки, а также разрушающіе или портящіе какіе бы то ни было памятники древности будутъ подвергаться законной отвѣтственности; о такихъ лицахъ мѣстныя правленія обязаны немедленно доносить мнѣ, принявъ вѣдѣсть съ тѣмъ все зависящія мѣры къ огражденію отъ дальнѣйшаго разрушенія памятниковъ древности и сохраненію въ цѣлости случайныхъ находокъ.

7) Для контролированія дѣйствій мѣстныхъ правленій въ отношеніи ихъ обязанностей по охраненію памятниковъ древности предлагаю теперь же приступить къ составленію по прилагаемой у сего формѣ подробныхъ описей всѣхъ вещественныхъ памятниковъ древности, находящихся въ районѣ подведомственныхъ имъ земель, съ тѣмъ, чтобы опись эта была составлена въ теченіи шести мѣсяцевъ со дня полученія настоящаго циркуляра и хранилась при дѣлахъ правленія. Копія съ этой описи должна быть представлена мнѣ къ 1-му Іюля предстоящаго, 1884, года.

8) Копія описей памятниковъ древности и находокъ, а также журналы раскопокъ и всѣ случайныя находки представлять ко мнѣ, адресуя пакеты Начальнику Кубанской области. По статистическому комитету*.

9) Циркуляръ этотъ объявить жителямъ на полномъ сходѣ общества и затѣмъ выписать подъ стекломъ въ присутственной комнатѣ мѣстнаго правленія для постояннаго руководства.

Генералъ-Адъютантъ Шереметевъ.

Рис. 2 (2). Предписание начальника Кубанской области С. А. Шереметева
об охране памятников древности. 1883 г.

Предписанием вменялось местным правлениям «в неперемнную обязанность принимать все зависящія от них меры къ охраненію от самопроизвольныхъ раскопокъ, разрушенія и расхищенія памятниковъ древности, находящихся въ районѣ подведомственныхъ имъ земель».

Всемъ безъ исключенія запрещалось производство раскопокъ безъ «особаго письменнаго разрѣшенія областного начальства». Прибывав-

шие в область с целью археологических работ «члены Императорской Археологической комиссии и члены других ученых обществ» обязаны были иметь «особые свидетельства на право раскопок».

Для надзора за земляными работами от станичных и «равных с ними» правлений должны были назначаться «особые доверенные лица, которые обязаны безотлучно находиться при раскопках до совершенного окончания их». Копии журналов раскопок с описью найденных вещей и данными производивших их лиц предписывалось передавать в местные правления. Случайно найденные древние предметы необходимо было доставлять в областное правление для дальнейшей их научной оценки и определения суммы вознаграждения за представление находки.

Об утаивании находок, проведении несанкционированных раскопок и причинении какого-либо вреда памятникам древности правления обязаны были незамедлительно сообщать начальнику области в целях привлечения к ответственности нарушителей, «приняв вместе с тем все зависящие меры к ограждению от дальнейшего разрушения памятников древности и сохранению в целости случайных находок».

Для контроля «обязанностей по охранению памятников древности» местные правления должны были в шестимесячный срок составить и представить в статистическое управление подробные описи «всех вещественных памятников древности, находящихся в районе подведомственных им земель»¹⁶³.

Одним из практических результатов установленных правил явилось предотвращение возможного разграбления одного из самых ярких памятников синдо-меотской культуры кургана Карагодеуашх (IV в. до н. э). В 1888 г. в окрестностях станицы Крымской случайно был замечен вход, который вёл внутрь большого кургана. Станичное правление, следуя предписанию, выставило караул, охранявший памятник до приезда Е. Д. Фелицына¹⁶⁴. В ходе раскопок кургана была открыта «большая каменная гробница длиной 20,5 м», в которой «были обнаружены неразграбленными два погребения во всем их блеске и великолепии»¹⁶⁵. Ценности из гробницы были отправлены в Эрмитаж.

¹⁶³ ГАКК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 184. Л. 9.

¹⁶⁴ *Каменецкий И. С.* Из истории охраны памятников на Кубани // Археологический бюллетень. — № 4 (12). — 1992. — С. 5.

¹⁶⁵ *Анфимов Н. В.* Древнее золото Кубани. — Краснодар : Краснодарское книжное изд-во, 1987. — 232 с.

*Рис. 3. Ожерелье из кургана Карагодеуашх. Золото. IV в. до н. э.
Собрание Государственного Эрмитажа¹⁶⁶*

*Рис. 4. Конский налобник из кургана Карагодеуашх. Золото. IV в. до н. э.
Собрание Государственного Эрмитажа¹⁶⁷*

¹⁶⁶ Фото из: Электронная энциклопедия Эрмитажа. — URL: <https://archaeoglobus.sfu-kras.ru/monument/kurgan-karagaduashh/> (дата обращения: 27.03.2024).

¹⁶⁷ Там же.

Однако чаще предписание областного правления игнорировалось, а механизмов привлечения к ответственности не было. Такая ситуация была в целом по стране. Так, в циркуляре Министерства внутренних дел от 6 сентября 1901 г. о передаче в его ведение информации, касавшейся древних зданий и памятников старины, отмечалось, что «в Министерстве не имеется достаточно полных сведений» о памятниках, «некоторые древности, по отсутствию надлежащего надзора и охранения их, совершенно разрушаются»¹⁶⁸. По предоставленным в ответ на циркуляр сведениям были составлены списки, по которым в Кубанской области «древние памятники, здания и сооружения» отсутствовали, «исторические памятники» («памятники новейшего времени, воздвигнутые или воздвигаемые в честь Высочайших и иных особ и в память исторических событий») имелись в количестве 14, в Черноморской губернии числились соответственно 6 и 3 памятника¹⁶⁹.

В 1900-х гг. в археологических и других научных обществах, на археологических съездах были подняты и вынесены на широкое публичное обсуждение проблемы, связанные с бедственным положением памятников старины. В числе причин назывались несогласованность действий участвовавших в охране памятников государственных ведомств и общественных организаций, отсутствие единых правил археологических исследований и архитектурной реставрации, непросвещённость населения, отсутствие ответственности за причинение вреда древним памятникам, бесконтрольный вывоз исторических ценностей за границу и многие другие. В то же время благодаря деятельности таких обществ — столичных и провинциальных — к началу XX века была подготовлена качественная научная, методическая и экспериментальная база для подготовки новых, соответствующих времени, правовых норм по охране памятников старины.

В Кубанской области своего рода научным центром по изучению и сохранению исторического наследия стал основанный Е. Д. Фелицыным войсковой этнографический и естественно-исторический музей.

¹⁶⁸ Циркуляр Министра Внутренних Дел по Департаменту Общих Дел от 6 сентября 1901 г. за № 10 // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. — Т. 1. — Пг. : Типография Главного Управления Уделов, 1916. — С. 597.

¹⁶⁹ Сведения о количестве известных древних памятников, зданий и сооружений и исторических памятников, находящихся в 89 губерниях и областях, девяти городах и на острове Сахалин, доставленные в Министерство Внутренних Дел вследствие циркуляра 6 сентября 1901 года // Сборник материалов... С. 599.

В 1900–1910-е гг. его возглавляли самые видные представители кубанской интеллигенции: В. А. Щербина (с 1903 по 1907 гг.), К. Т. Живило (с 1907 по 1910 гг.), И. Е. Гладкий (с 1910 по 1921 г.).

В 1908 году в проблематику охраны памятников включился назначенный на должность начальника области, наказного атамана Кубанского казачьего войска (с 1908 по 1918 гг.) генерал М. П. Бабыч (1844–1918). Личная заинтересованность в повышении культурного и образовательного уровня населения, волевая решимость генерала М. П. Бабыча сыграли весомую роль в развитии системы охраны памятников на Кубани в предреволюционный период. По словам заведующего музеем И. Е. Гладкого (1862–1930), М. П. Бабыч «в числе многих забот не преминул также обратить своего взора и на слабую постановку дела в Кубанской области и в отношении памятников старины, что и выразил в... своих горячих призывах ко всем обывателям области, приглашая всемерно щадить памятники старины и передавать таковые в Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей для сохранения будущим поколениям»¹⁷⁰.

Что касается самого И. Е. Гладкого, то во многом благодаря его усилиям охранные практики были подняты на достаточно высокий уровень: «были приняты документы, предусматривающие самые разнообразные меры по предотвращению самовольных раскопок, кладоискательства, незаконной торговли старинными предметами. Местным законодательством предусматривались денежные штрафы, дисциплинарные взыскания, лишение казачьего звания и даже высылка из области»¹⁷¹.

Именно И. Е. Гладкий готовил для областного правления проекты циркуляров и приказов по охране древностей, в том числе: циркуляр от 4 августа 1908 г. № 22 о составлении списков выявленных в Кубанской области дольменов и принятии мер по обеспечению их сохранности «наравне с курганами»¹⁷²; циркуляр от 26 января 1909 г. № 58 о сборе

¹⁷⁰ О сохранении памятников старины: циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, правила о Кубанском войсковом музее и о библиотеке. — Екатеринодар : Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей, 1913. — С. III.

¹⁷¹ *Науменко В. Е.* Деятельность кубанских историков по охране культурного наследия региона (XIX — начало XX века) // *Наследие веков.* — 2016. — № 3. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/09/2016_3_Naumenko.pdf. — С. 54 (дата обращения: 27.03.2024).

¹⁷² О сохранении памятников старины... С. 4–5.

сведений о «сталактитовых и искусственных пещерах в горах» — местах обитания древнего человека¹⁷³; циркуляры о мерах пресечения хищнических раскопок и сбыта найденных ценностей¹⁷⁴.

Особая ответственность за сбережение исторического достояния возлагалась на коренное казачье население. Показателен в этом отношении приказ по Кубанской области от 20 сентября 1912 г., в котором подчеркивалось: «Казачков-Кубанцев, которые, следуя дурному примеру иногородних, сами поддаются соблазну, как лиц, не только не радеющих о пользе Государственной, но и позволяющих у себя на родине расхищать древности отечественной старины, в пример другим также привлекать к уголовной ответственности, а приказных и урядников кроме того представлять к лишению их званий, службою приобретенных, как недостойных носить его»¹⁷⁵.

Тем временем российское научное сообщество и власть вели разработку первого в стране закона об охране памятников. В этот процесс были вовлечены и члены императорской семьи: председателем созданного в 1909 г. Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины стал великий князь Николай Михайлович¹⁷⁶. В 1911 г. в Государственную думу был внесён на рассмотрение проект закона, названного «Положением об охране древностей»¹⁷⁷. Однако он был подвергнут критике и отправлен на доработку. Последующие попытки принятия закона также не увенчались успехом.

В условиях законодательной неопределённости на государственном уровне и при отсутствии осознанной поддержки среди широких слоёв населения предпринимавшиеся в Кубанской области охраняемые меры не могли быть надёжными. В сфере охраны историко-культурного наследия требовались системные решения, к которым в стране и, в частности, на Кубани подошли уже в советский период.

¹⁷³ О сохранении памятников старины... С. 6–7.

¹⁷⁴ Там же. С. 7–15.

¹⁷⁵ Там же. С. 15.

¹⁷⁶ *Медведева М. В.* Из истории Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины // Археологические вести. — 2007. — Вып. 14. — С. 262–265.

¹⁷⁷ Проект Министерства Внутренних Дел о мерах к охранению памятников древности. Представление Министра Внутренних дел в Государственную Думу 29 Октября 1911 г. № 27281 // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. — Т. 1. — Пг. : Типография Главного Управлений Уделов, 1916. — С. 555–586.

Глава 2

СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ОХРАНЫ И ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

2.1. Становление и развитие государственной системы охраны памятников, 1920–1970-е гг.

После свершения Октябрьской революции 1917 года в сформированном Советском правительстве приступили к созданию централизованной системы управления охраной памятников искусства и старины. В 1918 г. в составе Народного комиссариата просвещения был образован отдел по делам музеев и охраны памятников как «центральный и единственный орган, объединяющий, руководящий и управляющий музейной жизнью и делом охраны памятников искусства и старины в РСФСР»¹⁷⁸.

Функциями охраны недвижимых памятников занимались три подотдела: монументальной регистрации, реставрационный и археологический. Научное обеспечение и консультирование деятельности подотделов осуществляли крупные учёные и специалисты, реорганизованные дореволюционные профильные общества и учреждения. В частности, научно-методическую помощь археологическому подотделу осуществляла образованная на базе Императорской Археологической комиссии Российская государственная археологическая комиссия¹⁷⁹ (с 1919 г. — Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), с 1926 г. — Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), с 1937 г. — Институт истории материальной культуры АН СССР). То есть в деле изучения и охраны памятников истории и культуры сохранялась преемственность.

В 1921 г. в составе Академического центра Наркомпроса было создано Главное управление научными, художественными и музейными

¹⁷⁸ Цит. по: *Равикович Д. А.* Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. — Вып. 22. — М., 1970. — С. 12.

¹⁷⁹ *Равикович Д. А.* Охрана памятников... С. 12–13.

учреждениями Академического центра Наркомпроса — Главнаука. В ведение Главнауки перешли «все учреждения, связанные с организацией охраны памятников, их изучением и пропагандой: отдел по делам музеев и охраны памятников, музеи, РАИМК, Институт истории искусств в Петрограде (при нём работал Комитет по изучению художественных памятников Петрограда и окрестностей), музейно-экскурсионные институты в Москве и Петрограде, Центральное бюро краеведения (ЦБК), Центральные государственные реставрационные мастерские (ЦГРМ)»¹⁸⁰. Такой шаг правительства свидетельствовал о начавшейся централизации всей научной, практической и просветительской деятельности в сфере культурного наследия, которому отводилась роль «базы для построения нового общества»¹⁸¹.

С конца 1918 г., по мере установления Советской власти, в провинциальных центрах страны начали открываться подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при отделах народного образования губернских, краевых или областных органов власти. Первой задачей, к которой приступили подотделы на местах, явилась экспроприация ценностей у населения, объявленная декретом от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений»¹⁸².

На Кубани и Черноморье период с ноября 1917 г. до окончания 1920 г. был отмечен общественно-политической нестабильностью: сменами власти, массовыми перемещениями мигрантов, военными столкновениями. Тем не менее культурная жизнь здесь продолжалась. Кубанская и переместившаяся на юг столичная интеллигенция «прилагали значительные усилия для сохранения культурного наследия»¹⁸³. В его недвижимой части по-прежнему в центре внимания находилась археология: в Майкопе П. С. Уварова изучала могильники и дольме-

¹⁸⁰ Равикович Д. А. Охрана памятников... С 34.

¹⁸¹ Донцова А. А. Государственная охрана памятников в 1920-е гг.: к истории изучения вопроса // Вестник Томского государственного университета : Культурология и искусствоведение. — 2017. — № 27. — С. 99–117.

¹⁸² Декрет от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — С. 22–24.

¹⁸³ Еремеева А. Н. Культурная жизнь Кубани в XX веке. — Краснодар : Платонов И., 2013. — С. 29.

ны (1919 г.)¹⁸⁴, И. Е. Гладкий занимался археологическими раскопками в станице Новоплатнировской (1918 г.) и пополнением музея находками¹⁸⁵.

Окончательно Советская власть закрепились здесь в 1920 г. Кубанская область и Черноморская губерния были объединены в Кубано-Черноморскую область (до 1924 г.), главным руководящим органом которой стал Кубано-Черноморский областной революционный комитет (с января 1921 г. — Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, казачьих, красноармейских и горских депутатов)¹⁸⁶.

В составе областного отдела народного образования был сформирован музейно-архивный подотдел с секцией охраны памятников искусства и старины. В 1921 г. он был преобразован в Кубано-Черноморское областное управление по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы. Возглавил его Г. Г. Григор — профессор Краснодарского педагогического института¹⁸⁷. Работу с недвижимыми памятниками вели секция археологии и музейная секция.

Среди задач управления, которые были связаны с охраной недвижимых памятников, значились: обследование и фотофиксация исторических мест в окрестностях Краснодара и на Таманском полуострове; подготовка и издание новой археологической карты Кубано-Черноморской области; составление и распространение по краеведческим организациям и культурным учреждениям специальной инструкции по учёту памятников старины; подготовка к изданию сборника «Старина Кубани»¹⁸⁸.

В 1921 г. секцией археологии Кубано-Черноморского управления была открыта Таманская археологическая база. Её участники занимались составлением списка археологических объектов для будущей

¹⁸⁴ *Еремеева А. Н.* Майкопские страницы биографии академика П. С. Уваровой // Научная жизнь и научное сообщество Кубани в XX веке: очерки истории. — Краснодар, 2006. — С. 28–32.

¹⁸⁵ *Еремеева А. Н.* Культурная жизнь... С. 29.

¹⁸⁶ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). — Краснодар : Краснодарское книжное издательство, 1986. — С. 62.

¹⁸⁷ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 277. Л. 14 — 14 об.

¹⁸⁸ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 174. Л. 4.

археологической карты области, сбором подъёмного материала, проведением охранных и спасательных мероприятий (не раскопок), организацией экскурсий, просветительской работой — разъяснением населению исторической ценности памятников археологии и недопустимости самовольных раскопок. Среди спасательных работ самой крупной стало сооружение защитного перекрытия над беломраморным саркофагом в Тамани¹⁸⁹. Кроме того, специалисты-археологи Кубано-Черноморского управления приняли участие в подготовке проекта первого советского правового акта в области наследия — декрета «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», вышедшего 7 января 1924 г.

Декрет, в частности, предписывал установить «достаточные меры к охране памятников (курганов, городищ, стоянок и т. п.) с тем, чтобы не производились никакие действия, разрушающие целостность означенных памятников, а раскопки таковых производились бы исключительно на основании открытых листов, выдаваемых Отделом по делам музеев Главного управления научных учреждений Академического центра Народного Комиссариата Просвещения... Все находки, клады и отдельные предметы археологического значения, случайно обнаруживаемые при земельных работах или на поверхности земли при осыпях, размывании и проч., должны обязательно сдаваться в ближайшие государственные музеи»¹⁹⁰.

Музеи как хранилища предметов старины и центры научных исследований и пропаганды становились важнейшим элементом в системе охраны памятников. На территории Кубано-Черноморской области работали все дореволюционные музеи и были открыты новые. Всего в 1920-е гг. здесь функционировали 10 музеев историко-краеведческого профиля¹⁹¹. В их числе особое место занимал открытый в 1920 г. естественно-педагогический (с 1924 г. — краеведческий) музей в г. Темрюке, которому были переданы полномочия по охране памятников на Таманском полуострове. Основателем музея и его руководителем был местный учитель и археолог С. Ф. Войцеховский (1895–1931).

¹⁸⁹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 277, 174.

¹⁹⁰ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 7 января 1924 года «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — С. 39.

¹⁹¹ ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 174. Л. 4.

Музеям, помимо прочего, вменялось выявление и составление списков ценных предметов, находящихся у граждан, в организациях и учреждениях. Причём они обязаны были самостоятельно подавать заявления о наличии ценностей «в подсекции охраны памятников старины и искусства в целях устройства ряда временных выставок»¹⁹².

Примечательно, что Кубано-Черноморское управление по делам музеев и охраны памятников не было причастно к таким деяниям, как разрушение произведений высокохудожественных произведений монументального искусства и архитектуры имперского времени, расположенных в городе Краснодаре (бывшем Екатеринодаре), — памятника Екатерине II (1907 г., скульпторы М. О. Микешин, Б. В. Эдуардс), Триумфальной Александровской арки (1888 г., архитектор В. А. Филиппов), обелиска в честь 200-летия Кубанского казачьего войска (1897 г., архитектор В. А. Филиппов) и др.

Что касается археологических исследований, с 1923 г. по всей стране начал действовать порядок, по которому раскопки могли производиться лишь при наличии открытых листов, выданных музейным отделом Главнауки.

С 1927 г. для получения открытого листа требовался ещё и отзыв на запрос о выдаче со стороны ГАИМК (Государственная академия истории материальной культуры). О выдаче открытых листов музейный отдел Главнауки должен был извещать областные исполкомы¹⁹³ и местные музеи, в которые поступали находки¹⁹⁴.

Территория Кубано-Черноморской области (в 1924—1934 гг. — часть Северо-Кавказского края, в 1934—1937 гг. — часть Азово-Черноморского края, с 1937 г. — Краснодарский край)¹⁹⁵, как и до революции, оказалась в ряду наиболее значимых в археологическом отношении районов страны. С середины 1920-х гг. здесь возобновились прерванные революциями и Гражданской войной археологические раскопки. На Таманском полуострове в этот период по открытым листам, выданным Главнаукой, провели экспедиции Российская ассоциация научно-

¹⁹² ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 19. Л. 42—43; Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 8. Л. 61.

¹⁹³ Декрет ВЦИК и СНК от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства и старины» // Охрана памятников... С. 38—40.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793—1985). — Краснодар : Краснодарское книжное издательство, 1986. — С. 77—80, 96—97, 114.

исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) под руководством А. С. Башкирова (1926–1927 гг.), Государственный музей изобразительных искусств (ГМИИ) под руководством Л. П. Харко и К. Э. Гриневича (1927–1930 гг.), Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) под руководством А. А. Миллера (1930–1931 гг.)¹⁹⁶. Недалеко от Краснодара, в окрестностях станицы Ильской, работала Северо-Кавказская экспедиция ГАИМК под руководством С. Н. Замятина (1925–1926 гг.)¹⁹⁷ и др.

В начале 1930-х гг. в стране «возникла тенденция «децентрализации» управления музейным делом и охраной памятников»¹⁹⁸. При реорганизации Народного комиссариата просвещения была ликвидирована Главнаука, её функции переданы Музейной группе сектора наук Наркомпроса. Музеи на местах, которым были поручены вопросы, связанные с охраной памятников, «ни юридическими полномочиями, ни финансовыми возможностями для этого не располагали: средства для проведения охранных мероприятий были крайне ограничены, так как все ресурсы страны с огромным напряжением мобилизовывались на нужды индустриализации и коллективизации»¹⁹⁹. В крае это привело к прекращению на несколько лет научных археологических исследований. Лишь в 1936 г. археологические раскопки были возобновлены, но вновь прерваны в 1941 году с началом Великой Отечественной войны.

С самого начала войны советское правительство предпринимало меры по сохранению культурного наследия. В январе 1942 г. при Наркомате просвещения РСФСР была создана группа по охране памятников революции, истории, культуры и искусства, в конце того же года при Совнаркомом СССР образована Чрезвычайная государственная комиссия по учёту разрушений и ущерба, причинённого немецко-фа-

¹⁹⁶ *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991 гг.). Боспорские исследования. — Вып. XL. — Керчь : Керченская городская типография, 2020. — С. 240–243.

¹⁹⁷ *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н.* Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России : материалы Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. : в 2 т. — Т. 2. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. — С. 6.

¹⁹⁸ *Равикович Д. А.* Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. — Вып. 22. — М., 1970. — С. 66.

¹⁹⁹ *Равикович Д. А.* Охрана памятников... С. 67.

шистскими захватчиками. В сентябре 1943 г. был образован Комитет по делам архитектуры при Совнаркоме СССР, в структуре которого создано Главное управление по охране памятников: в его задачи входило обследование находящихся в зоне боёв или освобождённых территорий. Вопросами сохранения художественных ценностей, музейных коллекций занималась Комиссия по охране памятников искусства, сформированная при Комитете по делам искусства СНК СССР.

В ноябре 1943 г. работы по оценке состояния и ущерба, нанесённого историческим зданиям и сооружениям в период оккупации Краснодарского края, провёл выдающийся советский архитектор-реставратор, член Комиссии по охране памятников искусства при СНК СССР, член Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков Н. Н. Белехов (1904—1956). Благодаря трудам Н. Н. Белехова впервые на Кубани к разряду памятников были отнесены объекты архитектуры. В их числе значился ансамбль зданий и сооружений бывшей Екатерино-Лебяжской Свято-Никольской пустыни, созданный в конце XVIII — первой половине XIX вв. (Брюховецкий район). Н. Н. Белехов лично составил акт обследования ансамбля, отметил его историческую и художественную ценность. На въездных воротах бывшего монастыря была помещена информационная доска с предупреждением о его нахождении под государственной охраной²⁰⁰.

Однако в списках памятников Краснодарского края за 1944 год ансамбль не значился²⁰¹. В течение дальнейшей эксплуатации, здания и сооружения монастыря были трансформированы, частью разрушены. Две из ныне сохранившихся построек — бывшая мельница (ныне в здании размещена гостиница) и здание водокачки — в 1979 г. были включены в краевой список памятников истории и культуры с наименованием «Памятное место, где весной 1918 года была организована первая коммуна “Набат”, птицесовхоз “Лебяжий остров”, центральная усадьба»²⁰².

²⁰⁰ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 1 — 1 об.

²⁰¹ Там же. Л. 93.

²⁰² *Гончаров А. В.* «Победителям и побежденным»: эпоха гражданского противостояния на Кубани и Черноморье в объектах культурного наследия // *Наследие веков.* — 2018. — № 2. — С. 41–47. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

*Рис. 5. Вид ансамбля Екатерино-Лебяжской Свято-Никольской пустыни:
Рождество-Богородицкий храм и колокольня. 1909 г.
Фото из фондов КГИАМЗ*

*Рис. 6. Дореволюционный вид ворот в Екатерино-Лебяжскую пустынь.
Фото с сайта монастыря Екатерино-Лебяжской пустыни²⁰³*

²⁰³ URL: <https://leb-pust.cerkov.ru/istoriya-monastyru/> (дата обращения: 28.03.2024).

*Рис. 7. Современный вид бывшей водокочки. 2021 г.
Фото из архива УТООКНKK*

*Рис. 8. Современный вид бывшей монастырской мельницы
(ныне гостиница). 2021 г. Фото из архива УТООКН*

Официальный первый список памятников архитектуры Краснодарского края 1944 года включал два объекта в г. Анапе: «Древнегреческий склеп, II в. до н. э.» (ныне объект культурного наследия федерального значения «Склеп древнегреческий (синдский), III–II в. до н. э.»), «Русские ворота» (ныне объект культурного наследия федерального значения «Крепость турецкая, 1781–1783 гг.: ров оборонительный», «Русские ворота»); в г. Краснодаре — «Дом атамана Бурсака» (ныне объект культурного наследия регионального значения «Дом атамана Ф. Я. Бурсака, 1830-е годы») ²⁰⁴.

Заботиться об обеспечении их сохранности обязана была созданная в июне 1944 г. Инспекция по охране памятников архитектуры при отделе по делам архитектуры Краснодарского крайисполкома. Штат инспекции составили два сотрудника: архитектор и инспектор по охране памятников Е. П. Краснова и инженер-архитектор К. Б. Скорняков ²⁰⁵.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 23 февраля 1945 г. № 729 было вынесено решение по восстановлению памятников архитектуры в городах Краснодаре и Анапе, в соответствии с которым утверждён «Титульный список» на 1946 г. в сумме 300 тысяч рублей ²⁰⁶.

В 1946 г. специалисты Инспекции обследовали анапские памятники: выполнили обмеры и произвели фотосъёмку, составили акты технического состояния, подготовили программы первоочередных мероприятий по ремонту и поддержанию технического состояния объектов.

Однако к реализации программ приступить не удалось из-за имевшихся тогда сложностей в бюрократических схемах. Если разрешение на проведение восстановительных работ и утверждение проектно-сметной документации принималось в Москве правительством РСФСР, то финансирование мероприятий возлагалось на местные бюджеты, состояние которых после войны было далеко от благополучного. История с «восстановлением» анапских памятников служит яркой иллюстрацией того, как такой порядок дел отражался на практике.

Денежных средств на памятники ожидаемо не оказалось. Начальник краевого отдела по делам архитектуры Патрикеев обратился в адрес председателя крайисполкома Бессонова с докладной запиской о невозможности провести требуемые работы и предложил ходатайствовать

²⁰⁴ ГАКК. Ф. 1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 4 — 4 об.

²⁰⁵ *Маркова О. Н.* К истории Екатерининской церкви в Краснодаре // Кубанский сборник. — Том IV (25). — Краснодар : Книга, 2012. — С. 342.

²⁰⁶ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.

перед Советом Министров РСФСР «об ассигновании специальных средств в сумме 200 тыс. рублей на восстановление памятников архитектуры в Анапе». На это был получен ответ следующего содержания: «В соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР от 1 сентября 1946 г. № 2081-р разрешить Анапскому горисполкому израсходовать в 1946 г. из бюджета района 200 тыс. рублей на восстановление памятников архитектуры в г. Анапе»²⁰⁷. Так как в бюджете района необходимых средств тоже не было, следующее распоряжение, поступившее в Анапский горисполком, требовало «добиться через РАЙФО срочного открытия финансирования»²⁰⁸. После долгих препирательств, взаимных пересылок документации в разные инстанции и многочисленных согласований Коммунальный банк г. Новороссийска выдал разрешение на финансирование «реставрационных» мероприятий, которые были начаты силами Анапского горкомхоза. Но, едва начавшись, работы остановились, так как финансирование вновь было закрыто, а выполненные работы стоимостью в 13 тыс. рублей остались неоплаченными. Такая ситуация сохранялась ещё долгое время. К ремонту памятников приступили лишь в 1949 г., при этом сумма аванса составила 3,2 тыс. рублей²⁰⁹.

Тем временем в крае с 1944 г. специальной комиссией при участии краснодарского учёного-археолога Н. В. Анфимова велось обследование территорий довоенных раскопок, чтобы определить ущерб, причинённый памятникам.

Важной вехой в развитии памятникоохранной деятельности в Краснодарском крае стал 1947 год. С этого времени возобновились прерванные войной археологические раскопки. Первые работы начались на городище «Фанагория» (пос. Сенной Темрюкского района), организованные совместной экспедицией ИИМК — ГМИИ.

В этом же году по результатам обследования ряда городов и районов края расширился список памятников архитектуры²¹⁰. Его перечень дополнили: в ст. Тамань Темрюкского района — «Суворовская крепость» (ныне объект культурного наследия федерального значения «Крепость “Фанагорийская” (валы и рвы), 1793–1795 гг.»), «Покровская церковь со звонницей» (ныне объект культурного наследия

²⁰⁷ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 18.

²⁰⁸ Там же. Л. 20.

²⁰⁹ Там же. Л. 11–22, 54.

²¹⁰ Там же. Л. 31.

федерального значения «Церковь Покрова Пресвятой Богородицы со звонницей, 1793 г.», «Памятник запорожцам» (ныне объект культурного наследия федерального значения «Памятник первым запорожцам, высадившимся у Тамани в 1792 г., 1911 г., ск. Адамсон А. И., арх. Фон-Гоген А. И.»); в Анапском районе — «Семибратнее городище» (ныне объект культурного наследия федерального значения «Городище «Семибратнее», V в. до н. э. — III в. н. э.»); в Краснодаре — «Екатерининская церковь» в селе Калинино города Краснодара (утрачена в 1978 г.); в Брюховецком районе — «Собор Лебяжьего монастыря» (утрачен). Кроме того, были собраны сведения по установке «памятников бойцам, павшим в Отечественную войну», «взято на учет 6 памятников [связанных с событиями Великой Отечественной войны. — *Авт.*], возведенных и проектируемых в городах Краснодаре, Анапе, Новороссийске, Армавире и Геленджике»²¹¹.

В 1947 году вышло постановление Совмина РСФСР «Об охране памятников архитектуры»²¹². Оно явилось основанием для введения в крае охранно-арендных договоров за использование зданий-памятников. Если не обеспечивалась «сохранность и правильное использование» памятников, они могли быть изъяты у арендаторов с требованием возмещения убытков и восстановления повреждений. Однако на практике, при отсутствии соответствующих механизмов, это сделать было крайне сложно. Так, краевая инспекция по охране памятников в течение многих лет безуспешно пыталась добиться расселения жильцов и проведения реставрации доведённого до состояния аварийности памятника архитектуры «Дом Бурсака» в Краснодаре, а в Анапе — ремонта памятников, находящихся на балансе города.

Показательно, что в то же время храмы-памятники, бывшие в пользовании приходских общин Русской Православной Церкви, поддерживались в хорошем техническом состоянии. Одним из таких объектов была деревянная Рождественская церковь в селе Калинино г. Краснодара, в списки памятников внесённая по своему первоначальному названию — Екатерининская церковь. Она была построена в 1814 г. в историческом ядре города Екатеринодара (ныне Краснодара). После возведения рядом с церковью большого кирпичного собора в 1914 г. она

²¹¹ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 4 об.

²¹² Постановление Совета Министров РСФСР от 22 мая 1947 года «Об охране памятников архитектуры» // Охрана памятников истории и культуры: сб. документов. — М.: Советская Россия, 1973. — С. 62–64.

была перемещена на территорию пос. Калинино²¹³. Ещё одним храмом, получившим в 1940-е гг. статус памятника, была знаменитая Покровская церковь в ст. Тамань.

Приходские общины обеих церквей подписали охранно-арендные договоры и несли двойную ответственность за их исполнение перед гражданскими и церковными властями. Так, ежегодно за счёт средств прихожан осуществлялся текущий ремонт Екатерининской церкви, в 1952 г. был проведён капитальный ремонт здания, и вплоть до закрытия церкви в начале 1960-х гг. техническое состояние памятника нареканий со стороны властей не вызывало²¹⁴.

Новый этап в становлении государственной системы охраны памятников начался с принятием в 1948–1949 гг. целого ряда основополагающих нормативно-правовых актов: постановления Совета Министров СССР «О мерах по улучшению охраны памятников культуры»²¹⁵, «Положения об охране памятников культуры»²¹⁶, «Инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР»²¹⁷ и конкретно практических инструкций профильных инстанций²¹⁸.

Одновременно к задачам охраны памятников была привлечена фундаментальная наука — создан Научно-методический совет по охране памятников культуры при Президиуме Академии наук СССР. Положение о совете Президиум АН СССР утвердил 24 февраля 1949 г. Председателем был избран академик И. Э. Грабарь (1871–1960). Если

²¹³ *Маркова О. Н.* К истории Екатерининской церкви в Краснодаре // Кубанский сборник. — Том IV (25). — Краснодар : Книга, 2012. — С. 21.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах по улучшению охраны памятников культуры» // Охрана памятников... С. 65.

²¹⁶ Положение об охране памятников культуры (Приложение к Постановлению Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898) // Охрана памятников... С. 65.

²¹⁷ Инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР (Утв. Постановлением Совета Министров СССР от 28 мая 1949 г. // Охрана памятников... С. 65–75.

²¹⁸ Краткая инструкция о порядке учета, регистрации и содержании памятников искусства // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — С. 82–128.

обобщить те задачи, которые ставились перед советом, то фактически это были экспертные функции по анализу и оценке конкретных практик (выявление и установление категории значения памятников, включение и исключение из списка памятников, проекты реставрации уникальных объектов и др.) и методик (инструкций) в деле изучения и сохранения памятников культуры. Кроме того, предполагалось, что совет будет «разрабатывать научную методологию в области охраны, консервации и реставрации памятников культуры как по отдельным объектам, так и в общем состоянии проблемы, а также составлять картотеку памятников культуры, находящихся на территории Советского Союза»²¹⁹.

В соответствии с постановлением все памятники истории и культуры классифицировались по видам. Выделялись четыре основных вида памятников: архитектуры, искусства (этот вид объединял движимые и недвижимые памятники), археологии, исторические²²⁰. В общем массиве выделялись памятники, имеющие «выдающееся научное, историческое и художественное значение», которые составляли категорию памятников культуры «общесоюзного значения»²²¹.

Управление охраной памятников была разделено между тремя ведомствами: Комитетом по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров РСФСР, который занимался вопросами археологических и исторических памятников (при этом открытые листы на раскопки выдавали институты Академии наук СССР), Комитетом по делам искусства при Совете Министров СССР, в управлении которого были соответственно памятники искусства, и Главным управлением охраны памятников архитектуры Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР.

На региональных уровнях задачи охраны памятников и надзора за их «сохранным содержанием» возлагались на Советы министров автономных республик и исполкомы Советов депутатов трудящихся²²².

²¹⁹ Киселев М. Ю. Деятельность Академии наук СССР по охране памятников культуры // Культурное наследие России. — 2021. — № 2 (33). — С. 3–8.

²²⁰ Положение об охране памятников культуры. Приложение к Постановлению Совета Министров СССР от 14.10.1948 г. № 3898 // Охрана памятников... С. 68.

²²¹ Там же. С. 69.

²²² Там же.

В Краснодарском крае с 1949 г. «руководство и контроль за постановкой дела учета, охраны, использования и реставрации археологических и исторических памятников» было передано в отдел культурно-просветительских учреждений крайисполкома²²³. Всего в то время в краевом списке памятников культуры числились восемь объектов²²⁴.

Первая проведённая отделом проверка состояния памятников в крае показала: «... в ряде городов и районов края братские и индивидуальные могилы воинов, погибших в период Отечественной войны и Гражданской войны, историко-археологические и архитектурные памятники содержатся в неудовлетворительном состоянии. В городе Краснодаре, на городском кладбище, где захоронены воины и партизаны Отечественной войны, до сих пор нет изгороди, большинство надмогильных холмиков разрушены. В городе Геленджике, на городском кладбище, участок с погребением воинов Советской Армии не огорожен, таблички с именами погибших утеряны. В городе Анапе историко-архитектурный памятник “Русские ворота” не ремонтируется. В Варениковском районе историческая крепость первой половины XIX в. разрушается, древние городища на хуторе “Красная Батарейка” и “Редант” распахиваются, строительный камень вывозится для хозяйственных нужд колхозников...»²²⁵.

Реакцией на такую ситуацию явилось Решение Краснодарского крайисполкома от 5 мая 1949 г. № 749, которым предписывалось: «не допускать производство раскопок исторических и археологических памятников... лицами, не имеющими на это специального разрешения Академии наук СССР, <...> запретить использование в качестве строительного материала распашку или разрытие для каких-либо хозяйственных целей указанных памятников»²²⁶, хотя меры ответственности, как и ранее, не прописывались.

Кроме того, решением устанавливались охранные зоны: «для исторических и археологических памятников (для древних городищ) — 10 метров, для древних кладбищ, могил — 5 метров, для земляных валов и рвов — 2 метра, для древних курганов — 1 метр». Если по каким-либо причинам разрешался снос или изменение облика памятника, то краевой отдел культуры был обязан организовать работы по проведению

²²³ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 15. Л. 67.

²²⁴ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 93.

²²⁵ Там же.

²²⁶ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 15. Л. 72–73.

научного исследования объекта культуры, которые включали раскопки, фотофиксацию, обмеры, передачу находок музеям и пр. Финансирование исследований должны были обеспечивать получившие соответствующее разрешение заинтересованные организации²²⁷.

Очередные изменения в системе охраны памятников произошли в 1954 г. с образованием министерств культуры СССР и союзных республик. В структуре Министерства культуры РСФСР было сформировано специальное подразделение — Управление музеями и охраной памятников. В него «перешел Научно-методический Совет по охране памятников, Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР), Центральная научно-реставрационная мастерская (ЦНРМ); Министерству культуры РСФСР была передана Государственная центральная художественно-реставрационная мастерская (ГЦХНРМ) им. академика И. Э. Грабаря. В 1957 г. после ликвидации комитетов по делам архитектуры и искусств, к министерствам культуры перешло управление памятниками архитектуры и искусств»²²⁸.

Положительное следствие централизации управления музеями и сферой охраны наследия выразилось в более благоприятных условиях для организации музеев-заповедников, в переходе на качественно иной уровень учёта памятников.

В 1957 г. был составлен первый государственный список исторических памятников РСФСР, в котором объекты были расставлены в алфавитном порядке по административно-территориальному принципу (по автономным республикам, краям и областям). Список памятников республиканского значения по Краснодарскому краю был принят постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». В нём законодательно были обозначены две категории историко-культурного значения — памятники государственного (республиканского) значения и памятники местного значения²²⁹.

²²⁷ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 15. Л. 72–73.

²²⁸ *Равикович Д. А.* Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // Труды научно-исследовательского института музееведения и охраны памятников истории и культуры. — Вып. 22. — М., 1970. — С. 112–113.

²²⁹ Архив УГООКНKK. Распоряжение Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся от 14.01.1975 г. № 25-р.

В 1960-е гг. в системе охраны памятников произошли качественные изменения. В 1966 г. при Министерстве культуры РСФСР была создана Государственная инспекция по охране памятников, на местах в штаты отделов культуры введены должности инспекторов. Тогда же в функционировавшем при министерстве Научно-исследовательском институте музееведения был образован специальный отдел охраны памятников²³⁰. Наконец, в эту сферу деятельности была вовлечена общественность: при поддержке государства в 1965 г. было учреждено Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВО-ОПИиК), охватившее широкие массы населения. Таким образом, система формально вобрала в себя три важнейшие компоненты: государственное управление, научное обеспечение и общественную поддержку.

В Краснодарском крае во всех городах и районных центрах открылись отделения ВОПИиК, в отделах культуры начали работу инспекторы по охране памятников. ВОПИиК совместно с краеведческими музеями, ветеранскими и другими общественными объединениями развернули масштабную деятельность по выявлению и постановке на учёт значимых с точки зрения истории и культуры недвижимых объектов в рамках подготовки «Свода памятников истории и культуры РСФСР», начавшейся в 1967 г. Итогом этой работы стал список из нескольких тысяч объектов на 680 листах, собранных в три тома²³¹. Кроме того, ВО-ОПИиК были переданы функции обследования памятников (включая ремонтно-реставрационные работы), контроля за их сохранностью.

В 1972 г. в стране началась паспортизация недвижимых памятников культуры. Была «введена в практику единая форма учетной документации на недвижимые памятники культуры — “Паспорт” и “Учетная карточка”»²³². В государственном списке сведения о памятниках включали наименование, краткое описание, адрес и информацию о пользователе.

Учётная документация была составлена на значительную часть выявленных краевым ВОПИиК объектов. Решением Краснодарского

²³⁰ *Панкратова Т. Н.* Охрана памятников истории и культуры в Российской Федерации в 1960–1970-е гг. // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР. — М. : НИИ культуры, 1987. — С. 31.

²³¹ ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 1938. Л. 119.

²³² *Фролов А. И.* Изучение и паспортизация памятников культуры России: опыт, тенденции, проблемы // Музееведение. Из истории охраны... С. 48.

крайисполкома от 29 января 1975 г. № 63 они были поставлены под государственную охрану и включены в государственный список²³³.

После 1975 г. массовые кампании по выявлению памятников культуры в крае не проводились. Их список пополнялся в основном за счёт археологических объектов, обнаруженных случайно, в процессе хозяйственной деятельности, или выявляемых в результате плановых научных исследований (раскопок, разведок).

Основную часть государственного списка памятников Краснодарского края составили объекты археологии, что отражало специфику края в общей картине недвижимого наследия страны. Значительная доля принадлежала памятникам истории, связанным с революционным движением и событиями Великой Отечественной войны. Памятники архитектуры в списках были единичны. В начале 1970-х гг. их было всего 15: в Краснодаре — 1, Анапе — 1, Сочи — 12, Тамани — 1²³⁴.

Такая неравномерность списочных данных сложилась отчасти ввиду отсутствия в краевой системе охраны памятников кадров с должной квалификацией в области архитектуры, а среди участников памятникоохранной деятельности не было понимания ценности местного, не «дворцового» вида, архитектурно-градостроительного наследия. Наглядной иллюстрацией тому служит история гибели деревянной Екатерининской церкви начала XVIII века.

Как отмечалось ранее, эта церковь, расположенная в селе Калинино города Краснодара, с 1948 года имела статус памятника республиканского значения. Она избежала разрушений во время Великой Отечественной войны и имела вполне удовлетворительное техническое состояние. О нём можно судить по письму от 28 июля 1947 г. настоятеля протоиерея Писарева в адрес епископа Краснодарского и Кубанского Флавиана: «... как выдающийся памятник древней культуры Храм этот находится на Государственной охране Краснодар. Крайисполкома. Там имеются план, чертежи и даже фотографии в нескольких видах. Храм имеет вид креста, размером небольшой, вместимостью не более 500 человек... О состоянии Храма могу сказать следующее. Стены Храма внутри и снаружи в удовлетворительном состоянии, пол деревянный, крепкий. В 1945 году При-

²³³ Архив УГООКНKK. Решение Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся от 29 января 1975 г. № 63 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в Краснодарском крае».

²³⁴ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 41. Л. 4–5.

ходской Сов. производил ремонт железной крыши и покраску окон. Израсходовано на этот ремонт более 15 000 р. В 1946 г. исправили внутри купола живопись и побелили всю поверхность храма, на что израсходовали тоже более 15 000 р. Настоятельная нужда в этом году — капитально отремонтировать железную крышу, которая по причине ветхости, оказывается на 40 % негодна, а материалов на рынке нет и церковь по своей бедности произвести этот ремонт не может»²³⁵.

В 1952 году общиной верующих самостоятельно были проведены восстановительные работы: «Ремонт и окраска масляной краской железной кровли. Смена нижних венцов рубленых стен из брусьев и смена прогнившей обшивки стен. Большой ремонт одинарных оконных переплетов. Смена остекления оконных переплетов и полная промазка фальцев остекления их. Масляная окраска дверей и окон. Масляная высококачественная окраска деревянных стен. Масляная окраска полов деревянных. Цементная оштукатурка цоколя отдельными местами на 40 % и такая же оштукатурка лотков под водосточными трубами»²³⁶. После этого все проверки инспектирующих государственных органов подтверждали хорошее техническое состояние деревянного храма.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 статус Екатерининской церкви был подтверждён включением её в список памятников архитектуры государственного значения²³⁷. Тем временем в стране резко поменялось отношение к Русской Православной Церкви, начался новый виток антирелигиозной борьбы. Храм был изъят у прихода и передан под размещение зернохранилища²³⁸.

В 1969 г. при проверке состояния памятника была обнаружена опасность «развития биологических вредителей древесины». Причиной была «неправильная эксплуатация здания», к тому времени пустовавшего²³⁹. Для устранения этой проблемы требовалось провести капитальный ремонт зданий «с устройством наружных отмолок, ремонтом фундамента и кирпичных ступеней, ремонтом кровли, устройством водосточных желобов и труб»; «заменой полов, нижних обвязок, стоек, части обшивки и оконных рам в прихожих, проведением ремонта полов с заменой отдельных лаг»; «подведением гидроизоляции под нижние

²³⁵ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 1. Л. 113.

²³⁶ Там же. Л. 87.

²³⁷ ГАКК. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 74. Л. 26.

²³⁸ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 41. Л. 69.

²³⁹ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 24. Л. 3 — 3 об.

обвязки по всему периметру здания, проведением антисептических работ, очистки стен от извести, покраской всех деревянных деталей внутри помещения и ряд других работ»²⁴⁰.

Однако вместо организации и проведения ремонтных работ совместная комиссия с участием представителей Краснодарского городского Совета народных депутатов, Краснодарского горисполкома и, что примечательно, ответственного секретаря Краснодарского отделения ВООПИиК вынесла собственное заключение: «...объект не имеет особой ценности и не может быть памятником, отображающим исторически сложившееся русское зодчество»; «здание церкви целесообразно разобрать, пораженную древесину биологическими вредителями до потери механической прочности сжечь на костре»; «непораженную древесину... использовать в открытых конструкциях на объектах хозяйственного значения»; «оставшийся мусор от разборки здания... собрать и вывезти в места свалок»²⁴¹.

С этим заключением Краснодарское краевое управление культуры обратилось в Государственную инспекцию по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР за разрешением о снятии здания Екатерининской церкви с государственной охраны и дальнейшей его разборке.

Со стороны Государственной инспекции был получен отказ с разъяснением: «...деревянная Екатерининская церковь представляет значительный интерес для истории русского деревянного зодчества и должна быть сохранена. Современное техническое состояние памятника архитектуры, вызванное неправильной его эксплуатацией со стороны колхоза, не может служить причиной для снятия его с государственной охраны и уничтожения». Краевым властям было предложено «организовать работы по консервации древесины с привлечением средств пользователя — колхоза»²⁴².

Таким образом, на государственном уровне были подтверждены статус памятника и его несомненная историческая и архитектурная ценность. Вопрос об уничтожении Екатерининской церкви на законных основаниях был временно снят. В «План использования, реставрации и консервации памятников истории и культуры Краснодарского края на 1972–1975 гг.» был включён капитальный ремонт памятника в пе-

²⁴⁰ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 24. Л. 8 — 8 об.

²⁴¹ Там же. Л. 5.

²⁴² Там же.

Рис. 9. Вид Екатерининской церкви. 1913 г. Приводится по: Семипрестольный собор Св. Екатерины в г. Екатеринодаре. — Екатеринодар, 1913

Рис. 10. Вид памятника архитектуры «Екатерининская церковь, 1814 г.» в пос. Калинино. 1972 г. Из личного архива Н. А. Корсаковой

риод с 1971 по 1972 гг. стоимостью 11 тыс. рублей, в том числе из местного бюджета предполагалось выделить 4 тысячи рублей, из средств ВООПИиК — 7 тысяч²⁴³. Однако эти работы не были выполнены.

В течение последующих нескольких лет озвучивалась задача «срочного» проведения ремонтно-восстановительных работ для спасения Екатерининской церкви. Так, в докладе «Итоги II-го съезда общества и задачи отделений по реализации его решений в связи с 50-летием образования СССР», прозвучавшем на состоявшемся в 1972 г. Пленуме Краснодарского краевого Совета ВООПИиК, отмечалось: «...памятник республиканского значения Екатерининская церковь до сих пор не отремонтирована. Строительный Трест Краснодарского горисполкома из года в год затягивает работы по ремонту, ставит все новые и новые условия, а ценный памятник ветшает»²⁴⁴. В ночь с 11 на 12 февраля 1978 г. в церкви случился пожар, ценный памятник архитектуры был утрачен, а виновные в его гибели не найдены.

Очевидно, что причинами утраты памятника стали не только упомянутые выше проблемы квалификации управленческих кадров и уровня просвещённости общественных помощников, но и целый ряд других, имевших место по всей стране. В их числе: отсутствие у уполномоченных органов инструментов привлечения к ответственности за причинение вреда памятникам или их разрушение; перевес общих руководящих функций над инспекционными, надзорными, методическими; при отсутствии закона — слабость правового влияния со стороны государства «на инстанции, от которых зависела судьба памятников на местах»²⁴⁵ и иные.

Тем не менее к середине 1970-х гг. был накоплен солидный опыт в области изучения и сохранения недвижимого культурного наследия. В Краснодарском крае, в первую очередь, это относилось к исследованиям в области археологии, находившейся в зоне внимания соответствующих научных институций. Кроме того, под государственной охраной оказался большой массив памятников историко-мемориального характера.

²⁴³ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

²⁴⁴ Там же. Л. 6.

²⁴⁵ *Панкратова Т. Н.* Охрана памятников истории и культуры в Российской Федерации в 1960–1970-е гг. // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР. — М.: НИИ культуры, 1987. — С. 30–31.

Однако главным итогом памятникоохранных процессов первой половины — середины XX века явилась сформированная система государственной охраны памятников, объединившая ключевых акторов этой сферы деятельности. Документальным выражением системы стали Закон СССР от 29 октября 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и аналогичный Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г., ознаменовавшие переход к новому этапу её развития.

2.2. Общественная и научная памятникоохранная деятельность, 1920–1970-е гг.

В 1920-е гг. государственная система в целом и структура управления культурой в частности находились в начальной стадии формирования. Общий образовательный уровень в стране был крайне низок. При этом насаждался революционный нигилизм в отношении проявлений культуры, связанной со старым режимом. В этих условиях в сбережении памятников старины особенно проявилась роль научных сообществ и краеведческого движения.

Развитие краеведения было инициировано новой государственной властью. Первостепенными задачами краеведческих обществ, новых или бывших дореволюционных, являлись сбор информации, формирующей представление об особенностях административно-территориальных образований страны, и пропаганда, прямая или косвенная, советского строя. Стихийно возникавшие краеведческие организации также брались под контроль государства.

В июне 1920 г. во все губернские и областные отделы было направлено указание «О проведении обязательной регистрации всех дореволюционных обществ и направлении сведений о них в наркомат» (внутренних дел. — *Авт.*), а 3 августа 1922 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке учреждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними»²⁴⁶. Тем самым на законодательном уровне были установлены правила, по которым создавались и осуществляли деятельность все общественные, в том числе краеведческие, организации.

²⁴⁶ Тугай Т. И. Организация советского краеведения: дореволюционный опыт в реалиях 1920-х гг. / Т. И. Тугай // Российские регионы: взгляд в будущее. — 2020. — Т. 7. — № 3. — С. 12–34, С. 16–17.

На Кубани и Черноморье в это время работали 40 краеведческих общественных организаций, среди которых были такие крупные, как: «Общество изучения Черноморского побережья Кавказа (создано в Новороссийске в 1922 г., председатель В. А. Водяницкий), Общество краеведения в Сочи (1924 г., председатель С. Ю. Соколов), Литературно-историческое и этнологическое общество (1924 г., Краснодар, председатель М. В. Клочков), Армавирское окружное краеведческое общество (1924 г., председатель Дубровский), Майкопское общество краеведения (1925 г., председатель М. С. Бутенко), Общество изучения Адыгейской автономной области (1925 г., председатель К. А. Мишуриев) и др. Одной из крупнейших краеведческих организаций Северного Кавказа продолжало оставаться ОЛИКО»²⁴⁷.

Все они, в соответствии с постановлением от 3 августа 1922 г., находились в ведении отдела народного образования облисполкома (областной структуры Наркомпроса) и Кубано-Черноморского областного управления по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (относившемуся к Главнауке — отделу Наркомпроса), а также под надзором областного управления Наркомата внутренних дел РСФСР.

К вопросам сохранения или обеспечения охраны памятников эти общества в большинстве своём имели опосредованное отношение. Их функции в основном заключались в распространении агитационных материалов и в просветительской деятельности, в частности, в проведении экскурсий по историческим местам и памятникам.

В просветительстве ОЛИКО имело преимущественные позиции среди прочих организаций благодаря накопленному с конца XIX века опыту и высоким профессиональным качествам его давних членов, многие из которых были крупными учёными. В 1922 г. был утверждён новый, по советским правилам, устав ОЛИКО. При этом в правление общества вошли известные в научной среде члены его дореволюционного состава: избранный председателем Б. М. Городецкий, его заместитель С. И. Борчевский, назначенный казначеем Н. И. Кияшко и Е. В. Брок — бессменный библиотекарь ОЛИКО с 1897 по 1923 гг.²⁴⁸

²⁴⁷ *Ратушняк Т. В.* Становление и развитие краеведения на Кубани в конце XVIII — первой трети XX вв. // *Голос минувшего.* — № 3–4. — 2007. — С. 91.

²⁴⁸ *Кирей Н. И.* ОЛИКО — центр исторического краеведения на Кубани в 1897–1932 гг. // *Голос минувшего.* — № 4. — 1997. — С. 42–43.

До этого в 1921 г. избранный делегатом от ОЛИКО Б. М. Городецкий участвовал в состоявшейся в Москве I Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края, а в 1922 г. его приняли в состав Центрального бюро краеведения (ЦБК) как представителя Северного Кавказа. В том же году в Краснодаре состоялся I съезд деятелей по краеведению Кубано-Черноморской области, при этом «из 152 участников съезда 40 человек являлись членами Общества любителей изучения Кубанской области»²⁴⁹. Тогда же возобновился выпуск «Известий ОЛИКО». Среди разнообразия опубликованных в этом издании материалов отдельные статьи посвящены истории области и находящимся на её территории памятникам²⁵⁰.

В 1924 г., после передачи Кубано-Черноморской области в состав Северо-Кавказского края, в ОЛИКО (официально оно стало звучать, как ОЛИКК — Общество любителей изучения Кубанского края) вошли представители ряда советских учреждений: Окрплана — плановой комиссии исполкома, Совпрофа — объединения профсоюзов, Окроно — отдела народного образования и др., тем самым ещё более «размыв» суть общественной организации. В деятельности ОЛИКО всё большее место занимали агитационная и просветительская работа, научные исследования касались преимущественно экономики, хозяйства и «производительных сил» края, «научные разработки в области истории отошли на последний план»²⁵¹.

Подконтрольность власти ОЛИКО усилилась с учреждением в 1926 г. Кубанского окружного бюро краеведения, на которое возлагались функции организации, контролирования и планирования краеведческого движения, согласования всех тем научных исследований.

В 1929 г. был избран новый состав правления ОЛИКК, в который наряду с учёными Г. Г. Григором (председатель), С. И. Борчевским (секретарь), П. В. Мироновым, В. Т. Черным, Л. Я. Апостоловым вошли семь представителей местных советских и партийных организаций.

²⁴⁹ Ратушняк Т. В. Общество любителей изучения Кубанской области (1897–1932 гг.): к 120-летию первого краеведческого общества на Кубани // Голос минувшего. — № 1–2. — 2017. — С. 151–162.

²⁵⁰ Труды Первого съезда деятелей по краеведению Кубчеробласти. Резолюции и общие сведения о съезде (15–23 окт. 1922 г.). — Краснодар : Ликвидац. ком. по делам Первого съезда деятелей по краеведению Кубчеробласти, 1922.

²⁵¹ Ратушняк Т. В. Общество любителей изучения Кубанской области... С. 151–162.

Свои цели и задачи общество должно было увязать с выполнением «пятилетнего плана развития народного хозяйства»²⁵². В октябре 1932 г. ОЛИКК приняло решение о самороспуске²⁵³.

Первой советской научной организацией на территории края, связанной с недвижимым культурным наследием, было Литературно-историческое и этнологическое общество (ЛИЭТО). Оно открылось 23 ноября 1924 г. при Кубанском педагогическом институте. В структуре ЛИЭТО имелось три секции: литературная, этнологическая и считавшаяся краеведческой секция местной археологии и истории. Пост председателя историко-археологической секции занимал А. Ф. Лещенко — директор Кубанского научного музея, также сотрудничавший с ОЛИКК. Функции секретаря исполнял М. В. Покровский — историк, учитель краснодарской школы № 2, окончивший словесно-историческое отделение педагогического института в 1923 г. Всего общество объединило около 50 человек: профессоров и преподавателей местных вузов, школьных учителей и студентов²⁵⁴.

Заседания ЛИЭТО проходили в форме научных конференций, на которых в течение первых двух лет работы прозвучало 50 докладов, включая 15 по истории, археологии и антропологии. Примечательно, что среди докладчиков были не только члены общества, но и столичные археологи — С. Н. Замятин, А. С. Башкиров, А. А. Миллер, в экспедициях которых приняли участие многие представители общества. В частности, члены ЛИЭТО и студенты пединститута работали в экспедиции РАНИОН под руководством А. С. Башкирова на Таманском полуострове, в экспедиции ГАИМК С. Н. Замятина в пос. Ильском²⁵⁵.

Однако в основном экспедиции ЛИЭТО имели экскурсионно-просветительский и визуально-разведочный характер, как правило, с фотофиксацией и сбором подъёмного материала. В них участвовали студенты пединститута и местные краеведы. В 1925–1926 гг. такие экспедиции со-

²⁵² ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 148. Л. 48.

²⁵³ *Кирей Н. И.* ОЛИКО — центр исторического краеведения на Кубани в 1897–1932 гг. // *Голос минувшего.* — № 4. — 1997. — С. 43.

²⁵⁴ *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н.* Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020 гг.) // *Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России : материалы Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф.* — Т. 2. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. — С. 5–6.

²⁵⁵ Там же. С. 6–7.

стоялись на Таманском полуострове (городища в станице Тамань (Гермонасса-Тмутаракань), пос. Сенном (Фанагория) и у Ахтанизовского гирла), в Абинской долине (орнаментированные дольмены), в станице Некрасовской (городище), в станице Усть-Лабинской (могильник), в окрестностях посёлка Ильского (палеолитическая стоянка)²⁵⁶.

В 1926 г. член ЛИЭТО Н. А. Захаров первым в крае получил открытый лист на проведение археологических работ. К 1927 г. кубанскими учёными было проведено обследование десяти городищ, среди которых известные ныне: Красная Батарейка, Елизаветинское, Раевское, Горгиппия, Пашковское, Старокорсунское, Усть-Лабинское, краснодарские городища «на Дубинке», «Сад Тротнера», «Панский кут» и др.²⁵⁷

В 1927 году в краевом центре на месте расположения крупного меотского городища началось строительство Краснодарской районной электростанции (КРЭС). Для наблюдения за земляными работами на памятнике и сбора подъёмного материала ЛИЭТО и Кубанским научным музеем была образована совместная комиссия, в которую вошли профессора Н. А. Захаров, М. В. Клочков; Г. Г. Григор — заведующий управлением по делам музеев и охране памятников, А. Ф. Лещенко — заведующий Кубанским научным музеем, Т. С. Кравченко — инженер КРЭС, М. В. Покровский — учитель истории школы № 2 и Н. В. Анфимов — внештатный работник Кубанского научного музея (будущий известный учёный-археолог). Руководил комиссией Н. А. Захаров, а в непосредственных работах на городище приняли участие студенты — члены кружка истории материальной культуры²⁵⁸. В условиях отсутствия профессиональной археологической подготовки участникам работ «приходилось ограничиваться только сбором материала и по возможности фиксировать места находок и глубину залегания отдельных предметов»²⁵⁹. То есть необходимость сохранности памятника и допустимость его раскопок только с научными целями и при наличии разрешения не подвергалась сомнению.

Деятельность ЛИЭТО, как и других общественных организаций в крае и по стране, прекратилась с изменением внутренней государ-

²⁵⁶ Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н. Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020 гг.). С. 6.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Там же. С. 7.

²⁵⁹ Анфимов И. Н., Анфимов Н. В. Археологические памятники города Краснодара // Кубанский краевед 3. — Краснодар : Кр. кн. изд., 1992. — С. 23.

ственной политики. Период 1929–1933 гг. для краеведения и археологии «стали годами испытаний и утрат», временем «разгрома, выразившегося в процессах над академиками и известными учеными, в закрытии всех обществ изучения местного края, сокращения сети музеев и в массовых репрессиях среди музейных работников, профессоров и преподавателей столичных университетов и областных вузов, в ликвидации РАНИОН, в сокращении количества археологических экспедиций с 48 в 1927 г. до 21 в 1931... На Таманском полуострове в течение четырех лет (1932–1935) никаких археологических исследований не производилось»²⁶⁰.

Возобновились раскопки в крае в 1934 г. после официальной «реабилитации» истории. В Краснодарском педагогическом институте был создан исторический факультет, который получил право заниматься организацией и проведением археологических раскопок и обучать по этой специальности студентов. В научном поле появилось понятие «кубанская археология». Начавшие свою деятельность в 1920–1930-е гг. Н. В. Анфимов, Ю. С. Крушкол, П. А. Дитлер и другие вошли в плеяду выдающихся учёных-археологов страны. Это была уже не общественная деятельность, а труды непосредственно в рамках профессии²⁶¹.

В то же время в проблематике исследований краеведческих и научных обществ первых советских десятилетий не нашлось места архитектурному и монументальному наследию региона.

Началом нового витка массового общественного участия в сохранении историко-культурного наследия стало создание Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), законодательным основанием для которого стало Постановление Совета Министров РСФСР от 23 июля 1965 г. № 882²⁶².

²⁶⁰ *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. — Часть 2 (1918–1991 гг.) // Боспорские исследования. — Вып. XL. — Керчь : Керченская городская типография, 2020. — С. 243–244.

²⁶¹ *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н.* Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020 гг.) // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России : материалы Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. — Т. 2. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. — С. 8–10.

²⁶² Постановление Совета Министров СССР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — С. 144–149.

В соответствии с постановлением Краснодарский крайисполком принял решение от 25 августа 1965 г. № 734 о создании организационного комитета по подготовке краевой учредительной конференции ВООПИиК. В состав оргкомитета вошли 30 человек, представляющие партийные и советские органы, учёные, музейные работники, литераторы и др. Председателем оргкомитета стал заместитель председателя крайисполкома Г. И. Кинелев. Для организации работы по краю и проведению городских и районных учредительных конференций было образовано 37 местных оргкомитетов и областное отделение общества в Адыгейской автономной области²⁶³.

Процесс формирования первичных организаций проходил неравномерно, распоряжение «сверху» по этому поводу вызывало непонимание и в ряде случаев просто игнорировалось, о чём ярко свидетельствуют документы того времени. Если в Кущевском районе было собрано 50 первичных организаций с двумя тысячами членов, в Абинском районе — 62 «первички» с тремя тысячами участников, то «в Каневском райисполкоме рекомендацию крайисполкома о порядке создания общества до тех пор передавали по инстанциям, пока она не потерялась, а представитель конечной инстанции уехал на курорт», руководство Апшеронского района и города Кропоткина отказались от общества, сообщив что «у них нет памятников»²⁶⁴.

Эти частные факты вместе с многочисленными примерами разрушений памятников (в первую очередь, археологии) демонстрируют в целом не сложившееся ценностное восприятие культурного наследия и непонимание необходимости его сохранения как среди населения, так и в местных органах власти. Такая картина была типичной для края. Это, безусловно, повышало просветительское, образовательное и воспитательное значение инициативы по организации общественного движения охраны памятников в масштабах всей страны.

Краевая учредительная конференция ВООПИиК была проведена 25 декабря 1965 г. Её участниками стали 218 делегатов из 230 направленных, в том числе: по уровню образования — 162 человека с высшим и 56 делегатов со средним образованием; по профессиональной принадлежности — 46 учителей, 44 работника культурно-просветительских учреждений, 22 инженера, 21 работник на общественных началах, 18 медицинских работников и 39 рабочих и колхозников²⁶⁵.

²⁶³ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 22, 31–32.

²⁶⁴ Там же. Л. 22–23.

²⁶⁵ Там же. Л. 37–44.

В избранный совет краевого отделения ВООПИиК вошли 39 человек. В резолюции была прописана ближайшая задача общества: «проведение работ по выявлению, учету и паспортизации всех видов памятников истории и культуры, расположенных на территории Краснодарского края»²⁶⁶. Для защиты памятников археологии планировалось «разработать и внести на рассмотрение крайисполкома порядок проведения хозяйственных и строительных работ на территории исторически значимых древних городищ, могильников, курганов, а также порядок организации и соблюдения охранных зон»²⁶⁷.

С 1966 г. отделения ВООПИиК были открыты во всех городах и районах Краснодарского края. Работа общества велась по нескольким направлениям: памятники археологии и истории, памятники архитектуры и монументально-изобразительного искусства, документальные памятники, музыкальная культура и народная хореография.

В 1967 г. в крае было создано 900 первичных организаций, в которых числилось 103 тысячи индивидуальных членов, и 876 коллективных — колхозов, совхозов, предприятий и организаций. В последующие годы количественный состав ВООПИиК постоянно возрастал, и в 1979 г. в крае насчитывалось 3758 первичных организаций, в деятельности которых участвовало 646 580 индивидуальных членов и 2218 коллективных²⁶⁸.

После образования местных отделений ВООПИиК наряду с развёртыванием широкой просветительской деятельности (лекции по истории края, организация экскурсий, выпуск радиопередач, публикация статей в местных газетах) началась работа по выявлению, учёту и сохранению памятников истории и культуры.

В процессе обследования территорий фиксировались собственно памятники и их основные характеристики, включая причинённый им вред. Результаты обследования оформлялись в виде актов, которые направлялись в краевое отделение общества и крайисполком.

Как отмечалось ранее, собранный массив документов был колоссален по объёму и по заключённой в нём информации. В частности, в актах нашли отражение применявшиеся в то время на практике методы первичного натурального описания памятников, доступные меры по пресечению разрушавшей памятники хозяйственной деятельности,

²⁶⁶ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

²⁶⁷ Там же. Л. 30–31.

²⁶⁸ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 47. Л. 53–54.

характер и утраты археологических памятников во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг.

Так, в акте от 12 сентября 1969 г., составленном в станице Федоровской Абинского района, сообщалось о выборке скрепером грунта из кургана для строительства колхозного хранилища ядохимикатов. В процессе работ «на глубине от 60 см до 1 м 20 см были обнаружены кости животных и скелеты человека, а также были глиняная посуда и украшения из кости — 1 шт. с орнаментом. Все это находилось в толще пепла»²⁶⁹. Также отмечалось, что найденные предметы были собраны, указывалось имя и адрес собравшего, обозначался характер разрытия кургана: «...с востока на запад на всю его протяженность глубиной до 1,8 метра». В заключении акта фиксировались результаты проверки памятника: «Работы на кургане прекращены. Курган сфотографирован. Вещественные доказательства сфотографированы, собраны для отправки в краевое общество охраны памятников»²⁷⁰.

Актом от 17 апреля 1970 г. было засвидетельствовано снятие скрепером верхнего слоя грунта глубиной 30 сантиметров и шириной 3 метра с меотского городища в окрестностях станицы Федоровской, что привело к повреждению культурного слоя и гибели нескольких погребений²⁷¹.

В станице Новотитаровской 4 мая 1970 г. активировано намеренное снятие насыпи кургана на глубину 1,4 метра, произведённое в ходе сельскохозяйственных работ: «...на подошве кургана было разрушено древнее захоронение, в котором найдены кувшины, бронзовые и золотые браслеты, бусы, зеркало»²⁷².

Актом от 5 мая 1970 г. в той же станице засвидетельствован факт разрытия «могильного холма», в котором было обнаружено древнее погребение с разнообразными артефактами, включая оружие и изделия из золота²⁷³.

Судя по этим и другим, аналогичным им, документам, составленным с участием или непосредственно членами ВООПИиК, при длившихся столетиями разграблениях, земли края все ещё отличались насыщенностью объектами археологии. Однако памятники разрушались

²⁶⁹ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

²⁷⁰ Там же. Л. 28.

²⁷¹ Там же. Л. 13.

²⁷² Там же. Л. 30.

²⁷³ Там же. Л. 33.

стремительно, и было очевидно, что принимаемых мер по обеспечению их сохранности недостаточно. При этом материал, полученный ВООПИиК в ходе работ по выявлению памятников, дал возможность органам управления и научным институтам определять первоочередные мероприятия по исследованию и предотвращению утрат исторического наследия.

Помимо работы «в полях», в начале 1970-х гг. Краснодарское краевое отделение ВООПИиК приняло участие в составлении полноценной учётной документации. Когда Министерство культуры РСФСР начало готовить перечень объектов, рекомендованных к постановке под государственную охрану, выяснилось, что краевое управление культуры прислало «список памятников советской архитектуры, не представив дополнительно списки по памятникам истории и памятникам археологии, которых особенно много на территории Краснодарского края». В этой связи Центральный совет ВООПИиК обратился в краевое отделение с просьбой «оказать содействие местным органам культуры» с подготовкой самих списков и соответствующей «документации первичного учета»²⁷⁴.

Всего членами краевого ВООПИиК к 1979 г. было выявлено и поставлено на учёт 3430 памятников и памятных мест, из которых 2783 вошли в государственные списки памятников, в том числе: памятников археологии — 617, памятников истории — 2099, архитектуры — 54, монументального искусства — 13²⁷⁵.

Помимо того, к функциям ВООПИиК Краснодарского края относились вопросы ремонта и благоустройства памятников истории. Оплачивались работы из средств общества. С 1967 по 1979 гг. краевым отделением были отремонтированы 850 памятников истории на общую сумму в 1,031 миллиона рублей²⁷⁶.

Вместе с тем широк был спектр просветительской деятельности, которую осуществляло в 1960–1970-е гг. краевое ВООПИиК. Он включал проведение смотров и викторин к государственным юбилейным датам, выпуск тележурнала «Мой край родной», подготовку и издание методических рекомендаций по выявлению и изучению памятников археологии, издание книг и буклетов соответствующей тематики. Эта работа велась в сотрудничестве с высшими учебными заведениями, му-

²⁷⁴ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

²⁷⁵ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 47. Л. 53–54.

²⁷⁶ ГАКК. Ф. Р-1748. Оп. 47. Д. 53, 54.

зеями, творческими организациями и учреждениями культуры, Институтом археологии Академии наук СССР, Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и другими участниками памятникоохранного процесса.

Также следует отметить, что это время было связано с ростом музейной и посвящённой музеям активности. В Краснодарском крае благодаря инициативам и непосредственному участию учёных-археологов были музеефицированы и тем самым сохранены и включены в хозяйственную и культурную жизнь крупные археологические комплексы в городе Анапе и станице Тамань.

Сотрудники Института археологии РАН, исследовавшие античное городище «Горгиппия» (Анапа), подготовили программу музеефикации памятника. Программа была утверждена Советом Министров РСФСР. Результатом её реализации стало открытие на основе одного из раскопов музея-заповедника, состоявшееся в 1977 г.²⁷⁷

*Рис. 11. Вид городища «Горгиппия» (г. Анапа). 2012 г.
Фото И. С. Гаранова из архива УГООКНKK*

²⁷⁷ Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. — М. : Эдиториал УРСС, 1997. — С. 6–7.

*Рис. 12. Вид городища «Гермонасса-Тмутаракань». 2011 г.
Фото И. А. Платонова²⁷⁸*

В 1973 г. статус памятника археологии получило городище «Гермонасса-Тмутаракань» в Тамани. К тому времени оно имело значительные утраты культурного слоя. Раскопки, в том числе грабительские, осуществлялись здесь с конца XVIII века. Кроме того, поверхность памятника была сильно повреждена ямами, оставленными после выборки камня местными жителями²⁷⁹. Участники Таманской археологической экспедиции, организованной совместно ИА АН СССР и ГМИИ имени А. С. Пушкина²⁸⁰, выступили с предложением о создании музея-заповедника на месте городища. В 1984 г. оно стало объектом музейного показа. С тех пор несанкционированные раскопки здесь прекратились (исключая лишь несколько случаев), на его тер-

²⁷⁸ Приводится по: Археологический комплекс «Гермонасса-Тмутаракань»: исторический очерк и генеральный план развития территории. По материалам научного проектирования 2007–2009 годов / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова, Э. Р. Устаева. — Краснодар : Платонов, 2011.

²⁷⁹ Бондарь В. В., Маркова О. Н., Устаева Э. Р. Археологический комплекс «Гермонасса-Тмутаракань»: исторический очерк и генеральный план развития территории. По материалам научного проектирования 2007–2009 годов. — Краснодар : Платонов, 2011. — С. 66–78.

²⁸⁰ Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. — Часть 2 (1918–1991 гг.) // Боспорские исследования. — Вып. XL. — Керчь : Керченская городская типография, 2020. — С. 260–261.

ритории проводятся только охранно-спасательные археологические работы²⁸¹.

Вместе с тем все значимые инициативы и практическое участие в обеспечении охраны и мероприятиях по изучению и сохранению памятников истории и культуры, исходившие от общественных организаций или научных институций, в течение всего периода становления памятникоохранной деятельности контролировались и регулировались официальной властью.

2.3. Трансформации системы охраны памятников истории и культуры, 1980–1990-е гг.

С принятием закона РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» значение этой деятельности вышло на новый уровень. Законом памятники были отнесены к достоянию всего народа. Они рассматривались как инструмент развития образования, науки и культуры, формирования патриотизма, нравственного и эстетического воспитания. Охрана памятников на законодательном уровне была провозглашена важнейшей идеологической задачей государства.

В законе памятники различались по следующим видам: история, археология, градостроительство и архитектура, искусство, документальные памятники. Первые три вида представляли собой недвижимые памятники (здания, сооружения, архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры, кремли, кварталы, памятные места и предметы, захоронения, городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, сооружения гражданской и иной архитектуры с произведениями монументального, садово-паркового искусства, природными ландшафтами и др.); памятниками искусства могли быть произведения монументального искусства (недвижимые памятники) и станкового (музейные предметы). Вид документальных памятников включал материальные предметы (акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные и графические документы, фотодокументы, древние и другие рукописи и архивы, редкие печатные издания) и объекты нематериально-

²⁸¹ Бондарь В. В., Маркова О. Н., Устаева Э. Р. Археологический комплекс «Гермонасса-Тмутаракань» ...

го наследия <...> (кинодокументы и звукозаписи, записи фольклора и музыки)²⁸².

Обязанностью государственных органов исполнительной власти являлось обеспечение охраны и использования памятников истории и культуры с учётом их сохранения для будущих поколений. Специальными полномочиями наделялись Министерство культуры РСФСР, Главное архивное управление при Совете Министров РСФСР, местные органы культуры и архивные управления в пределах их компетенции. Содержание деятельности, система управления и контроля в сфере охраны и использования недвижимых памятников истории, археологии, градостроительства и архитектуры, искусства определялись Министерством культуры РСФСР и местными органами культуры²⁸³.

В Краснодарском крае до принятия нового закона в управлении культуры крайисполкома по вопросам охраны наследия имела одна штатная единица — инспектор по памятникам истории и культуры. После принятия появилась соответствующая структура из нескольких подразделений.

Решением крайисполкома от 22 августа 1979 г. № 574 при управлении культуры была образована производственная группа по охране и эксплуатации памятников истории и культуры (позже — научно-производственная)²⁸⁴. Финансирование производственной группы, имевшей статус самостоятельного юридического лица, осуществлялось за счёт средств, получаемых от аренды памятников истории и культуры, находящихся на балансе управления²⁸⁵.

Одновременно при крайисполкоме были созданы комиссия содействия охране памятников истории и культуры (аналогичные комиссии были образованы практически во всех городах и районах края) и Крас-

²⁸² Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры». — М., 1979. — С. 4.

²⁸³ Там же. С. 6.

²⁸⁴ Архив УГООКНKK. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. — Краснодар, 1982. — Часть I. — С. 5.

²⁸⁵ Там же. С. 5–7.

нодарская специализированная научно-реставрационная мастерская (КСНПРМ)²⁸⁶.

Источниками финансирования мероприятий по сохранению памятников истории, археологии и архитектуры служили: бюджеты заинтересованных организаций в зонах их хозяйственной деятельности, ВООПИиК (выявление, картографирование, установление охранных зон), республиканский и краевой бюджеты.

Главным направлением деятельности краевой структуры охраны памятников являлся их учёт. До 1981 г. работа по учёту памятников архитектуры проводилась ВООПИиК с участием специалистов — архитекторов, историков и др. — в основном «в направлении выборочного обследования застройки населенных пунктов и известных в литературе ценных в историко-архитектурном плане объектов»²⁸⁷.

По состоянию на 1975 г. в крае был поставлен на учёт 2151 памятник, затем эти показатели снизились: в 1977 г. было уже 186 памятников, в 1979 г. — 234. Со вступлением в силу закона (в ходе его реализации) процесс выявления новых исторически ценных объектов принял более планомерный характер и территориально более широкий охват. В 1981 г. списки дополнились 764 памятниками, в 1983 г. — 950 объектами, часть из которых была рекомендована к категории республиканского значения²⁸⁸.

На каждый выявленный памятник составлялся паспорт (расширенная характеристика) и учётная карточка (краткая характеристика). В паспорт вносились следующие сведения: наименование, типологическая принадлежность, датировка, адрес, характер современного использования, краткие исторические сведения, информация об утратах и перестройках, изменивших облик памятника, и реставрационных работах; давалось описание памятника, общая оценка значимости — общественной, научно-исторической, художественной, оценка технического состояния; обозначалась категория охраны. Также приводились сведения об охранных зонах, о балансовой принадлежности памятника.

Приложением к паспорту служили фотографические изображения объекта. Объём содержания исторической и описательной части паспорта в каждом случае был различен — от совсем краткого до раз-

²⁸⁶ Архив УГООКНKK. Решение Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.09.1980 г. № 643.

²⁸⁷ Архив УГООКНKK. Служебная записка... 1982. — Ч. I. — С. 6.

²⁸⁸ Там же. С. 5–7.

вёрнутого. Но в целом эти сведения позволяли составить общее представление об особенностях того или иного памятника, составляющих его ценность.

В 1986 г. на основе учётных материалов был издан «Каталог памятников истории и культуры Краснодарского края»²⁸⁹, направленный во все профильные управленческие органы, библиотеки и музеи городов и районов края.

Собранный в 1970–1980-х гг. «корпус учётных документов» до сих пор служит «важнейшим инструментом деятельности по сохранению памятников истории и культуры края и основой современной деятельности по формированию единого государственного реестра объектов наследия»²⁹⁰.

Организацией и проведением плановых археологических разведок занимались Краевое историко-археологический музей-заповедник, Краснодарское отделение ВООПИиК и ведущие археологические научно-исследовательские организации страны.

С 1978 г. археологические экспедиции Института археологии АН СССР и Туапсинского музея стали проводить исследования территорий сельских поселений методом сплошной разведки с картографированием обнаруженных памятников и обязательной их постановкой на учёт. По итогам работ в 1982 г. была составлена карта археологических памятников Туапсинского района. Аналогичные мероприятия при участии Краевого историко-археологического музея-заповедника осуществлялись и в других районах края — Усть-Лабинском, Красногвардейском, Мостовском, Теучежском и др. На Таманском полуострове, насыщенном архитектурными остатками античных и средневековых памятников, наряду с выявлением и картографированием велись работы по определению зон охраны и зон регулирования застройки²⁹¹.

²⁸⁹ Каталог памятников истории и культуры Краснодарского края. — Краснодар, 1986.

²⁹⁰ *Рысин Ю. В., Бондарь В. В.* Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия / Ю. В. Рысин, В. В. Бондарь // *Academia. Архитектура и строительство.* — № 3. — 2016. — С. 99–105.

²⁹¹ Архив УГООКНKK. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. — Краснодар, 1982. — Часть I. — С. 7–8.

Основными формами работы производственной группы были оформление охранно-арендной и охранной документации на эксплуатацию памятников-зданий, обеспечение учёта памятников, контроль за их состоянием и сохранностью и режимом эксплуатации, проверка сметной документации, контроль экспедиционной деятельности.

По состоянию на 1982 год по представлению производственной группы на баланс краевого управления культуры был поставлен целый ряд зданий с охранным статусом: в Краснодаре — Екатерининский собор (в нём размещались мастерские, подвальные помещения под склады); Троицкая церковь (здесь действовала скульптурная мастерская местного художественного комбината), бывший дом купцов Богарсуковых (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник), бывший дом Б. Б. Шарданова (Краснодарский художественный музей имени Луначарского), здание бывшего Зимнего театра (Государственная филармония), бывший дом Кухаренко (Литературный отдел историко-археологического музея), здание бывшей армянской школы (краевая библиотека имени А. С. Пушкина); в Выселковском районе — Ново-Донецкая церковь; в Новопроковском районе — Ивановская церковь (предполагалась её передача под учреждение культуры, позже отменённая); в Армавире — Армянская церковь, переданная религиозной общине с заключением охранного договора²⁹².

Одновременно производственная группа вела учёт разрушений и причинения вреда памятникам археологии. Так, с 1978 по 1981 г. по поступающей извне информации было зарегистрировано 10 пострадавших объектов²⁹³.

Однако в действительности таких случаев было значительно больше. Судя по документам, причинами тому являлись: игнорирование проектными институтами и строительными организациями предписанного законом (статья 40) согласования проектов застроек с краевым управлением культуры (производственной группой); нарушения проектными институтами в составлении проектно-сметной документации на археологические исследования (без привлечения специалистов-археологов); отсутствие согласования хозяйственных работ, связанных с разработкой грунта; плантажная вспашка сельхозугодий без учёта расположения в зоне работы памятников и др.

²⁹² Архив УГООКНKK. Управление культуры... 1982. — Часть I. — С. 8—9.

²⁹³ Там же. С. 7—8.

Так, в 1979 г. институт «Кубаньгидроводхоз» без согласования с органом охраны памятников запроектировал карьер для подсыпки взлётно-посадочной полосы Краснодарского аэропорта, расположив его в береговой зоне Краснодарского водохранилища, наиболее насыщенной памятниками. В результате было полностью уничтожено городище № 1 на хуторе имени Ленина, а также частично прилегающий к нему грунтовый могильник III–I вв. до н. э. и две трети средневекового могильника. В 1980 г. был снесён 10-метровый курган в станице Брюховецкой. В 1982 г. при реконструкции оросительной системы на площади 566 га в Приморско-Ахтарском районе были снесены 3 кургана. В 1983 г. в Адыгейской автономной области были разрушены 100 курганов на площади 16 га. В том же году на мысе Малый Утриш в зоне строительства колхоза «Дружба» была серьёзно повреждена средневековая крепость. Эти и другие случаи фиксировались соответствующими актами, строительные работы останавливались до проведения охранно-спасательных археологических мероприятий²⁹⁴.

Помимо того, состояние памятников могло ухудшиться из-за природных факторов. В 1980 г. в результате обрушения правого берега Кубани между ст. Тбилисской и г. Кропоткинским пострадали 30 курганов; такие же случаи отмечались вдоль рек Лабы, Чамлык и др. На Таманском полуострове водами Таманского залива постепенно размывались городища Гермонасса-Тмутаракань (ст. Тамань), Фанагория (пос. Сенной) и другие. К началу 2000-х гг. в результате сильной атмосферной и волновой абразии, продолжавшейся столетия, было утрачено до 200 м прибрежной части Таманского городища. Периодически открывавшиеся при обрушениях береговых обрывов фрагменты культурного слоя, как и участки регулярных раскопок, постоянно подвергались разграблению кладоискателями. В этих случаях единственно возможным охранным мероприятием являлись охранно-спасательные раскопки.

В береговых зонах городищ такие раскопки проводились сезонно работавшими в тех местах экспедициями. В частности, на Таманском городище с 1971 г. (с небольшими перерывами) действовала Гермонасско-Тмутараканская экспедиция ГМИИ (до этого раскопки вела Гермонасская экспедиция ИА РАН СССР). В 1983–1996 гг. в составе экспедиции работал отряд Краснодарского государственного историко-

²⁹⁴ Архив УГООКНKK. Управление культуры... 1982. — Часть I. — С. 7–10.

археологического музея-заповедника. В пос. Сенном исследованиями занималась Фанагорийская экспедиция ИА РАН СССР²⁹⁵.

Новым явлением в практике Фанагорийской экспедиции было проведение рекогносцировочных раскопок на сравнительно удалённых от базы укрепленных поселениях античного и средневекового времени. В 1976 экспедиция приступила к исследованию большого кургана, расположенного к югу — юго-западу от городища (курган Сенной 277)²⁹⁶. В целом, как отмечал известный учёный-археолог, исследователь Таманской археологии Я. М. Паромов, в течение «семи лет (1974—1980) активность исследований на Таманском полуострове заметно понизилась». На базе распавшейся экспедиции ИА АН СССР возникли несколько отрядов: Кучугурский и Ильичевский (ИА АН) и Ахтанизовский (ГИМ)²⁹⁷.

Тем временем в Анапе продолжались начатые в 1960 г. экспедицией Института археологии АН исследования памятника античного мира «Горгиппия» в центральной прибрежной части курорта. Наиболее активная фаза раскопок здесь пришлась на период с начала 1970-х до конца 1980-х годов. В частности, в 1975 году здесь был исследован «Склеп Геракла» — каменная гробница, уникальное произведение древнегреческой погребальной архитектуры. С 1983 г. к исследованиям присоединились археологи Краснодарского историко-археологического музея-заповедника²⁹⁸.

Археологическими исследованиями были охвачены и другие территории края. По данным отдела полевых исследований, в 1982 г. в регионе работали 27 экспедиций и отрядов, имевших 45 открытых листов.

Самыми масштабными в период 1970—1980-х гг. стали раскопки 200 курганов грунтового могильника IV в. до н. э. на территории Понуро-Калининской оросительной системы. По просьбе управления культуры Краснодарского крайисполкома к этой работе были подключены Институт археологии АН СССР, экспедиции Куйбышевского, Волгоградского, Северо-Осетинского государственных университетов.

²⁹⁵ *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918—1991 гг.). Боспорские исследования. — Вып. XL. — Керчь : Керченская городская типография, 2020. — С. 260.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Там же. С. 258.

²⁹⁸ *Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. — М. : Эдиториал УРСС, 1997.

Экспедиция Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника проводила спасательные работы в береговой зоне Краснодарского водохранилища, в Красноармейском районе, Красногвардейском, Курганинском, Темрюкском и других районах. В общей сложности только за 1982 г. было исследовано около 300 курганов и примерно тысяча квадратных метров городищ и поселений²⁹⁹.

В отличие от археологического направления краевой опыт по сохранению памятников архитектуры не был успешен. Для этих целей в 1980 г. (решение крайисполкома от 10 сентября 1980 г. № 643) была создана Краснодарская специализированная научно-реставрационная мастерская (КСНПРМ). Однако, судя по документам, мастерская не справлялась ни с требованиями по качеству работ, ни по срокам их исполнения. Зачастую отсутствовала необходимая проектно-сметная документация. Это факты отражены в документах, связанных с реставрацией краснодарских зданий-памятников, занимаемых историко-археологическим музеем и его литературным отделом, дома-музея В. Г. Короленко в Джанхоте, сооружений музея-заповедника «Горгиппия» в Анапе³⁰⁰.

Показательны записи о проведении консервационных работ и строительства подпорной стенки «Горгиппии», которые должны были завершиться до 1 августа 1985 г., но не проводились «в связи с тем, что не были подготовлены механизмы, а также отсутствовал ряд строительных материалов». В 1986 г. консервационные мероприятия были выполнены, но, как было указано в отчётных документах, «основная заслуга указанных работ принадлежит не реставрационной мастерской, а начальнику Горгиппийской археологической экспедиции т. Шавырину А. С., обеспечившему плановый заезд реставрационного отряда и организацию этих работ... Ремонт механизмов для реставрационных работ выполнен силами докторов наук, приехавших на ра-

²⁹⁹ Архив УГООКНKK. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использования памятников истории и культуры Краснодарского края. — Краснодар, 1982. — Часть I. — С. 7–10.

³⁰⁰ Архив УГООКН. Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Справка о работе Краснодарской специализированной научно-реставрационной мастерской. 1985.

боту в экспедицию. Механик мастерской должного участия в работе не принял»³⁰¹.

Среди реализованных работ КСНПРМ были плановые ремонты военно-исторических памятников, хотя и в этом случае отмечались проблемы с составлением проектной документации³⁰².

Завершился советский этап памятничноохранной деятельности на территории Краснодарского края подготовкой перечня исторических населённых мест. В него вошли шесть городов — Анапа, Армавир, Ейск, Краснодар, Майкоп и Сочи, а также станица Тамань, расположенная в Темрюкском районе. Законодательно этот статус был закреплён совместным постановлением коллегии Министерства культуры РСФСР № 12 от 19 февраля 1990 г., коллегии Госстроя РСФСР № 3 от 28 февраля 1990 г. и президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры № 12 от 16 февраля 1990 г. «Об утверждении нового списка исторических населённых мест РСФСР»³⁰³.

Таким образом, к началу 1990-х гг. в Краснодарском крае имелась работающая, несмотря на наличие множества недостатков, система государственной охраны недвижимых памятников истории и культуры. Становление системы, при её подчинении союзным и республиканским нормам законодательства, происходило с учётом местного своеобразия — историко-культурного, природного, хозяйственно-экономического. Притом что система вобрала в себя достаточно разнородные структуры, её каркас составили три главных взаимодействующих составляющих: государство (органы государственного управления), общество (общественные движения и организации) и наука (научные и научно-просветительские учреждения).

³⁰¹ Архив УГООКН. Управление культуры... 1985.

³⁰² Там же.

³⁰³ *Рысин Ю. В., Бондарь В. В.* Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия / Ю. В. Рысин, В. В. Бондарь // *Academia. Архитектура и строительство.* — № 3. — 2016. — С. 99–105.

Глава 3

СОДЕРЖАНИЕ И ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОХРАНЕНИЮ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

3.1. Деятельность Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, 1993–2008 гг.

Общественно-политические и хозяйственно-экономические трансформации, законодательная неустойчивость 1990-х гг. диктовали необходимость адаптации системы охраны недвижимых памятников к современным условиям.

В 1992 г. на основе научно-производственной группы в составе Краснодарского краевого управления культуры был образован специально уполномоченный комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края³⁰⁴. Деятельность комитета включала два основных направления: памятники археологии и памятники архитектуры и градостроительства. В отношении финансовой базы деятельности было установлено, что «все поступающие из различных источников средства включаются в доход комитета и составляют его единый фонд финансовых средств»³⁰⁵. Это было одно из ключевых отличий комитета от предыдущих (и последующих) уполномоченных органов в деле охраны памятников — он обрёл достаточную степень независимости для осуществления широкого спектра задач.

В ряду первостепенных структурообразующих мероприятий комитета стало формирование современной, предполагавшей охват всей территории края, системы выявления, изучения и использования памятников истории и культуры.

³⁰⁴ Архив УГООКНKK. Решение Малого совета народных депутатов от 12 февраля 1992 г. № 105 «Об исполнении законодательства РСФСР по охране и использованию памятников культуры на территории Краснодарского края».

³⁰⁵ Архив УГООКН. Положение о специально уполномоченном комитете по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края (Приложение к решению Малого совета Краевого Совета народных депутатов от 12.02.1992 г. № 105). — С. 9.

Во второй половине 1992 г. в структуру комитета были введены региональные инспекторы, работавшие как на контрактной, так и на постоянной основе. К концу 1993 г. региональные инспекторы имелись в городах Ейске, Новороссийске, Анапе, Сочи, Лабинске, Лабинском и Динском районах. Всего в комитете работал 31 специалист, 20 из которых имели высшее образование³⁰⁶.

Необходимо отметить, что с самого начала комитет обозначил приверженность принципу научного обоснования принимаемых решений во взаимодействии с научно-исследовательскими учреждениями, проектными организациями, учёными и специалистами.

Например, в группе инженерно-технической защиты памятников, которая была введена в состав комитета на контрактной основе, работали пять учёных — возглавивший её профессор, доктор геолого-минералогических наук К. Ш. Шадунц и четыре специалиста со степенью кандидата технических наук.

Комитет активно привлекал к участию в своих проектах профессионалов из высших учебных заведений края и страны, научных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга. В их числе были Горная академия, Санкт-Петербургский инженерно-строительный институт, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Институт археологии РАН, Институт истории и материальной культуры РАН, Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева и др.³⁰⁷.

Для рассмотрения программ археологических исследований и выдачи согласований на работы в Краснодарском крае в 1992 г. при комитете был создан экспертный совет специалистов-археологов³⁰⁸. В течение 1993 г. им было проанализировано 25 планировавшихся исследовательских проектов³⁰⁹. Позже, в 1994 году, аналогичный совет был создан по памятникам архитектуры и истории.

³⁰⁶ Архив УГООКН. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. — XII. — 1993. — С. 1.

³⁰⁷ Там же. С. 1.

³⁰⁸ Архив УГООКН. Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 г. № 238 «О создании совета специалистов и общественности по вопросам сохранения историко-культурных ценностей Краснодарского края».

³⁰⁹ Архив УГООКН. Справка... 1993. — С. 5.

Особое внимание комитет уделял формированию сети малых местных подразделений, занимающихся памятникоохранной деятельностью. В 1992 г. был подготовлен пакет документов по созданию комитетов по охране историко-культурного наследия в Краснодаре, Новороссийске, Ейске и северо-западной части края; Черноморской группы охраны и контроля памятников археологии; отдела наследия города Армавира и юго-восточной части Краснодарского края³¹⁰.

В условиях, когда на государственном уровне законодательная база находилась в стадии реформирования, чтобы не допустить причинения вреда памятникам, комитетом был разработан и представлен на утверждение краевой исполнительной власти ряд нормативных актов. В этом ряду были решения об исполнении законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры на территории Краснодарского края в текущих условиях³¹¹, о дополнении каталога памятников истории и культуры Краснодарского края по итогам поисковых работ³¹², об определении историко-культурных земель при отводах участков земли³¹³, о порядке изъятия сельскохозяйственных угодий для несельскохозяйственных нужд и возмещения убытков по историко-культурным землям³¹⁴, о порядке производства археологических раскопок и разведок³¹⁵, об охране и использовании памятников

³¹⁰ Архив УГООКН. Справка... 1993. — С. 1.

³¹¹ Архив УГООКНKK. Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 12.02.1992 г. № 105 «Об исполнении законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры на территории Краснодарского края».

³¹² Архив УГООКНKK. Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 г. № 237 «О дополнении каталога памятников истории и культуры Краснодарского края».

³¹³ Архив УГООКНKK. Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 г. № 236 «Об определении историко-культурных земель при отводах участков земли».

³¹⁴ Архив УГООКНKK. Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 13.01.1993 г. № 6 «О временных нормах стоимости освоения новых земель взамен изымаемых сельскохозяйственных угодий для несельскохозяйственных нужд и нормах возмещения убытков по историко-культурным землям».

³¹⁵ Архив УГООКНKK. Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1993 г. № 96 «Об утверждении положения о порядке производства археологических раскопок и разведок на территории Краснодарского края».

истории и культуры³¹⁶, о методиках сохранения недвижимых памятников археологии³¹⁷, о передаче в пользование религиозным организациям культовых зданий и сооружений, имеющих статус памятников³¹⁸ и др.

Перечисленные и другие правовые акты, а также принятые краевой исполнительной властью при участии комитета решения о закреплении недвижимых объектов наследия в составе федеральной, краевой и муниципальной собственности, обеспечивали их сохранность в условиях «бума приватизации», затронувшего в ряду прочего и памятники истории и культуры. Под определённый контроль были взяты «многие сферы хозяйственной деятельности, могущие нанести ущерб историко-культурным памятникам через согласования по отводу земли», координировались «работы археологических экспедиций научных учреждений РФ с учетом сохранности памятников»³¹⁹. Такая задача комитетом была решена за много лет впервые.

Всё это становилось возможным благодаря широкому обсуждению проблемных вопросов в научной среде. С 1989 г. в практику научно-производственной группы и затем комитета более чем на два десятилетия вошли организация и проведение совместно с Кубанским государственным университетом и Краснодарским историко-археологическим музеем-заповедником имени Е. Д. Фелицына Кубанских археологических научно-практических конференций³²⁰. По результатам первых двух кон-

³¹⁶ Архив УГООКНKK. Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 29.04.1993 г. № 150 «Об утверждении временного положения об охране и использовании памятников истории и культуры в Краснодарском крае».

³¹⁷ Архив УГООКНKK. Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 14.07.1993 г. № 238 «Об утверждении временных методик на недвижимые памятники археологии Краснодарского края».

³¹⁸ Архив УГООКНKK. Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 08.09.1993 г. «О передаче в пользование религиозным организациям культовых зданий, памятников и иного имущества, охраняемого государством как историко-культурное наследие».

³¹⁹ Архив УГООКНKK. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. — XII. — 1993. — С. 3.

³²⁰ Первая Кубанская археологическая конференция : Тезисы докладов (Краснодар, 05–07 марта 1989 г.). — Краснодар : Кубанский государственный университет, 1989. — 150 с.; Вторая Кубанская археологическая конференция : Тезисы докладов (Краснодар, 15–18 марта 1993 г.) / Отв. редактор

ференций были сформированы предложения по созданию федеральной службы охраны историко-культурного наследия, направленные в отдел культуры Правительства РФ и в научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. С приходом на должность председателя комитета А. Ф. Ачкасовой тематика проводившихся конференций расширилась: на обсуждение дополнительно стали выноситься общие вопросы сохранения наследия, истории края и культурного наследия кубанского казачества³²¹.

При этом основу деятельности комитета составляла практическая работа, а именно инвентаризация и учёт состояния памятников. В 1992–1995 гг. впервые была осуществлена масштабная инвентаризация памятников истории и культуры; проводились «новостроечные» археологические исследования; шло обследование территорий и выявление памятников на проектируемых объектах строительства; обследовались техническое состояние архитектурных объектов; заключались охранно-арендные и охранные договоры с собственниками и пользователями объектов, имеющих статус памятников истории и культуры, вы-

И. И. Марченко. — Краснодар : Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына, 1993. — 106 с.; Третья Кубанская археологическая конференция : Тезисы докладов международной археологической конференции (Краснодар, Анапа, 01–03 июля 2001 г.). — Краснодар, 2001. — 234 с.; Четвертая Кубанская археологическая конференция : сб. тезисов конференции (Геленджик, 05–08 октября 2005 г.). — Краснодар, 2005. — 340 с.; Пятая Кубанская археологическая конференция : Материалы конференции (Анапа, 05–10 октября 2009 г.). — Краснодар : Изд. Куб. гос. ун-та, 2009. — 475 с.; Шестая Международная Кубанская археологическая конференция : Материалы конференции. — Краснодар : Экоинвест, 2013. — 497 с.

³²¹ Историко-культурное наследие и современность : Материалы республиканской научно-практической конференции (г. Ейск, 20–24 июня 1995 г.). — Краснодар, 1995. — 320 с.; Кубанское казачество: три века исторического пути : Материалы международной научно-практической конференции (станция Полтавская, 23–27 сентября 1996 г.) / Науч. ред. : В. Н. Ратушняк, В. Е. Щетнев. — Краснодар, 1996. — 304 с.; Гуманитарная мысль Юга России в XX веке : тезисы межрегиональной научной конференции. Ст. Тамань, 19–22 сентября 2000 г. / Науч. ред. В. Н. Ратушняк, В. Е. Щетнев : Кубанский гос. ун-т ; Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края ; Краснодар. краев. о-во «Знание» ; Администрация Темрюкского р-на. — Краснодар, 2000. — 188 с.

давались охранные обязательства; разрабатывались проекты охранных зон; организовывались реставрационные работы и др.

Накопленный разносторонний опыт позволил вплотную подойти к подготовке крупных программных проектов, одним из которых был «Исторический город». К нему стали собирать материалы совместно с администрацией и отделом архитектуры администрации города Ейска³²².

Вместе с тем нарастающий процесс приватизации недвижимых объектов, угрожающий сохранности памятников истории и культуры, а также «плавающее» право диктовали необходимость на общегосударственном уровне актуализации законодательства в области охраны наследия, на краевом — передачи части федеральных полномочий региональным органам для оперативности их действий при массово возникающих угрозах для памятников.

В этой связи в марте 1994 г. постановлением главы администрации Краснодарского края комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края был выведен из подчинения управлению культуры и наделён полномочиями государственного органа в составе администрации³²³.

При этом работа по сформировавшимся ранее направлениям была продолжена с учётом полученного опыта: комитет занимался выявлением и учётом памятников, их инвентаризацией и паспортизацией, инспектированием и контролем за соблюдением законодательства, государственным техническим надзором за ходом и качеством ремонтно-реставрационных работ, проектированием зон охраны и установлением режимов использования историко-культурных земель и т. д.

Новый статус государственного органа во многом изменил отношение властей всех уровней к наследию и к требованиям законодательства по его сохранению. Персональная ответственность была возложена на заместителей глав городов и районов края. Кроме того, были закреплены права комитета по владению, пользованию и распоряжению недвижимыми памятниками.

³²² Архив УГООКН. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. — XII. — 1993. — С. 5.

³²³ Архив УГООКН. Постановление главы администрации Краснодарского края от 14.03.1994 г. № 132 «О специально уполномоченном комитете по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края».

Важная роль в мониторинге состояния памятников, предотвращении их повреждений принадлежала региональным инспекторам комитета. По состоянию на 1997 г., на постоянной основе инспекторы работали «в шести исторических населенных пунктах края», ещё пять общественных инспекторов были задействованы на контрактной основе, «более чем в половине территории края [были] назначены ответственные лица по работе с наследием»³²⁴.

Подготовленная совместно с администрацией законодательная база позволила комитету «создать систему охранных мероприятий на памятниках и реставрировать их за счёт пользователей с последующей компенсацией затрат в течение ряда лет, т. е. производить кредитование ремонтно-реставрационных работ за счет пользователей»³²⁵.

Ещё до выработки федерального закона о памятниках истории и культуры по инициативе комитета и с его участием Законодательное собрание Краснодарского края в марте 1997 г. приняло закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры на территории Краснодарского края», в котором были «сформулированы главные направления государственной политики в отношении памятников и детально определен механизм ее реализации и регулирования взаимоотношений между органами государственной власти, местного самоуправления и гражданами, учреждениями и организациями... определены предметы регулирования, основные понятия, виды памятников, роль общественных организаций, порядок государственного учета и др.»³²⁶

В соответствии с этим законом координацию всех видов деятельности по сохранению наследия осуществлял комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, который определял «конкретные меры для достижения главной цели — сохранения и приумножения историко-культурного наследия Кубани»³²⁷.

Важной вехой в деятельности комитета стал переход к комплексному программному подходу к вопросам сохранения наследия. В 1997 г.

³²⁴ *Ачкасова А. Ф.* Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // *Голос минувшего: Кубанский исторический журнал.* — № 2. — 1997. — С. 16.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же.

³²⁷ Там же.

была принята долгосрочная краевая программа по выявлению, сохранению и использованию памятников истории и культуры, рассчитанная на период с 1997 по 2010 годы и получившая название «Наследие». Частью программы являлась инвентаризация памятников истории и культуры, позволившая создать базу данных из почти 10 тысяч объектов, находящихся на территории края³²⁸.

К началу 2000-х гг. краснодарскому комитету удалось создать на территории края эффективную, самофинансируемую систему охраны и сохранения историко-культурного наследия. К этому времени нормативная база, разработанная специалистами комитета совместно с Законодательным собранием Краснодарского края и ставшая образцом для использования государственными органами охраны памятников практически всех регионов России, включала 12 законов и более 20 постановлений. В этом списке был и уникальный на тот момент региональный закон «О пообъектном составе недвижимых памятников истории и культуры местного значения, расположенных на территории Краснодарского края»³²⁹. Краевой закон был подготовлен и принят за два года до выхода федерального.

Уникальным (единственным в России) правовым документом явилось «Положение об охране и использовании подводных историко-культурных ценностей». Оно регулировало вопросы охраны объектов культурного наследия, расположенных в морях и внутренних водоёмах Краснодарского края. Положение «получило высокую оценку специалистов Международной археологической конференции в Болгарии»³³⁰.

После вступления в силу федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» специалисты комитета в течение короткого времени подготовили необходимые корректиров-

³²⁸ Архив УГООКНKK. Краевая программа выявления, сохранения и использования недвижимых памятников Краснодарского края «Наследие» (1997–2010 гг.).

³²⁹ Архив УГООКНKK. Закон Краснодарского края от 17 августа 2000 г. «О пообъектном составе недвижимых памятников истории и культуры местного значения, расположенных на территории Краснодарского края» // Информационный бюллетень Законодательного собрания Краснодарского края. 25 декабря 2000 г.

³³⁰ Кубанское наследие и его ревнители // Наследие народов Российской Федерации. — № 2. — 2002. — С. 30.

ки в действующий краевой закон и в том же 2002 г. представили его на рассмотрение Законодательного собрания Краснодарского края (был принят 22 января 2003 г.).

Следует отметить ещё один проект закона, разработанный по инициативе комитета: «О землях недвижимых объектов (памятников истории и культуры) регионального и местного значения, расположенных на территории Краснодарского края». Согласно ему за памятниками закреплялась занимаемая ими территория, определялись временные охранные зоны, устанавливались правоотношения в сфере владения и распоряжения такими землями³³¹.

Отдельного внимания заслуживает проведённая специалистами комитета работа по подготовке информационных материалов о памятниках для внесения в государственные градостроительный и земельный кадастры. В начале 2000-х гг. комитетом совместно с Южнороссийским институтом мониторинга и экосистем было выполнено картографирование всех ранее учтённых и вновь выявленных памятников археологии и их охранных зон с привязками к системе географических координат. Документация была подготовлена по всем районам края и направлена в местные комитеты по архитектуре и градостроительству и для внесения данных в государственные кадастры. Это должно было обеспечить защиту археологического наследия³³².

В части сохранения архитектурного наследия в 2000-х гг. комитет подошёл к пониманию необходимости сохранения не только отдельных памятников, но и создающей их пространственный контекст исторической средовой застройки. В этой связи была начата работа по составлению историко-архитектурных опорных планов для шести исторических поселений Краснодарского края. Более того, комитету удалось добиться выделения средств на их разработку как из федерального, так и из краевого бюджетов.

Следует подчеркнуть, что в течение всего периода деятельности комитета его программы, проекты, полученные в процессе практических работ результаты находились в поле научного обсуждения. От-

³³¹ Архив УГООКНKK. Закон Краснодарского края от 6 февраля 2003 г. № 558-КЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Краснодарского края».

³³² Кубанское наследие и его ревнители // Наследие народов Российской Федерации. — № 2. — 2002. — С. 31.

дельные результаты археологических исследований нашли отражение в изданных четырёх сборниках научных трудов. Всего по состоянию на 2004 г. было издано более 30 наименований краеведческой, научной и научно-популярной литературы³³³.

В начале 2000-х гг. Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края получил всеобщее признание: он вошёл «в пятерку самых сильных и эффективно работающих региональных органов охраны памятников в Российской Федерации»³³⁴. По некоторым позициям комитет «опередил все аналогичные региональные службы России»³³⁵.

Однако в результате административной реформы 2004 года самостоятельный государственный орган охраны культурного наследия, находившийся в подчинении заместителя главы администрации края, был ликвидирован, функции государственного органа охраны возложены на департамент культуры Краснодарского края. Упразднённый комитет по охране наследия, переименованный в управление, вошёл в структуру департамента как его подразделение без прав юридического лица.

Реорганизация 2004 года (сокращение количества специалистов в 5 раз, понижение юридического статуса госоргана и его подчинение узкопрофильному департаменту) объективно ухудшила состояние отрасли и историко-культурного наследия края. Кроме того, был упразднён институт региональных уполномоченных и общественных инспекторов по охране памятников.

В 2008 году комитет был преобразован в управление по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) с выведением его из подчинения департамента культуры. Статус самостоятельного органа государственной власти, специально уполномоченного в сфере сохранения культурного наследия, был возвращён два года спустя. Тем не менее управление не обрело прежней широты полномочий, достаточной для полноценной реализации предписанных законодательством и обществом задач. Всё большее внимание сосредоточивалось на формальных сторонах памятникоохранной деятельности.

³³³ Кубанское наследие и его ревнители // Наследие народов Российской Федерации. — № 2. — 2002. — С. 32.

³³⁴ Там же. С. 26.

³³⁵ Там же. С. 32.

3.2. Опыт программной деятельности органов государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края, 1990–2010-е гг.

В 1990-х — начале 2000-х гг. было подготовлено и частью реализовано несколько масштабных проектов и программ по сохранению историко-культурного наследия.

Первым крупным проектом программного характера стала инвентаризация памятников истории и культуры в 1992–1993 гг., проведённая на основании приказа Министерства культуры Российской Федерации³³⁶. Эта работа отличалась не только масштабностью территориального охвата, но и количеством участников. К ней были привлечены научно-исследовательские и учебные учреждения, музеи Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара и крупных городов края.

По итогам инвентаризации 1992–1993 гг. количественный состав стоящих на государственной охране и вновь выявленных памятников истории и культуры достиг около шести тысяч недвижимых объектов, из которых более пяти тысяч относились к археологическому наследию³³⁷. В ходе инвентаризации было подготовлено 200 паспортов памятников по действующей форме, на государственную охрану поставлено 513 объектов³³⁸.

В то же время отдельные, довольно значительные по площади районы края — Лабинский, Мостовской, Туапсинский и тяготеющие к городам Сочи, Геленджик, Новороссийск — были обследованы лишь фрагментарно или не исследовались совсем.

Второй этап инвентаризации был осуществлён в 1994–1995 гг. На этот раз особое внимание было уделено краевому центру — городу Краснодару, в старых кварталах которого было выявлено и поставле-

³³⁶ Архив УГООКНKK. Приказ Министерства культуры РФ от 25.03.1992 г. № 01-69/16-14 «Об инвентаризации историко-культурного наследия народов Российской Федерации».

³³⁷ *Ачкасова А. Ф.* Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. — № 2. — 1997. — С. 13.

³³⁸ Архив УГООКН. Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. — XII. — 1993. — С. 3.

но на учёт более 100 объектов, представляющих собой историческую и архитектурную ценность³³⁹.

По состоянию на 1996 год в Краснодарском крае насчитывалось 5454 памятника, стоящих на государственной охране, из них — 2190 памятников археологии, 272 — архитектуры, 2244 — истории и 748 — монументального искусства, и корпус из почти шести тысяч вновь выявленных памятников археологии (составляющих основную часть) и архитектуры³⁴⁰.

В 1996 г. Комитетом по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края был предложен новый подход к сохранению историко-культурного наследия, который должен был учесть весь массив памятников, их типологические и хронологические характеристики и историческую значимость. Он был воплощён в программе, разработанной комитетом совместно с краевым департаментом культуры и получившей название «Наследие».

Программа создавалась как долгосрочная и была рассчитана на реализацию с 1997 по 2010 гг. В качестве её основных целей устанавливались: «выявление, сохранение и использование недвижимых памятников архитектуры, археологии, истории и этнологии края; содействие развитию народов, населяющих территорию края, на основе равноправного межнационального культурного взаимодействия посредством сохранения, изучения и использования историко-культурного наследия края»³⁴¹.

Программа делилась на два этапа: 1997—2000 гг. и 2000—2010 гг. Приоритетными задачами первого этапа были: выявление, паспортизация и постановка на учёт памятников архитектуры, истории и этнологии; те же задачи в отношении памятников археологии и разработка проектов зон охраны памятников; проведение противоаварийных работ на памятниках архитектуры и реставрация приоритетных объектов; в целях обеспечения сохранности исторического облика городов — разработка проектов зон охраны памятников архитектуры. Также

³³⁹ Архив ЗКНИИ КП. Папка «Инвентаризация памятников архитектуры Краснодар. 1994—1995 гг. Полевой материал»; папка «Инвентаризация памятников архитектуры Краснодар. 1994-1995 гг. Материалы фотофиксации».

³⁴⁰ Архив УГООКН КК. Краевая программа выявления, сохранения и использования недвижимых памятников Краснодарского края «Наследие» (1997—2010 гг.). — 1997. — С. 6—7.

³⁴¹ Там же.

планировались мероприятия по воссозданию утраченных в первые советские десятилетия архитектурных и монументальных памятников, имеющих особое значение для истории края. Исполнение программных мероприятий должно было обеспечить финансирование, которое предполагалось из разных источников: федерального, краевого, местных бюджетов и внебюджетных средств.

По своему содержанию программа «Наследие» являла собой итог многолетней научно-исследовательской, проектной и практической работы специалистов комитета и сотрудничавших с госорганом учёных — историков, археологов, краеведов, которым удалось «по крупицам собрать и проанализировать всю имеющуюся информацию о состоянии недвижимых памятников Кубани»³⁴².

Для включения в программу «Наследие» по результатам всестороннего рассмотрения были отобраны памятники с наиболее высокими критериями исторической и художественной ценности и нуждавшиеся в первоочередных спасательных мероприятиях — реставрационных или ремонтных работах, охранно-спасательных раскопках, а также территории, требующие обследования на предмет выявления новых объектов и уточнения состояния известных.

Сама форма документа и его наполнение, включавшие тестовые сведения, фотографии, картографические материалы и др., позволяли составить многоплановую и обоснованную картину историко-культурного наследия региона, выявить, насколько изучен тот или иной район края, и определить перспективы по изучению, сохранению и эффективному использованию недвижимого историко-культурного наследия.

Структура документа включала пять разделов. Первый раздел касался памятников археологии — в нём предполагалось составление списков объектов, их фотографирование и составление схем расположения. Вторая часть была посвящена архитектурному наследию, и её результативная часть должна была включать перечень памятников, перечни необходимых для их сохранения проектных и реставрационных работ, а также фотографии и схемы расположения. В третьем разделе содержались материалы по памятникам истории, в том числе их пообъектный перечень с указанием необходимых охранных мероприятий, материалы фотофиксаций и схем расположения. Памятникам этнологии

³⁴² *Ачкасова А. Ф.* Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) // *Голос минувшего: Кубанский исторический журнал.* — № 2. — 1997. — С. 16.

и связанным с их охраной мероприятиями отводился четвёртый раздел. Наконец, пятый раздел представлял собой перечень научно-исследовательских тем, обеспечивающих реализацию программы, и планов издательской деятельности.

Весь программный материал был систематизирован и изложен в табличных формах. Каждый раздел сопровождался пояснительной запиской с исторической справкой и краткими сведениями о памятниках, включавших наименование, месторасположение, характер намечаемых мероприятий по сохранению и возможному использованию, примерную стоимость работ и источники финансирования.

В программу также был включён научный раздел. В нём обозначались направления научных исследований, которые должны были служить обеспечением установленных практических задач. Предусматривалась публикация полученных результатов в виде научных трудов, каталогов, альбомов, журналов, брошюр и др., среди которых планировалось к изданию «Свод памятников истории и культуры Краснодарского края», справочники «Исторические города Краснодарского края», «Памятники православного церковного зодчества Кубани», фотоальбомы «Кубанская старина», «Архитектурные детали памятников зодчества Кубани», различные путеводители и целый ряд других³⁴³.

Большинство издательских (и не только) планов осталось невыполненным, но масштаб и разносторонность намеченных мероприятий свидетельствует о глубоком научном осмыслении разработчиками целей, задач и перспектив реализации программы.

С преобразованием в 2004 году комитета в структурное подразделение краевого департамента культуры краевая программа «Наследие» была свёрнута без какой-либо публичной мотивации. С этого времени деятельность органов власти в сфере сохранения культурного наследия свелась почти исключительно к надзору за соблюдением действующего законодательства и выполнению предписаний администрации Краснодарского края.

С середины 1990-х гг. в целом по стране появилась возможность получения финансирования масштабных и дорогостоящих проектов за счёт федеральных целевых программ. В 1996 г. постановлением Правительства Российской Федерации была принята программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации (1997–1999 гг.) с подпрограммой «Развитие культуры и сохранение

³⁴³ Ачкасова А. Ф. Завещанное предками... С. 17.

культурного наследия России», а с 2001 г. начала работать федеральная целевая программа «Культура России» сначала на период 2001–2005 гг., затем несколько раз продлеваемая до 2020 года. С 2006 г. в программу была введена подпрограмма «Комплексный проект “Культурное наследие Юга России, как фактор экономического развития регионов”», которая среди прочего предусматривала выделение средств на мероприятия по сохранению объектов культурного наследия.

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. в повестке вопросов по сохранению наследия Краснодарского края, традиционно преимущественно «археологической», обозначилась (в русле общероссийских тенденций) тема охраны исторических поселений и их архитектурного достояния. В крае к этому времени действовал лишь один проект зон охраны, относящийся целиком к поселению. Он был разработан институтом «Ги-прогор» в 1990 г. для города-курорта Сочи.

В 1998 году по заказу Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края авторский коллектив под руководством архитектора И. И. Головеровой обследовал территорию и разработал первый проект историко-архитектурного опорного плана исторической части города Краснодара.

Проект был вынесен на экспертный научно-методический совет при комитете и по итогам его рассмотрения отклонён, поскольку значительная часть ценных фрагментов и элементов городской среды, известных историкам и краеведам, осталась вне поля зрения разработчиков проекта. Разработчикам было предложено продолжить исследования исторической застройки для выявления и описания новых зданий-памятников. Переработанный проект был повторно представлен в составе концепции генерального плана города в 2000 г., но также принят не был³⁴⁴.

В 2000–2001 гг. прошли работы по проектированию зон охраны двух исторических поселений — станицы Тамань³⁴⁵ и города Ейска³⁴⁶. Их частью являлись историко-архитектурные опорные планы поселений.

³⁴⁴ Архив УГООКНKK. Историко-архитектурный опорный план города Краснодара. Научно-проектная документация в 6 т. — Краснодар : ООО «Персональная творческая мастерская Головеровой И. И.», 2001.

³⁴⁵ Архив УГООКН. Проект зон охраны памятников станицы Тамань Краснодарского края. Научно-проектная документация. — М. : Архитектурно-реставрационная мастерская Семеновой И. Г., 2000.

³⁴⁶ Архив УГООКНKK. Проект зон охраны города Ейск. Научно-проектная документация : в 3 т. — М. : Архитектурно-реставрационная мастерская Семеновой И. Г., 2002.

Оба проекта, разработчиком которых выступила архитектурно-реставрационная мастерская И. Г. Семеновой (г. Москва), были утверждены в 2005 г. постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края³⁴⁷.

С принятием в 2004 г. нового Градостроительного кодекса исторические поселения стали рассматриваться в качестве «лишь одного из видов зон с особыми условиями использования территорий»³⁴⁸, и это стало поводом к остановке работ по проектированию регламентирующих градостроительную деятельность в их границах историко-архитектурных опорных планов.

В 2010-е годы в течение нескольких лет Управлением государственной охраны, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края велись работы по подготовке учётной документации выявленных в процессе инвентаризации 1990-х — 2000-х годов объектов в целях определения их историко-культурной ценности и последующей регистрации (или, при неустановленной ценности, отказе в регистрации) в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, в соответствии с Федеральным законом от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ.

Работа осуществлялась привлечёнными специалистами на контрактной основе. Списки готовились управлением по территориальной принадлежности объектов и могли одновременно включать по несколько десятков позиций из перечня вновь выявленных объектов культурного наследия. Примечательно, что эти перечни к началу работ по паспортизации и регистрации объектов в реестре уже оказались заметно «прорежены».

Исследованию подлежали памятники архитектуры, истории и монументального искусства. Поскольку на выполнение работ отводились ограниченные сроки, в которые провести тщательные историко-культурные исследования было невозможно, установленный состав отчётной документации включал самые общие сведения об объектах. Тем

³⁴⁷ Архив УГООКНKK. Постановление главы администрации Краснодарского края от 12.05.2005 г. № 418 «Об утверждении проектов зон охраны памятников истории и культуры города Ейска и станицы Тамань».

³⁴⁸ *Рысин Ю. В., Бондарь В. В.* Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия // Academia. Архитектура и строительство. — № 3. — 2016. — С. 103.

не менее даже в предлагаемых обстоятельствах был проведён комплекс научных исследований (натурных и историко-архивных), в результате чего был собран колоссальный фактологический материал, выявлены и устранены неточности в существовавших на тот момент сведениях, уточнены наименования и датировка объектов, их месторасположение, выполнены архитектурные описания, а также зафиксированы утраты, которые произошли в первое десятилетие XXI века.

Например, в 2012 году в ведомственную целевую программу «Сохранение культурного наследия Краснодарского края» вошли мероприятия по подготовке учётной документации на 15 выявленных объектов культурного наследия, представляющих ценность с точки зрения архитектуры, расположенных на территории города-курорта Сочи, для последующего их включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Двенадцать из них получили статус вновь выявленных памятников истории и культуры, а затем выявленных объектов культурного наследия, в 1999 и 2002 годы соответственно³⁴⁹, при этом полностью отсутствовала какая-либо документально зафиксированная мотивация: не было ни фотографий, ни описательных материалов, даже кратких, обосновывающих какую-либо историко-культурную ценность этих объектов на тот момент. Более того, сам перечень объектов, как выяснилось в процессе работ по подготовке учётной документации, содержал множество неточностей, а порой откровенно ошибочных сведений.

Так, по адресу ул. Ленина, 366 значился объект «Дача графа Соловьева, нач. XX в.». По данным каталога историко-культурного наследия г. Сочи, изданного в 1997 году, вновь выявленный объект с таким наименованием и по указанному адресу был поставлен на учёт постановлением главы администрации Адлерского района г. Сочи от 19 февраля 1993 года № 117³⁵⁰. Однако в материалах Адлерского БТИ такого адреса не оказалось, а разыскать этот объект на местности не представлялось возможным ввиду отсутствия каких-либо критериев по-

³⁴⁹ Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Приказ комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 29 апреля 1999 года № 26-п. Решение комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 12 февраля 2002 года № 2-р.

³⁵⁰ Каталог историко-культурного наследия Сочи [Гусева А. В. и др.]. — Сочи, 1997. — С. 42.

иска. Кроме того, ни в одном из архивов не было найдено информации о «графе Соловьеве».

Другие два объекта в Адлере — «Здание тубдиспансера, 1904–1905 годы» (ул. Свердлова, 27) и «Здание торгового дома, нач. 20 в.» (ул. К. Маркса, 23) — ко времени их обследования в 2012 году полностью изменили первоначальный облик: здание по ул. Свердлова, 27 являлось современной постройкой, возведённой на старом фундаменте; был кардинально перестроен и второй объект по ул. К. Маркса, 23. По адресу Курортный проспект, 105/8 в перечне выявленных объектов значилось «Здание дачи Витте в комплексе с дворовыми постройками», но к 2012 г. на этом месте было уже современное здание.

Сложности, в первую очередь, с локализацией возникли и при работе над выявленным объектом «Здание старого корпуса № 3 санатория «Москва» по ул. Депутатской, 10. По указанному адресу числились несколько капитальных строений с разными литерами, ранее входивших в состав санатория «Москва». Одно из них — здание спального корпуса № 1 под литером К (построено в 1938 году) — в 2011 году было атрибутировано как «Здание, где в годы Великой Отечественной войны находился госпиталь № 2124, 1941–1945 годы», объект культурного наследия региональной категории историко-культурного значения³⁵¹. В результате проведённых в архивах города, музеев, БТИ исследований удалось и атрибутировать исследуемый объект, и выявить новые здания с признаками объектов культурного наследия³⁵².

При обследовании объектов пристальное внимание уделялось характеристикам подлинности, фиксации изменений первоначального облика и оценке их обратимости, пространственному контексту. Все материалы поступили в архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. В результате была сформирована обширная база научных данных, которая могла быть использована в целях сохранения своеобразия исторического поселения.

Аналогичные подходы применялись при составлении учётной документации каждого из обследованных населённых пунктов. По сути,

³⁵¹ Архив УГООКНKK. Акт государственной историко-культурной экспертизы от 22 сентября 2011 года, составленный экспертом В. В. Бондарем.

³⁵² *Маркова О. Н.* Из опыта исследования выявленных объектов культурного наследия города Сочи // Постолимипийский Сочи: экологические проблемы и перспективы сохранения природного и историко-культурного наследия : Материалы научно-практической конференции, г. Сочи, 5–7 июля 2014 г. — Сочи, 2014. — С. 156–159.

это был базировавшийся на научном и методическом подходе мониторинг состояния историко-архитектурного наследия края, который тем не менее позволил придать полноценный охранный статус сотням памятников архитектуры и истории.

С принятием федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ над содержательными критериями получения заказа стали довлеть формальные, при которых главным условием получения заказа становилась цена, в результате чего к участию в работах по реестру получили возможность допуска некомпетентные либо недобросовестные исполнители. Всего с 2014 г., когда начала действовать автоматизированная система единого государственного реестра³⁵³, было зарегистрировано около 9 тысяч объектов культурного наследия³⁵⁴. По этой причине значительному количеству внесённых в Единый государственный реестр объектов культурного наследия до сих пор необходимо уточнение сведений.

В 2010 г. был издан вызвавший широкий общественный резонанс совместный приказ Минкультуры РФ № 418 и Минрегионразвития РФ № 339 от 29 июля 2010 г., которым был установлен перечень исторических поселений Российской Федерации из 40 городов и сельских населённых пунктов. Ни одно из поселений Северо-Западного Кавказа в этот перечень не вошло (весь Юг России был представлен единственным историческим городом — Дербентом).

Эта ситуация была разрешена в 2012 г. с внесением изменений в федеральный закон об объектах культурного наследия № 73-ФЗ, которыми были установлены две категории исторических поселений — федерального и регионального значения, одновременно уточнены понятие исторического поселения и состав предмета охраны; право его

³⁵³ Архив УГООКННК. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 03.06.2014 г. № 966 «О внесении изменений в Положении о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утвержденное приказом Министерства культуры Российской Федерации от 3 октября 2011 г. № 954».

³⁵⁴ Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации [сайт]. — URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения: 06.11.2021).

утверждения возлагалось на уполномоченный в сфере охраны наследия государственный орган, в компетенции которого находилось историческое поселение — «этим и последующими изменениями (законами от 22.10.2014 г. № 315-ФЗ и от 30.12.2015 г. № 459-ФЗ) устанавливалась прямая связь законодательства в сфере сохранения наследия и Градостроительного кодекса РФ в части регламентации градостроительной деятельности в исторических поселениях»³⁵⁵.

Шесть исторических поселений Краснодарского края (города Анапа, Армавир, Ейск, Краснодар, Сочи, станица Тамань) получили статус региональных, однако реальных законодательных механизмов по сохранению ценных с точки зрения истории и культуры их качеств не существовало, историческая среда стремительно утрачивалась под натиском современного строительства.

В 2015 г. «главой региона была поставлена задача выработать систему мер по преодолению конфликта современного строительного

Рис. 13. Фрагмент исторической застройки г. Краснодара: ул. Красноармейская (дореv. ул. Бурсаковская). Фото В. В. Бондаря, 2018 г.

³⁵⁵ Рысин Ю. В., Бондарь В. В. Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия // Academia. Архитектура и строительство. — № 3. — 2016. — С. 103.

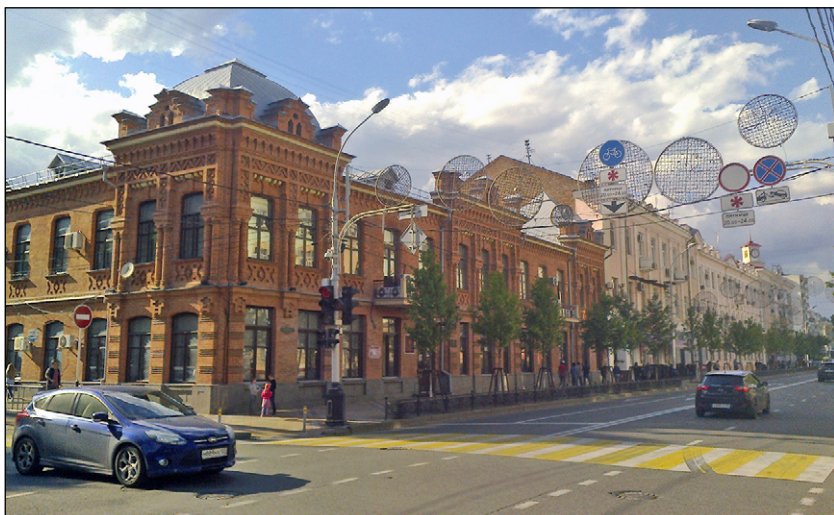

Рис. 14. Фрагмент исторической застройки г. Краснодара: угол ул. Красной и Комсомольской (дореv. ул. Штабная). Фото О. Н. Марковой, 2018 г.

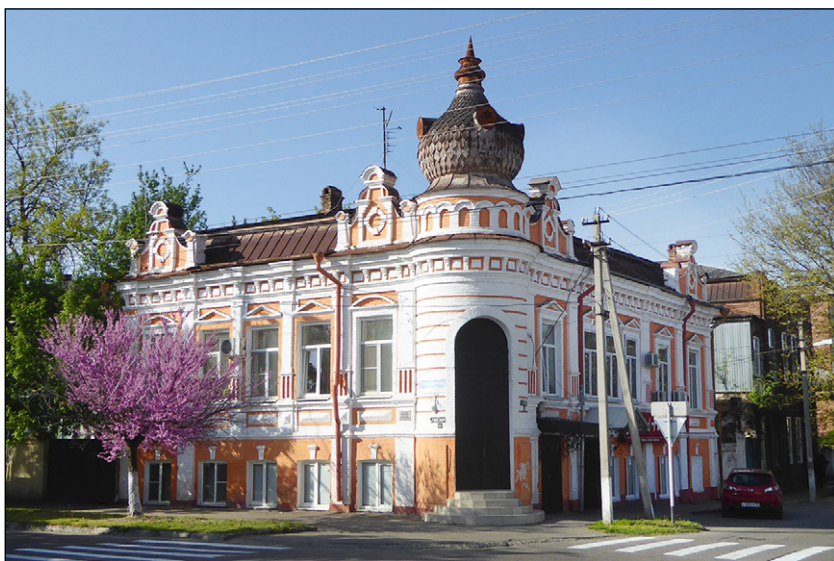

Рис. 15. Фрагмент исторической застройки г. Армавира: характерный образец армавирской дореволюционной архитектуры. Фото из архива АЦ «Югреставрация», 2019 г.

Рис. 16. Фрагмент исторической застройки г. Ейска: угол ул. Коммунаров (дореv. ул. Тифлисская) и им. Свердлова (дореv. ул. Таганрогская). Фото О. Н. Марковой, 2013 г.

Рис. 17. Типичный образец дореволюционного мещанского дома в г. Ейске. Объект культурного наследия «Дом жилой, кон. XIX в.», г. Ейск, ул. Коммунаров, 2. Фото В. В. Бондаря, 2013 г.

*Рис. 18. Фрагмент исторического городского культурного ландшафта Сочи: вилла «Надежда» С. Н. Худекова (парк «Дендрарий»).
Фото О. Н. Марковой, 2014 г.*

*Рис. 19. Фрагмент исторического городского культурного ландшафта Сочи: лестница с видом на виллу «Надежда» С. Н. Худекова (парк «Дендрарий»).
Фото О. Н. Марковой, 2014 г.*

Рис. 20. Фрагмент исторического городского культурного ландшафта Сочи: фрагмент застройки Курортного проспекта. Фото В. В. Бондаря, 2011 г.

процесса с интересами сохранения культурного наследия не только в столице Кубани, но и в целом по краю»³⁵⁶. В рамках реализации требований действующего законодательства в 2017–2019 гг. были проведены историко-культурные исследования и представлены на утверждение в Управление государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края проекты предметов охраны и границ территории исторических поселений края.

³⁵⁶ Рысин Ю. В., Бондарь В. В. Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия // Academia. Архитектура и строительство. — № 3. — 2016. — С. 104.

Рис. 21. Фрагмент исторического городского культурного ландшафта г. Сочи: парка санатория «Металлург». Фото В. В. Бондаря, 2011 г.

В 2017 г. были утверждены предметы охраны и границы территории Тамани и Анапы³⁵⁷, в 2019 г. — Краснодара и Армавира³⁵⁸, в 2020 г. —

³⁵⁷ Приказ администрации Краснодарского края от 30.05.2017 г. № 23-КН «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения станица Тамань Краснодарского края». — URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/e2f/e2f9cfba70376cd25cd384c451508f03.pdf> (дата обращения: 15.07.2019); Приказ администрации Краснодарского края от 10.01.2019 г. № 2-КН «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Анапа Краснодарского края. — URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/704/704387907fd61a9e7d65638b32952689.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

³⁵⁸ Приказ администрации Краснодарского края от 01.03.2019 г. № 26-КН Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселе-

Ейска³⁵⁹. Разработанный в 2018–2020 гг. администрацией Сочи проект предмета охраны исторического поселения города Сочи не был вынесен на обсуждение профессиональным сообществом и уполномоченным краевым научно-методическим советом³⁶⁰.

Подходы к определению ценностных характеристик исторических поселений были различны. При обосновании охраняемых качеств исторической среды Анапы и Тамани были использованы традиционные, характерные для проектной документации методы историко-архитектурных и историко-градостроительных исследований. Разработка проектов предметов охраны Краснодара, Армавира и Сочи базировалась на научно-теоретических принципах культурно-ландшафтных исследований. При всех различиях, в этих проектах решались вопросы определения существенных качеств поселений, составляющих их историко-культурную уникальность. В отличие от названных научно-проектных работ, проект предмета охраны исторического поселения город Ейск был ориентирован на отражение формальных характеристик. В 2022–2023 гг. утверждаемая часть проекта по Сочи была трансформирована (другим разработчиком), после чего предмет охраны и границы исторического поселения город Сочи также были утверждены. При этом

ния регионального значения город Краснодар Краснодарского края. — URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/f91/f91b0dffe9dde8b6353ca64b8b652db0.pdf> (дата обращения: 24.03.2019); Приказ администрации Краснодарского края от 27.08.2019 г. № 160-КН «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Армавир Краснодарского края». — URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/19e/19e9acebfa2cefe8c83899a5f776e677.pdf> (дата обращения: 30.08.2019).

³⁵⁹ Приказ администрации Краснодарского края от 18.05.2020 г. № 150-КН «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Ейск Краснодарского края» / Официальный интернет-квартал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2301202005250003> (дата обращения: 25.05.2020).

³⁶⁰ *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа). — М. : Институт Наследия, 2020. — С. 120–123, 163, 104–105, 196–199, 234–236, 305–308; Архив УООКНKK. Научно-проектная документация «Историческое поселение город Сочи. Проект предмета охраны и границ территории». — Сочи — Краснодар : МУП г. Сочи «Муниципальный институт генплана», ООО «Архитектурный центр «Югреставрация», 2018–2019.

в новой редакции ландшафтная уникальность исторического Сочи оказалась вне предмета охраны исторического поселения.

Разработки предметов охраны и границ территорий исторических поселений Краснодарского края стали последними в крае масштабными проектами в этой сфере деятельности.

В целом, несмотря на незавершённость и, в отдельных случаях, неполноту региональных программ и проектов, они продемонстрировали очевидные преимущества комплексных подходов к вопросам изучения, сохранения и использования недвижимого культурного наследия. Кроме того, они оставили обширный и многоплановый эмпирический материал для фундаментальных научных исследований, научно-практических и проектных разработок, государственной охраны объектов культурного наследия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексный методологический подход к исследованию, сочетающий диахронно-синхронный, системный и историко-сравнительный методы, позволил установить, что в основе социально-культурных практик, направленных на введение в гуманитарный оборот и физическое сохранение массива памятников истории и культуры, лежит сотрудничество государства и научного сообщества. Система мер, форм и методов обеспечения физической сохранности и презентации недвижимого наследия, трансформировавшаяся и расширявшаяся с течением времени, была важной частью процесса постепенной интеграции Кубани и Черноморья в имперское культурное пространство и позже социально-культурных процессов советского и постсоветского времени, являясь одновременно частью общероссийского процесса становления и развития памятникоохранной деятельности.

Отличительными чертами массива памятников, расположенных на территории исследования, является количественное преобладание и разнообразие археологического наследия, постоянный научный и общественный интерес к которому сохраняется с открытия здесь в конце XVIII века материальных следов античной культуры и средневековья.

Важнейшим достижением раннего этапа истории обозначенной сферы деятельности — со времени вхождения Прикубанья в состав России до окончания Кавказской войны — стало накопление обширной эмпирической базы, сформированной совместными усилиями военных и государственных служащих, «вольных» путешественников, радетелей старины и учёных. В ходе военно-казачьей колонизации, хозяйственного освоения и целенаправленного изучения территорий были обнаружены и зафиксированы в письменном и графическом виде, опубликованы многочисленные материальные свидетельства прошедших эпох, прежде всего, античной и средневековой. Это стало причиной зарождения и стремительного развития устойчивого общественного и научного интереса, а также повышенного внимания государственной власти к краю и его богатейшему историко-культурному наследию, инициировало процессы, направленные на сохранение наследия и выстраивание системного взаимодействия между его участниками.

Во второй половине XIX века одновременно с развитием гуманитарной науки, ростом общественного интереса к отечественной истории и культуре, вместе с совершенствованием законодательства памятникоохранительная деятельность на Северо-Западном Кавказе, как

и в целом в России, вышла на качественно иной уровень. В это время регион стал территорией масштабных археологических исследований, проводившихся столичными научными организациями, поднявшими, в числе прочих, вопросы о необходимости сохранения недвижимого наследия. В этот же период здесь были созданы собственные учреждения и общественные объединения исследовательской направленности, среди них — Кубанский областной статистический комитет, Общество любителей изучения Кубанской области, частные и общественные музеи, открывшие новые направления в археологии, развернувшие широкую просветительскую деятельность и оказавшие непосредственное влияние на формирование государственных и общественных институтов сбережения памятников старины. К окончанию имперского периода отечественной истории благодаря научным и общественным инициативам, заинтересованному содействию местных властей в этой сфере деятельности была сформирована собственная нормативно-правовая база, опиравшаяся на законы Российской империи и учитывавшая региональную специфику. При этом результативность мер по охране недвижимого наследия, принимаемых официальными структурами и включавших различные виды поощрения и наказания, в значительной мере зависела от отношения общества к памятникам старины.

С установлением Советской власти историко-культурному наследию была придана роль инструмента государственной идеологии, и именно с этих позиций в стране приступили к созданию государственной системы охраны памятников. Кубань и Черноморье находились в русле общих тенденций, при этом сохраняя свою «археологическую» специфику. На всём протяжении советского периода отмечался высокий научный уровень проводившихся в крае археологических изысканий, шёл поиск и апробация мер по сохранению археологического наследия. С середины 1940-х гг. благодаря активному вовлечению в деятельность по сохранению недвижимого культурного наследия представителей научного сообщества видовой спектр памятников истории и культуры на территории региона стал расширяться за счёт включения в него памятников архитектуры, в том числе дореволюционной культовой. Благодаря научным инициативам в 1970–1980-х годах в целях сохранения уникальных археологических объектов в Краснодарском крае впервые был применён метод музеефикации — были созданы музеи-заповедники в Анапе («Горгиппия») и в Тамани («Гермонасса-Тмутаракань»). Советским государством регулировалось и общественное участие в вопросах сохранения наследия: для этих целей в 1965 году

было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Краевое отделение общества (создано в 1966 году) в сотрудничестве с иными общественными организациями и музеями развернуло масштабную деятельность по пропаганде, выявлению и постановке на учёт памятников истории и культуры, в результате которой на государственную охрану было поставлено несколько тысяч памятников истории, архитектуры и монументального искусства, предотвращены разрушения многих археологических объектов. К началу 1980-х годов в стране была сформирована единая система памятникоохранной деятельности, которая включала государственные управленческие структуры, профильные научные и научно-проектные организации, широкое общественное движение под руководством ВООПИиК.

Деятельность по сохранению недвижимого культурного наследия в постсоветский период развивалась в условиях, осложнённых общественно-политическими и экономическими трансформациями в стране. В 1990-х — начале 2000-х годов в период работы уполномоченного государственного органа — Комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края — был получен уникальный опыт системного взаимодействия всех сторон, составляющих структуру сбережения наследия: государственных, научных и общественных. Масштабность и результативность деятельности комитета обеспечивалась высоким профессиональным уровнем его специалистов, относительной управленческой и финансовой самостоятельностью, тесным сотрудничеством со столичными и региональными научными и научно-проектными учреждениями, в целом с профессиональным сообществом, с краеведческими организациями, использованием специально созданной региональной сети общественных инспекторов, обладавших широким кругом полномочий, применением программных подходов в организации и осуществлении деятельности.

В дальнейшем, с усилением системы государственной охраны и использования недвижимого наследия, большинство разработанных комитетом программ и инициатив были свёрнуты. Одновременно снизилась научная активность, всплеск которой пришёлся на конец 1990-х — 2000-е годы. В обозначенный период активно разрабатывалась проблематика не только обеспечения физической сохранности объектов культурного наследия, но и поиска механизмов включения их в современные социокультурные и хозяйственные процессы.

В целом, как показал опыт более чем двухвековой истории деятельности по сохранению недвижимых памятников истории и культуры на Северо-Западном Кавказе, достижение целей сохранения недвижимой части отечественного историко-культурного наследия возможно при условиях системного (основанного на принципах научности) взаимодействия государственных и общественных институтов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Государственный архив Краснодарского края:
 - Ф. 249. Канцелярия наказного (войскового) атамана Кубанского казачьего войска). Оп. 1. Д. 1156;
 - Ф. 721. Пристав 1-го участка Темрюкского уездного полицейского управления. Оп. 1. Д. 184;
 - Ф. Р-158. Кубано-Черноморский областной революционный комитет. Оп. 1. Д. 19;
 - Ф. Р-365. Кубано-Черноморский областной отдел народного образования Исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и горских депутатов. Оп. 1. Д. 8, Д. 174, Д. 277;
 - Ф. Р-687. Краснодарский краевой Совет народных депутатов. Оп. 1. Д. 1938;
 - Ф. Р-1496. Главное управление архитектуры и градостроительства Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Оп. 2. Д. 1;
 - Ф. Р-1547. Коллекция документов по истории Кубани, собранная краеведом Мироновым Палладием Васильевичем (1874–1952). Оп. 1. Д. 148;
 - Ф. Р-1748. Краснодарский краевой Совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Оп. 1. Д. 1, Д. 41, Д. 47.
2. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края (УГООКННК):
 - Распоряжение исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета депутатов трудящихся от 14.01.1975 г. № 25-р;
 - Решение Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.09.1980 г. № 643;
 - Служебная записка о состоянии и перспективных улучшений работы по учету, регистрации, исследованиям, охране, реставрации, использованию памятников истории и культуры Краснодарского края. — 1982. — Часть I. — С. 5;
 - Управление культуры Исполнительного комитета Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Справка о работе Краснодарской специализированной научно-реставрационной мастерской. 1985;
 - Решение Малого совета народных депутатов от 12 февраля 1992 г. № 105 «Об исполнении законодательства РСФСР по охране и использованию памятников культуры на территории Краснодарского края»;

- Положение о специально уполномоченном комитете по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края (Приложение к решению Малого совета краевого Совета народных депутатов от 12.02.1992 г. № 105);
- Приказ Министерства культуры РФ от 25.03.1992 г. № 01-69/16-14 «Об инвентаризации историко-культурного наследия народов Российской Федерации»;
- Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 г. № 238 «О создании совета специалистов и общественности по вопросам сохранения историко-культурных ценностей Краснодарского края»;
- Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 г. № 236 «Об определении историко-культурных земель при отводах участков земли»;
- Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 10.06.1992 г. № 237 «О дополнении каталога памятников истории и культуры Краснодарского края»;
- Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 13.01.1993 г. № 6 «О временных нормативах стоимости освоения новых земель взамен изымаемых сельскохозяйственных угодий для несельскохозяйственных нужд и нормативах возмещения убытков по историко-культурным землям»;
- Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1993 г. № 96 «Об утверждении положения о порядке производства археологических раскопок и разведок на территории Краснодарского края»;
- Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 29.04.1993 г. № 150 «Об утверждении Временного положения об охране и использовании памятников истории и культуры в Краснодарском крае»;
- Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 14.07.1993 г. № 238 «Об утверждении Временных методик на недвижимые памятники археологии Краснодарского края»;
- Решение Малого совета Краснодарского краевого Совета народных депутатов от 08.09.1993 г. «О передаче в пользование религиозным организациям культовых зданий, памятников и иного имущества, охраняемого государством, как историко-культурное наследие»;
- Справка о деятельности специально-уполномоченного комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края. 1993 г.;
- Постановление главы администрации Краснодарского края от 14.03.1994 г. № 132 «О специально уполномоченном комитете по ох-

- ране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края»;
- Инвентаризация памятников архитектуры Краснодара. 1994–1995 гг. Полевой материал;
 - Инвентаризация памятников архитектуры Краснодара. 1994–1995 гг. Материалы фотофиксации; Краевая программа выявления, сохранения и использования недвижимых памятников Краснодарского края «Наследие», 1997–2010 гг.;
 - Приказ комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 29 апреля 1999 года № 26-п;
 - Закон Краснодарского края от 17 августа 2000 г. «О пообъектном составе недвижимых памятников истории и культуры местного значения, расположенных на территории Краснодарского края»;
 - Информационный бюллетень Законодательного собрания Краснодарского края. 25 декабря 2000 г.;
 - Проект зон охраны памятников станицы Тамань Краснодарского края. Научно-проектная документация. — М. : Архитектурно-реставрационная мастерская Семеновой И. Г., 2000;
 - Историко-архитектурный опорный план города Краснодара. Научно-проектная документация в 6 т. — Краснодар : ООО «Персональная творческая мастерская Головеровой И. И.», 2001;
 - Проект зон охраны города Ейск. Научно-проектная документация : в 3 т. — М. : Архитектурно-реставрационная мастерская Семеновой И. Г., 2002;
 - Паромов Я. М. Археологический комплекс Гермонасса-Тмутаракань: городище, курганный некрополь, грунтовые могильники. Паспорт памятника (рукопись). — М., 2002;
 - Решение комитета по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 12 февраля 2002 года № 2-р;
 - Закон Краснодарского края от 6 февраля 2003 г. № 558-КЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Краснодарского края»;
 - Постановление главы администрации Краснодарского края от 06.05.2004 г. № 423 «О реорганизации департамента культуры Краснодарского края»;
 - Постановление главы администрации Краснодарского края от 12.05.2005 г. № 418 «Об утверждении проектов зон охраны памятников истории и культуры города Ейска и станицы Тамань»;
 - Научно-проектная документация «Историческое поселение город Сочи. Проект предмета охраны и границ территории». — Сочи —

- Краснодар : МУП г. Сочи «Муниципальный институт генплана», ООО «Архитектурный центр «Югреставрация», 2018–2019.
3. Личный архив В. А. Гараниной. *Гаранина В. А.* Проблемы сохранения историко-культурного наследия на Кубани в XX в. : Материалы к конференции «Гуманитарная мысль Юга России в XX в.» (Рукопись. Б/д.).
 4. Личный архив Н. А. Корсаковой. Материалы фотографической фиксации памятника архитектуры «Екатерининская церковь, 1814 г.» в пос. Калинино. 1972 г.
 5. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Том II (3). Араго — Аутка. — СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1890. — 482 с.
 6. *Вигель Ф. Ф.* Записки о Керчи / Ф. Ф. Вигель // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете / Повременное издание: январь — март. — М. : Университетская типография, 1864. — Кн. 1. — С. 461–549.
 7. *Гёrc К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова / К. К. Гёrc // Древности. Труды Московского Археологического общества. — М., 1870. — Т. II. — Вып. 3. — 128 с.
 8. *Гёrc К. К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове. Глава I / К. К. Гёrc // Древности. Труды Московского археологического общества. — М., 1875. — Т. 6. — Вып. 1. — 118 с.
 9. *Городецкий Б. М.* Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе / Б. М. Городецкий // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. — Екатеринодар : Тип. Куб. обл. правления, 1913. — Вып. VI. — С. 73–166.
 10. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 7 января 1924 года «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — С. 38–40.
 11. *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / Собр. и изд. И. И. Дмитренко. Т. II. — СПб. : Тип. штаба отд. корпуса жандармов, 1896. — 475 с.
 12. *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / Собр. и изд. И. И. Дмитренко. Т. IV. — СПб. : Тип. штаба отд. корпуса жандармов, 1898. — 497 с.
 13. *Дюбуа (де) Монпере Ф.* Путешествие вокруг Кавказа: У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Ф. Дюбуа (де) Монпере / Пер. с франц. Н. А. Данкевич-Пушиной. — Сухуми : Абгиз, 1937. — Т. I. — 180 с.
 14. *Забелин И. Е.* В чем значатся основные задачи археологии, как самостоятельной науки? / И. Е. Забелин // Труды третьего археологического съезда

- в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. — Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1878. — Т. 1. — С. 1–17.
15. Закон Союза Советских Социалистических Республик об охране и использовании памятников истории и культуры: Принят Верховным Советом СССР 20 окт. 1976 г.: Постановление Верховного Совета о порядке введения в действие закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». — М. : Известия, 1976. — 24 с.
 16. Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «Об охране и использовании памятников истории и культуры»: Принят на девятой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 15 декабря 1978 г. — М., 1979. — 22 с.
 17. Известия Императорской археологической комиссии. — СПб. : Тип. Гл. упр. уделов, 1901–1918. — Вып. 1–65.
 18. Инструкции о порядке учета, регистрации и содержания археологических и исторических памятников на территории РСФСР (Утв. Постановлением Совета Министров СССР от 28 мая 1949 г. // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — С. 65–75.
 19. *Кёппен П. И.* Древности северного берега Понта / П. И. Кёппен / Пер. Средн.-Камашева. — М. : Общество Истории и Древностей Российских, 1828. — 176 с.
 20. Копия с циркулярного предписания Наказного Атамана Кубанского казачьего войска. От 15 декабря 1867 года. № 4047 // Кубанские областные ведомости. — 1867. — № 50. — 23 декабря.
 21. Краткая инструкция о порядке учета, регистрации и содержании памятников искусства // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — С. 82–128.
 22. *Мусин-Пушкин А. И.* Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения / А. И. Мусин-Пушкин. — СПб., 1794. — [7], IV, 64, 3, LXXIV с.
 23. О сохранении памятников старины: циркуляры и приказы Начальника Кубанской области и Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, правила о Кубанском войсковом музее и о библиотеке. — Екатеринодар : Кубанский войсковой этнографический и естественно-исторический музей, 1913. — 22 с.
 24. Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — 192 с.
 25. *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / П. С. Паллас / Пер. с нем. — М. : Наука, 1999. — 246 с.
 26. *Паллас П. С.* Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань / П. С. Паллас / Прим. Г. Э. Караулова //

- Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1883. — Т. 13. — С. 35–107.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1830. Т. 1: С 12 декабря 1825 по 1827: от № 1 до 799. — 1525 с.
 28. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1838. — Т. 12: 1837, отд-ние 1: от № 9825–10631. — 822 с.
 29. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Ее императ. величества канцелярии, 1861. — Т. 34: Отделение 1-е: 1859. От № 34005–34845. — 842 с.
 30. Положение об охране памятников культуры. Прил. к пост. Совета Министров СССР от 14.10.1948 г. № 3898 // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — С. 68–75.
 31. *Пончевный М. О.* Географический очерк Босфорского царства // Кубанский сборник / Труды Кубанского областного статистического комитета. — Екатеринодар, 1891. — Т. 2. — С. 1–60 (62).
 32. Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 «О мерах по улучшению охраны памятников культуры» // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — С. 65–68.
 33. Постановление Совета Министров РСФСР от 22 мая 1947 года «Об охране памятников архитектуры» // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — С. 62–64.
 34. Постановление Совета Министров СССР от 23 июля 1965 г. № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры» // Охрана памятников истории и культуры : сб. документов. — М. : Советская Россия, 1973. — С. 144–149.
 35. Приказ по Кубанскому казачьему войску. Мая 18-го дня 1865 года № 47-й // Кубанские областные ведомости. — 1865. — № 21. — 29 мая.
 36. Приказ по Кубанскому казачьему войску. Мая 18-го дня 1865 года № 47-й // Кубанские областные ведомости. — 1865. — № 21. — 29 мая.
 37. Распоряжение войскового начальства // Кубанские областные ведомости. — 1867. — № 22. — 10 июня.
 38. *Свиньин П. П.* Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок по России в 1825 г., относительно археологии // Отечественные записки. — 1826. — Ч. 25. — Кн. 71. — С. 438–467.
 39. Семипрестольный собор Св. Екатерины в г. Екатеринодаре. — Екатеринодар, 1913.
 40. *Сизов В.* Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии / В. Сизов // Материалы по археологии Кавказа. — М. : Типография А. И. Мамонтова и К, 1889. — Вып. II. — С. 1–182.

41. *Стевен А. Х.* Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии / А. Х. Стевен // Известия Таврической ученой комиссии. — Симферополь : Тип. газеты «Крым», 1891. — № 13. — С. 33–54.
42. *Степковский И. А.* Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. — СПб., 1827. — Часть 29. — Кн. 81. — С. 40–72.
43. *Сысоев В. М.* Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году / В. М. Сысоев // Материалы по археологии Кавказа. — М., 1904. — Вып. IX. — С. 89–143.
44. *Сысоев В. М.* Краткий археологический очерк Кубанской области и Черноморской губернии / В. М. Сысоев // Кубанский сборник. — Екатеринодар, 1898. — Т. IV. — С. 1–14.
45. *Сысоев В. М.* Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его / В. М. Сысоев // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. — Екатеринодар, 1899. — Вып. 1. — С. 1–6.
46. *Сысоев В. М.* Евгений Дмитриевич Фелицын / В. М. Сысоев // Материалы по археологии Кавказа. — М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1904. — Вып. IX. — С. I–VII.
47. Труды Первого съезда деятелей по краеведению Кубчеробласти. Резолюции и общие сведения о съезде (15–23 окт. 1922 г.). — Краснодар : Ликвидац. ком. по делам Первого съезда деятелей по краеведению Кубчеробласти, 1922.
48. *Тэбу де Мариньи.* Путешествие по Черкессии / Тэбу де Мариньи. — Нальчик : Издательский центр «Эль-Фа», 2002. — Вып. 8. — Т. 1. — С. 17–83.
49. *Уваров А. С.* Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии, и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа // А. С. Уваров // Труды третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. — Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1878. — Т. 1. — С. 19–38.
50. *Уварова П. С.* От редакции // Материалы по археологии Кавказа. — М. : Типография А. И. Мамонтова и К, 1888. — Вып. I. — С. I–IV.
51. *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа / П. С. Уварова // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества. — М., 1900. — Вып. XVIII. — 381 с.
52. *Уварова П. С.* Кавказ: Путевые заметки графини Уваровой : Ч. [1] 3. / П. С. Уварова. — М. : Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1887–1904.
53. Устав Одесского общества истории и древностей: [утвержден 25 марта 1839 года]. — Одесса : Гор. тип., 1839. — 17 с.
54. Устав ОЛИКО // Известия ОЛИКО. — Екатеринодар, 1899. — С. 163–166.

55. *Фелицын Е. Д.* Западно-Кавказские дольмены / Е. Д. Фелицын // Материалы по археологии Кавказа. — М., 1904. — Вып. IX. — С. 1–86.
56. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1890. — Том II (3). — 495 с.
57. *Bell J. S.* Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838, and 1839. — Vol. 1–2. — London : E. Moxon, 1840. — 456 p.
58. *Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa : 6 vols. — Cambridge, 1810–1823.
59. *Clarke E. D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Part the First: Russia, Tartary, and Turkey. — Philadelphia, 1811. — 612 p.
60. *Guthrie M.* A tour, performed in the years 1795–6, through the Taurida, or Crimea, the antient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the North shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy : the whole illustrated by a map of the tour along the Euxine coast, from the Dniester to the Cuban; with engravings of a Great number of ancient coins, medals, monuments, inscriptions, and other curious objects / by Mrs. Maria Guthrie ; described in a series of letters to her husband, the editor Matthew Guthrie. — London : T. Cadell, jun. and W. Davies, 1802. — 446 с.

Нормативно-правовая документация

61. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>. С. 8 (дата обращения: 10.12.2020).
62. Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1) (ред. от 10.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.12.2023 г.). — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102018866> (дата обращения: 22.01.2024).
63. Основы государственной культурной политики, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412250002> (дата обращения: 21.01.2024).
64. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076756> (дата обращения: 15.12.2023).
65. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федера-

- ции // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. — URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения: 06.11.2023).
66. Приказ администрации Краснодарского края от 30.05.2017 г. № 23-КН «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения станица Тамань Краснодарского края». — URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/e2f/e2f9cfba70376cd25cd384c451508f03.pdf> (дата обращения: 15.07.2019).
67. Приказ администрации Краснодарского края от 10.01.2019 г. № 2-КН «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Анапа Краснодарского края». — URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/704/704387907fd61a9e7d65638b32952689.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).
68. Приказ администрации Краснодарского края от 01.03.2019 г. № 26-КН «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Краснодар Краснодарского края». — URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/f91/f91b0dffe9ddc8b6353ca64b8b652db0.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).
69. Приказ администрации Краснодарского края от 27.08.2019 г. № 160-КН «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Армавир Краснодарского края». — URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/19e/19e9acebfa2cfe8c83899a5f776e677.pdf> (дата обращения: 30.08.2019).
70. Приказ администрации Краснодарского края от 18.05.2020 г. № 150-КН «Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения регионального значения город Ейск Краснодарского края» / Официальный интернет-квартал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2301202005250003> (дата обращения: 25.05.2020).

Литература

71. *Агбунов М. В.* Античная лоция Черного моря / М. В. Агбунов. — М. : Наука, 1987. — 153, [3] с.
72. *Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия / Е. М. Алексеева. — М. : Эдиториал УРСС, 1997. — 558, [1] с.

73. *Анфимов Н. В., Анфимов И. Н.* Археологические памятники города Краснодара / Н. В. Анфимов, И. Н. Анфимов // Кубанский краевед. — Краснодар, 1992. — Вып. 3. — С. 19–60.
74. *Анфимов Н. В.* Древнее золото Кубани / Н. В. Анфимов. — Краснодар, 1987. — 232 с.
75. *Ачкасова А. Ф.* Веление времени / А. Ф. Ачкасова // Наследие народов Российской Федерации. — 2003. — № 2. — С. 33–39.
76. *Ачкасова А. Ф.* Завещанное предками (Недвижимые памятники истории и культуры Кубани) / А. Ф. Ачкасова // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. — № 2. — 1997. — С. 13–17.
77. *Блаватский В. Д.* Античная археология и история / В. Д. Блаватский. — М., 1985. — 279 с.
78. *Бойчук С. Г.* Общественно-просветительская деятельность Е. Д. Фелицына / С. Н. Бойчук. — Краснодар : Традиция, 2010. — 176 с.
79. *Бондарь В. В.* Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Институт Наследия, 2023. — 202 с. — DOI 10.34685/NI.2023.25.93.005.
80. *Бондарь В. В.* Город Екатеринодар в пространстве и времени: опыты исторической урбанистики : монографический сб. / В. В. Бондарь. — Краснодар : Платонов И., — 2006. — 126 с.
81. *Бондарь В. В.* Достопримечательное место «Сад-музей Дерева Дружбы» в Сочи (по материалам проекта предмета охраны и границ территории) / В. В. Бондарь // Вестник Краснодарского регионального отделения Русского географического общества / Отв. ред. И. Г. Чайка, Ю. В. Ефремов, Л. А. Морева. — Краснодар : И. Платонов. — Вып. 10. — 2020. — С. 350–358.
82. *Бондарь В. В.* Екатеринодарский Семипрестольный собор Святой Екатерины — памятник архитектуры византийского стиля [Электронный ресурс] / В. В. Бондарь // Наследие веков. — 2015. — № 3. — С. 131–136. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Bondar.pdf (дата обращения: 15.05.2020).
83. *Бондарь В. В.* К проблеме генезиса городского культурного ландшафта: Ейский гостинный двор как историческое ядро города / В. В. Бондарь // Academia. Архитектура и строительство. — 2017. — № 2. — С. 20–24.
84. *Бондарь В. В.* Краснодарский Дом книги — памятник архитектуры структурализма в культурном ландшафте исторического города (к 40-летия со дня открытия). — Текст: электронный / В. В. Бондарь // Наследие веков. — № 3. — 2017. — С. 47–64. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Bondar.pdf (дата обращения: 25.10.2020).

85. *Бондарь В. В.* К характеристике культурного ландшафта Краснодара: эволюция планировочной структуры исторического центра города. — Текст: электронный / В. В. Бондарь // *Наследие веков.* — 2019. — № 1. — С. 103–111. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Bondar.pdf (дата обращения: 25.10.2020).
86. *Бондарь В. В.* К характеристике культурного ландшафта Туапсе: «Дом Яни» — образец «столичного» модерна / В. В. Бондарь // *Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне : материалы Междунар. науч.-практ. конф.* — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. — С. 419–425.
87. *Бондарь В. В.* Место гибели генерала Корнилова: опыт атрибуции и установления предмета охраны объекта культурного наследия / В. В. Бондарь // *Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.) / Гл. ред. Д. А. Алисов, Ю. А. Закунов; отв. ред. О. В. Геднер, И. А. Селезнева.* — М., 2016. — С. 145–150.
88. *Бондарь В. В.* Опыт характеристики культурного ландшафта исторического поселения: город Армавир. — Текст: электронный / В. В. Бондарь // *Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.).* — Москва, Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. — С. 264–280.
89. *Бондарь В. В.* Символический акцент в культурном ландшафте исторического города: монумент «Дружба» в Майкопе / В. В. Бондарь // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология».* — 2020. — Вып. 3 (264). — С. 26–34.
90. *Бондарь В. В.* Социальный и экономический потенциал историко-культурного и природного наследия региона / В. В. Бондарь // *Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами : Материалы региональной научно-практической конференции.* — Краснодар, 2007. — С. 29–33.
91. *Бондарь В. В., Маркова О. Н., Устаева Э. Р.* Археологический комплекс «Гермонасса-Тмутаракань»: Исторический очерк и генеральный план развития территории : По материалам научного проектирования 2007–2009 годов / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова, Э. Р. Устаева. — Краснодар : Платонов, 2011. — 160 с.
92. *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* К проблеме официального статуса исторических поселений и культурных ландшафтов / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова // *Культурное наследие России.* — 2020. — № 3. — С. 14–19.

93. *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* Краснодарский гиперболоид инженера Шухова: Очерк истории памятника инженерного искусства — водонапорной башни системы академика В. Г. Шухова в г. Краснодаре / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова. — Краснодар, 2014. — 152 с.
94. *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа) / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова ; Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — М. : Институт Наследия, 2020. — 334 с.
95. *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* Памятник архитектуры регионального историзма «Здание магазина «Янтарь» в Геленджике: история обретения и утраты. — Текст: электронный / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова // Наследие веков. — 2016. — № 1. — С. 105–113. — URL: http://old.heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Bondar_Markova.pdf (дата обращения: 03.01.2017).
96. *Бондарь В. В., Маркова О. Н.* Портрет старого города: Екатеринодар на старинных открытках / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова. — Краснодар : Издатель И. Платонов, 2011. — 128 с.
97. *Власова Е. В.* Полюс Дюбрюкс и археологические раскопки в Керчи / Е. В. Власова // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира : материалы международной научной конференции, декабрь 1999. — СПб. [Б.и.], 1999. — С. 35–41.
98. *Воронов А. А., Михайлов М. Б.* Боспор Киммерийский / А. А. Воронов, М. Б. Михайлов. — М. : Искусство, 1983.
99. *Гаврилов М. В.* Музеефикация дольменов Северо-Западного Кавказа в контексте формирования законодательной базы сохранения культурного наследия России: Первая четверть XVIII — начало XXI вв. : автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. — Краснодар, 2005. — 23 с.
100. *Гаранина В. А.* Кто остановит «черных археологов»? / В. А. Гаранина // Наследие народов Российской Федерации. — 2003. — № 2. — С. 40–43.
101. *Глумов А. Н.* Н. А. Львов. — М., 1980.
102. *Голоток Л.* Хождение по мукам / Л. Голоток // Наследие народов Российской Федерации. — 2003. — № 2. — С. 43–45.
103. *Гончаров А. В.* «Победителям и побежденным»: эпоха гражданского противостояния на Кубани и Черноморье в объектах культурного наследия / А. В. Гончаров // Наследие веков. — 2018. — № 2. — С. 41–47. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf (дата обращения: 15.12.2023).
104. *Гончаров А. В., Крюков А. В.* Воинские монументы как объекты культурного наследия: особенности государственной охраны (на примере Крас-

- нодарского края) / А. В. Гончаров, А. В. Крюков // *Наследие веков.* — 2020. — № 3. — С. 73–82. — DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.005
105. *Горнчаровский В. А.* У истоков боспорской археологии: Поль Дюбрюк (опыт биографии на фоне эпохи) / В. А. Горнчаровский // *Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора* : коллективная монография. — СПб. : Издательство РХГА, 2017. — С. 7–23.
106. Гуманитарная мысль Юга России в XX веке : тезисы межрегиональной научной конференции. Ст-ца Тамань, 19–22 сентября 2000 г. / Науч. ред. В. Н. Ратушняк, В. Е. Щетнев : Кубанский гос. ун-т ; Комитет по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края ; Краснодар. краев. о-во «Знание» ; Администрация Темрюкского р-на. — Краснодар, 2000. — 188 с.
107. *Дементьева Ю. М.* Материалы археологических съездов (1869–1914) как источник по истории музейного дела России / Ю. М. Дементьева // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.* — 2008. — № 80. — С. 71–83.
108. *Дмитриев А. В., Малышев А. А., Шишлов А. В., Федоренко Н. В.* Исследования археологических объектов античной эпохи в окрестностях пос. Мысхако в 1992 г. / А. В. Дмитриев, А. А. Шишлов, А. В. Федоренко // *Боспорский сборник.* — 1994. — Вып. 4. — С. 141–146.
109. *Донцова А. А.* Государственная охрана памятников в 1920-е гг.: к истории изучения вопроса / А. А. Донцова // *Вестник Томского государственного университета* : Культурология и искусствоведение. — 2017. — № 27. — С. 99–117.
110. *Донцова А. А.* Государственная охрана памятников культуры в Томске в 1920-е гг. : дис.... кандидата исторических наук: 24.00.03 / Донцова Анна Александровна. — Томск, 2017. — 163 с.
111. *Еремеева А. Н.* Культурная жизнь Кубани в XX веке / А. Н. Еремеева. — Краснодар : Платонов И., 2013. — 160 с.
112. *Еремеева А. Н.* Майкопские страницы биографии академика П. С. Уваровой / А. Н. Еремеева // *Научная жизнь и научное сообщество Кубани в XX веке : очерки истории.* — Краснодар, 2006. — С. 28–32.
113. *Еремеева А. Н.* «Между прошлым и будущим». (Художественная жизнь Кубани в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920 гг.). — СПб. : Нестор, 1996. — 152 с.
114. *Еремеева А. Н.* Практики мемориализации антисоветского движения на Юге России в годы Гражданской войны / А. Н. Еремеева // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения.* — 2021. — Т. 26. — № 2. — С. 171–183.

115. *Еремеева А. Н.* Сохранение и трансляция культурного наследия в условиях революции и Гражданской войны (по материалам Юга России) / А. Н. Еремеева, А. В. Крюков // Вопросы культурологии. — 2015. — № 7. — С. 6–11.
116. *Еремеева А. Н.* Сохранение памяти о Великой Отечественной войне: региональные практики (1941–1945 гг.) / А. Н. Еремеева, Т. В. Коваленко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 23. — № 1 (204). — С. 25–39.
117. *Есипенко Л. М.* Директор Кубанского войскового музея И. Е. Гладкий — об охране памятников (по архивным материалам Краснодарского государственного музея заповедника) / Л. М. Есипенко // Проблемы археологии и истории Боспора. — Керчь, 1996. — С. 112–114.
118. *Жуков Ю. Н.* Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры: 1917–1920 гг. — М. : Наука, 1989. — 304 с.
119. *Захаров В. А.* Заметки о Тмутараканском камне / В. А. Захаров // От Тмутараканя до Тамани. IX–XIX вв. : Сборник Русского исторического общества. — № 4 (152). — М., 2002. — С. 154–178.
120. Историко-культурное наследие и современность : Материалы республиканской научно-практической конференции (г. Ейск, 20–24 июня 1995 г.). — Краснодар, 1995. — 320 с.
121. *Ильина И. Н.* Общественные организации России в 1920-е гг. / И. Н. Ильина. — М. : Ин-т рос. истории РАН, 2000. — 215 с.
122. *Каменев Н. Л.* Попытки археологических разведок в Кубанской области / Н. Л. Каменев // Кубанские войсковые ведомости. — 1870. — № 47–48.
123. *Каменецкий И. С.* Из истории охраны памятников на Кубани / И. С. Каменецкий // Археологический бюллетень. — 1992. — № 4 (12). — С. 2–5.
124. *Каменецкий И. С.* Начало археологического изучения Прикубанья / И. С. Каменецкий // Очерки истории отечественной археологии. — М. : Богородский печатник. — 1998. — Вып. II. — С. 127–146.
125. *Каулен М. Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Е. Каулен. — М. : Этерна, 2012. — 432 с.
126. Каталог историко-культурного наследия Сочи. — Сочи, 1997.
127. Каталог памятников истории и культуры Краснодарского края. — Краснодар [б/и], 1986. — 688 с.
128. *Киндзерская М. А.* Музейное дело и сохранение историко-культурных памятников России: Начало XX в. — конец 1930-х гг. : автореферат дисс. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств. — Краснодар, 2005. — 28 с.
129. *Кирей Н. И., Лушняк Г. И., Мошкович Г. Г., Тихомиров В. Р.* Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) и его историческое значение / Н. И. Кирей, Г. И. Лушняк, Г. Г. Мошкович, В. Р. Тихомиров //

- Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 1989. — С. 132–150.
130. *Кирей Н. И.* ОЛИКО — центр исторического краеведения на Кубани в 1897–1932 гг. / Н. И. Кирей // Голос минувшего. — 1997. — № 4. — С. 42–43.
 131. *Киселев М. Ю.* Деятельность Академии наук СССР по охране памятников культуры / М. Ю. Киселев // Культурное наследие России. — 2021. — № 2 (33). — С. 3–8.
 132. *Краснокутская Л. И., Краснокутский В. С.* Музейно-краеведческое строительство на Северном Кавказе в 20-е годы XX в. / Л. И. Краснокутская, В. С. Краснокутский // Общество: философия, история, культура. — 2020. — № 6 (74). — С. 95–99.
 133. Кубанское казачество: три века исторического пути : Материалы международной научно-практической конференции (станция Полтавская, 23–27 сентября 1996 г.) / Науч. ред.: В. Н. Ратушняк, В. Е. Щетнев. — Краснодар, 1996. — 304 с.
 134. Кубанское наследие и его ревнители // Наследие народов Российской Федерации. — 2003. — № 2. — С. 26–32.
 135. *Кузнецов В. А.* «Родной брат ОЛИКО» (О Совете Обследования и Изучения Кубанского края Кубано-Черноморского Краевого Научно-Исследовательского Института) / В. А. Кузнецов // Голос минувшего. — 1997. — № 1 (3). — С. 34–42.
 136. Культурный ландшафт как объект наследия / Отв. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. — М. : Ин-т Наследия ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.
 137. Культурные ландшафты исторических поселений как особая категория наследия (на материалах Северо-Западного Кавказа) : монография. — Текст: электронный / В. В. Бондарь, О. Н. Маркова ; Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. — М. : Институт Наследия, 2020. — 334 с. — DOI 10.34685/НИ.2019.61.20.014 (дата обращения: 10.02.2021).
 138. *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Ткачев А. Н.* Археология в Кубанском государственном университете (1920–2020 гг.) / Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко, А. Н. Ткачев // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России : материалы Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. — Т. 2. — С. 3–21.
 139. *Личак Н. А.* Сохранение памятников искусства и старины 1920–1930-х годов: концептуальный подход / Н. А. Личак // Государство, общество,

- церковь в истории России XX–XXI веков : Материалы XVI Международной научной конференции : в 2 частях (Иваново, 5–6 апреля 2017 года). — Иваново : Издательство Ивановского гос. ун-та, 2017. — С. 85–89.
140. *Лопатина Е. Г.* Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1917 — середине 1930-х годов // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2011. — № 4. — С. 24–28.
141. *Майофис М. Л.* Тмутараканский камень в культурном строительстве конца XVIII — начала XIX века / М. Л. Майофис // Философский век : альманах. — СПб., 1999. — Вып. 10. — С. 132–139.
142. *Медведева М. В.* Из истории Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины / М. В. Медведева // Археологические вести. — 2007. — Вып. 14. — С. 262–265.
143. *Маркова О. Н.* Архитектурно-парковый ансамбль Кубанского сельскохозяйственного института как локальный ландшафт в пространстве города / О. Н. Маркова // Наследие веков. — 2017. — № 3. — С. 65–72. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Markova.pdf (дата обращения: 29.03.2024).
144. *Маркова О. Н.* Из опыта исследования выявленных объектов культурного наследия города Сочи / О. Н. Маркова // Постолимпийский Сочи: экологические проблемы и перспективы сохранения природного и историко-культурного наследия : материалы науч.-практ. конф. (Сочи, 5–7 июля 2014 г.). — Сочи [Б. и.], 2014. — С. 156–159.
145. *Маркова О. Н.* К истории Екатерининской церкви в Краснодаре / О. Н. Маркова // Кубанский сборник. — Краснодар : Книга, 2012. — Том IV (25). — С. 341–351.
146. *Маркова О. Н.* К истории здания-памятника по улице Красной, 27 в городе Краснодаре / О. Н. Маркова // Научно-творческое наследие Федора Андреевича Щербины и современность : сб. материалов XII междунар. науч.-практ. конференции (Краснодар, 27 февраля 2012 г.). — Краснодар : ИМСИТ, 2012. — С. 123–128.
147. *Маркова О. Н.* Краткий очерк памятника истории и культуры «Комплекс зданий краевой выставки сельского хозяйства» в г. Краснодаре / О. Н. Маркова // Фелицынские чтения (XIV). История советского периода в контексте современного социогуманитарного знания : материалы регион. северокавказ. науч.-практ. конференции (Краснодар, 24–26 октября 2012 г.). — Краснодар : Вика-Принт, 2012. — С. 107–111.
148. *Маркова О. Н.* К истории кооперативного строительства 1920-х гг. в Краснодаре: дом на улице им. Пушкина / О. Н. Маркова // Фелицынские чтения (XV). Провинциальный город в социокультурном пространстве XVIII–XXI вв. : материалы регион. северокавказ. науч.-практ. конф. — Краснодар : Вика-Принт, 2014. — С. 154–160.

149. *Маркова О. Н.* Клуб портовиков в Новороссийске — памятник советской архитектуры и истории / О. Н. Маркова // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России: к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне : материалы междунар. науч.-практ. конференции (Туапсе, 1–3 октября 2020 г.). — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. — С. 425–428.
150. *Маркова О. Н.* Опыт типологического анализа исторической застройки города Краснодара / О. Н. Маркова // Наследие веков. — 2019. — № 1. — С. 112–126. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2019/03/2019_1_Markova.pdf и др. (дата обращения: 29.03.2024).
151. *Маркова О. Н.* Памятник архитектуры «Коммерческое училище» в Краснодаре (Екатеринодаре) / О. Н. Маркова // Вестник ИМСИТ. — 2017. — № 1. — С. 14–18.
152. *Маркова О. Н.* Страницы скульптурной «Ленинианы»: памятник В. И. Ленину в Новороссийском морском порту / О. Н. Маркова // Наследие веков. — 2017. — № 2. — С. 62–68. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Markova.pdf. (дата обращения: 29.03.2024).
153. *Маркова О. Н.* Таманские древности в свидетельствах английских путешественников конца XVIII — начала XIX вв. / О. Н. Маркова // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния : сб. науч. ст. по итогам всерос. науч. конфер. с междунар. участием (Краснодар, 20–22 июня 2014 г.). — Краснодар : Экоинвест, 2014. — С. 42–47.
154. *Маркова О. Н.* Типы исторической застройки Армавира: к проблеме сохранения городского культурного ландшафта / О. Н. Маркова // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики) : материалы X всерос. науч. симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.). — М. ; Омск : Сибирский филиал Ин-та Наследия, 2020. — С. 281–296. — DOI 10.34685/NI.2020.32.21.014.
155. *Маркова О. Н.* Три дома на ул. Мира в г. Краснодаре: из опыта атрибуции памятников архитектуры / О. Н. Маркова // Фелицынские чтения (XX): Проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия : материалы межрегион. науч.-практ. конференции (Краснодар, 23–25 октября 2018 г.). — Краснодар : Вика-Принт, 2018. — С. 162–165.
156. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. — М. : Наука, 1978. — 328 с.
157. *Медынцева А. А.* Тмутараканский камень / А. А. Медынцева. — М. : Наука, 1979. — 56 с.
158. *Окороков А. В., Бабекин Д. В.* Подводное культурное наследие: изучение, сохранение, музеефикация / А. В. Окороков, Д. В. Бабекин. — М. : Институт Наследия, 2017. — 308 с.

159. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). — Краснодар : Краснодарское книжное издательство, 1986. — 394 с.
160. Охрана культурного наследия в Российской империи : учеб. пособие / А. В. Шаманаев, С. Ю. Зырянова; [науч. ред. А. С. Мохов] ; Мин-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 132 с.
161. *Панкратова Т. Н.* Охрана памятников истории и культуры в Российской Федерации в 1960–1970-е гг. / Т. Н. Панкратова // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР. — М. : НИИ культуры, 1987. — 224 с.
162. *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове (1792–2016 гг.) / Я. М. Паромов. — М. : ИА РАН, 2023. — 336 с.
163. *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове (конец XVIII — начало XX вв.) / Я. М. Паромов // Боспорские исследования. — Керчь, 2019. — № 39. — С. 343–377.
164. *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове (1918–1991 гг.) / Я. М. Паромов // Боспорские исследования. — Керчь, 2020. — Вып. XL. — С. 239–305.
165. *Паромов Я. М.* История археологических исследований на Таманском полуострове (1992–2012 гг.) / Я. М. Паромов // Боспорские исследования. — Керчь, 2020. — Вып. XLI. — С. 231–334.
166. Первая Кубанская археологическая конференция : Тезисы докладов (Краснодар, 5–7 марта 1989 г.). — Краснодар : Кубанский государственный университет, 1989. — 150 с.
167. *Полякова М. А.* Охрана культурного наследия России : учеб. пособие для вузов / М. А. Полякова. — М. : Дрофа, 2005. — 271 с.
168. *Полякова М. А.* Культурное наследие России. История охраны и современное состояние : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 072300 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия / М. А. Полякова. — М. : Российский гос. гуманитарный ун-т, 2015. — 387 с.
169. Пятая Кубанская археологическая конференция : Материалы конференции (Анапа, 5–10 октября 2009 г.). — Краснодар : Изд. Куб. гос. ун-та, 2009. — 475 с.
170. *Работкевич А. В.* Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в России в XVIII — начале XX века : автореферат дисс. ... кандидата культурологии: 24.00.03 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. — Москва, 1999. — 33 с.
171. *Равикович Д. А.* Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) / Д. А. Равикович // Труды научно-исследовательского института

- музееведения и охраны памятников истории и культуры. — М., 1970. — Вып. 22. — С. 3–127.
172. *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) / А. М. Разгон // История музейного дела в СССР : Труды НИИ музееведения. — М., 1957. — Вып. 1. — С. 7–128.
173. *Разгон А. М.* Охрана исторических памятников в России (XVIII — первая половина XIX вв.) / А. М. Разгон // Очерки истории музейного дела в СССР. — 1971. — Вып. 7. — С. 292–365.
174. *Ратушняк Т. В.* Становление и развитие краеведения на Кубани в конце XVIII — первой трети XX вв. / Т. В. Ратушняк // Голос минувшего. — 2007. — № 3–4. — С. 83–94.
175. *Ратушняк Т. В.* Кубанский областной статистический комитет: создание, основные направления и результаты деятельности / Т. В. Ратушняк // Кубанский сборник. — Краснодар : Книга, 2012. — Т. 4 (25). — С. 32–56.
176. *Ратушняк Т. В.* Общество любителей изучения Кубанской области (1897–1932 гг.): к 120-летию первого краеведческого общества на Кубани / Т. В. Ратушняк // Голос минувшего. — 2017. — № 1–2. — С. 151–162.
177. *Рысин Ю. В., Бондарь В. В.* Исторические поселения Северо-Западного Кавказа: трансформации статуса и перспективы сохранения и актуализации архитектурно-градостроительного наследия. — Текст: электронный / Ю. В. Рысин, В. В. Бондарь // Academia. Архитектура и строительство. — 2016. — № 3 — С. 99–105. — URL: http://www.raasn.ru/public/academia_2016_3.pdf (дата обращения: 25.11.2018).
178. *Савенко С. Н.* Археологические исследования Северного Кавказа: местные учреждения и персоналии в ранний советский период / С. Н. Савенко // Очерки истории отечественной археологии. — М. : ИА РАН, 2019. — Вып. V. — С. 305–335.
179. *Серых Д. В.* Всероссийские археологические съезда как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX в. / Д. В. Серых. — Казань : Отечество, 2014. — 188 с.
180. *Сорокина И. А.* Раскопки курганов на Юге России и становление полевой методики (середина XIX — начало XX вв.) / И. А. Сорокина // Научные ведомости: История. Политология. Экономика. Информатика. — 2010. — № 7 (78). — Вып. 14. — С. 130–136.
181. *Сорокина И. А.* Полевая археология в России в 1918 — начале 1930-х годов: организация, динамика, тенденции / И. А. Сорокина // Очерки истории отечественной археологии. — М. : ИА РАН, 2019. — Вып. V. — С. 336–350.
182. *Татаринцева Р. И.* Из истории британско-русских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // Материалы археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 2003. — Вып. X. — С. 590–598.

183. *Тихонов И. Л.* Императорская Археологическая комиссия: структура и кадровый состав // Российская археология. — 2009. — № 4. — С. 5–17.
184. *Ткачев А. Н.* Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг.) : Биобиблиографический словарь-справочник / А. Н. Ткачев. — Краснодар, 2016. — 346 с.
185. *Толочко А. П.* Тмутороканский болван / А. П. Толочко // *Ruthenica*. — Киев, 2008. — Т. 7. — С. 193–201.
186. Третья Кубанская археологическая конференция : Тезисы докладов международной археологической конференции (Краснодар, Анапа, 1–3 июля 2001 г.). — Краснодар, 2001. — 234 с.
187. *Тугай Т. И.* Организация советского краеведения: дореволюционный опыт в реалиях 1920-х гг. / Т. И. Тугай // Российские регионы: взгляд в будущее. — 2020. — Т. 7. — № 3. — С. 12–34.
188. *Тункина И. В. А. С. Уваров и древности Юга России (конец 1840 — начало 1850-х гг.) / И. В. Тункина // Охраняется государством: Четвертая российская научно-практическая конференция. — СПб., 1996. — Часть I. — С. 163–181.*
189. *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России XVIII середина XIX в. / И. В. Тункина. — СПб. : Наука, 2002. — 676 с.
190. *Тункина И. В.* Археологические исследования А. Б. Ашика и Д. В. Карейши на Таманском полуострове в 1820–1840-х гг. / И. В. Тункина // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. — Одесса : Изд. дом «Паллада», 2008. — Вып. 2. — С. 60–63.
191. *Тункина И. В.* Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера / И. В. Тункина // Вестник древней истории. — 2013. — № 1 (284). — С. 197–214.
192. *Тункина И. В.* История изучения [античного наследия Кубани] / И. В. Тункина // Античное наследие Кубани. — М. : Наука, 2010. — Т. 1. — С. 10–128.
193. *Тюкина Л. А., Личак Н. А.* Инициатива местных органов власти по сохранению памятников усадебной культуры в первые послереволюционные годы / Л. А. Тюкина, Н. А. Личак // Карабахские научные чтения. Музей — усадьба — литература: пути и проблемы взаимодействия традиционных культурных институтов в современном мире : материалы научно-практической конференции (Ярославль, 5–6 июля 2018 года). — Ярославль : ООО «Академия 76», 2018. — С. 115–121.
194. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья / А. А. Формозов. — М. : Наука, 1985. — 160 с.
195. *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии / А. А. Формозов. — М. : Наука, 1986. — 240 с.
196. *Формозов А. А.* Русское общество и охрана памятников культуры / А. А. Формозов. — М. : Советская Россия, 1990. — 108 [2] с.

197. *Фролов А. И.* Изучение и паспортизация памятников культуры России: опыт, тенденции, проблемы / А. И. Фролов // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР. — М. : НИИ культуры, 1987. — С. 46–65.
198. *Хотина Ю. В.* Формирование историко-культурного наследия Кубани в конце XVIII — начале XX вв. : автореферат дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2006. — 27 с.
199. *Чернявский А. С.* Управление сохранением и развитием объектов недвижимости культурного наследия : автореферат дисс. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Чернявский Алексей Сергеевич [Место защиты: Гос. ун-т упр.]. — Москва, 2011. — 18 с.
200. Четвертая Кубанская археологическая конференция : сб. тезисов конференции (Геленджик, 5–8 октября 2005 г.). — Краснодар, 2005. — 340 с.
201. *Шадже А. М.* Охрана памятников истории и культуры на Северном Кавказе: первая половина 20-х гг. XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. — Майкоп, 1992. — 173 с.
202. *Шалюгин М. С.* Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия в дореволюционной России : дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.01. — Нижний Новгород, 2005. — 207 с.
203. Шестая Международная Кубанская археологическая конференция : Материалы конференции. — Краснодар : Экоинвест, 2013. — 497 с.
204. *Щенков А. С.* Реставрация и охрана памятников архитектуры в деятельности Императорской Археологической комиссии / А. С. Щенков // Российская археология. — 2009. — № 4. — С. 5–17.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР —	Академия наук СССР
Архив	
УГООКНKK —	Архив Управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края
ВООПИиК —	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВЦНИЛКР —	Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей
ГАИМК —	Государственная академия истории материальной культуры
ГАКК —	Государственный архив Краснодарского края
Главнаука —	Главное управление научными, художественными и музейными учреждениями Академического центра НКП СССР
ГМИИ —	Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ГЦХНРМ —	Государственная центральная художественно-реставрационная мастерская имени академика И. Э. Грабаря
КГИАМЗ —	Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына
КСНПРМ —	Краснодарская специализированная научно-реставрационная мастерская
ЛИЭТО —	Литературно-историческое и этнологическое общество
МАК —	Материалы по археологии Кавказа
МАО —	Московское археологическое общество
НКП	
(Наркомпрос) —	Народный комиссариат просвещения
ОЛИКО —	Общество любителей изучения Кубанской области
ПСЗРИ —	Полный свод законов Российской империи

РАИМК —	Российская академия истории материальной культуры
РАНИОН —	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СНК (Совнарком) —	Совет народных комиссаров
ЦБК —	Центральное бюро краеведения
ЦГРМ —	Центральные государственные реставрационные мастерские
ЦНРМ —	Центральная научно-реставрационная мастерская

Научное издание

Маркова Оксана Николаевна

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ НЕДВИЖИМОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЕ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI вв.**

Монография

*Издаётся по решению Учёного совета
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*
Корректурa: *И. А. Птицын*
Компьютерная вёрстка: *О. В. Клюшенкова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru

Это и другие издания вы можете бесплатно скачать на сайте
Института Наследия — www.heritage-institute.ru, раздел «Издания»